ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

ПАЗЛ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

ПОКА ПРИ ПАМЯТИ

КЁЛЬН 2015

ВАЛЕРИЙ ЗОЛОТАРЕВСКИЙ

Пазл в четверть века

Пока при памяти

КЁЛЬН 2015

Здесь мне хочется выразить глубочайшая признательность людям, оказавшим мне посильную помощь в создании этой книжки. Вот их имена:

Б. Айнбиндер (Израиль); И. Александровская (Давидович); А. Берковский (Россия); Г. Волох; М. Гинзбург (США); И. Грановская; В. Зуев (Украина); В. Смирнов (Украина); В. Шевчук (Украина); И. Шимельфарб (США); Л. Эдельштейн (Израиль).

Особая благодарность моей жене – Татьяне Золотаревской, которая вынуждено стала первой и, надо сказать, строгой читательницей книжки. А также моему безотказному приятелю и помощнику Георгию Пакману, без которого книжка не увидела бы свет.

Приобретай в юности то, что с годами возместит тебе ущерб, причиненный старостью. И, поняв, что пищей старости является мудрость, действуй в юности так, чтобы старость не осталась без пищи.

Леонардо да Винчи

В молодости мы легко совершаем всякие безрассудства, прикрываясь тем, что в старости будет что вспомнить. А в старости стараемся вспоминать именно молодость, но никак не её глупости.

Автор неизвестен (Хомуций)

Начнём, пожалуй!

В последние годы появилось великое множество мемуарной литературы, написанной как профессиональными литераторами, так и дилетантами, испытывающими острую потребность поделиться воспоминаниями, которые ещё хранит их слабеющая память. Чаще всего это – биографические заметки, воссоздающие пёструю картину пространства и времени, в котором обретались их авторы. Они пристально вглядывались в пережитое, чтобы разглядеть мельчайшие подробности эпизодов безвозвратно ушедшего прошлого. Только память способна вернуть к жизни это прошлое. А потому память, мне кажется, является важнейшей и естественной формой существования человечества.

Воспоминания всегда интересны своими деталями, особенно мелкими, дающими возможность точно воспроизвести в историческом контексте со всеми подробностями развёрнутую картину быта описываемых лет. Эти приведенные порой самые незначительные приметы времени и являются главным сокровищем мемуарной литературы. При этом, по моим наблюдениям, чем менее значительную роль выполняет личность автора, тем интереснее и значи-

тельнее становятся описываемое время и происходящие в это время события.

Для молодых читателей эти жизнеописания выполняют, на мой взгляд, важную просветительскую роль, а у читателей одного поколения с автором они рождают сумбурную волну аллюзий и ассоциаций. Как у А. С. Пушкина в «Русалке», где старый Мельник с волнением произносит: Мне всё здесь на память Приводит былое И юности красной привольные дни.

Собственно говоря, эти соображения и подтолкнули меня заняться чем-то подобным. Тем более, что вскоре после завершения работы над моей четвёртой книжкой я стал, как говориться, искать пятый угол. У меня было ощущение полной растерянности. Все признаки ПИСАмании были налицо и всё говорило о том, что я уже крепко подсел на этот вид деятельности. Нужно было на что-то решаться. В общем-то идей было достаточно, но все они требовали либо соответствующего литературного уровня, либо богатого приключениями жизненного опыта. Но, увы, ни тем, ни другим в достаточной мере Бог меня не наградил. Шли дни, настроение было хуже некуда, даже спортивные передачи были мне не в радость, разве только хорошая музыка на время успокаивала меня. Я понимал, что смогу писать лишь о том, что знаю достоверно. И вдруг, простите за банальность ситуации, одной бессонной ночью пришло простое решение. А попробую-ка я повспоминать, попробую-ка выжать из своей памяти, что может быть интересным не только мне.

И, хотя говорят, что невозможно вступить в одну реку дважды, но я с лёгкостью опроверг эту казалось бы незыблемую аксиому, взявшись за написание воспоминаний о годах, в которых прошло моё детство, юность и молодость. Мне показалось, что это время (особенно школьные годы) представляет наибольший интерес. Когда я начал писать эти заметки, передо мной пёстрой толпой стали роиться воспоминания о событиях первой четверти века моей жизни. Работа волновала меня, будоража драгоценные мгновения пережитого. Это было истинное наслаждение!

И, несмотря на то, что в те годы случалось всякое – радостное и грустное, весёлое и горькое, я получал удовольствие от каждой встречи даже с мимолётными эпизодами моей юности.

Я старался ничего не придумывать и не додумывать, рассказывая искренне и правдиво лишь о том, что и как сохранила моя память. Интересно, что свою лепту в этот процесс внесли все органы чувств. Что-то всплывало в виде ярких визуальных картинок, о чём-то напоминали приглушенно звучащие мелодии и даже обоняние открывало какие-то забытые странички. Но самым поразительным для меня было открытие памяти рук. Иногда, прикасаясь к какому-то предмету, во мне рождались волнующие ощущения чего-то пережитого. Порой за уточнениями я обращался к интернету, что позволяло мне вновь и вновь перелистывать страницы жизни, встречаться с любимыми певцами, музыкантам и актёрами, играющими в старых фильмах, слушать прекрасную музыку к ним и наслаждаться наивной простотой ушедшего кинематографа.

Память – явление странное. Она как бабушкин сундук на антресоли или чердаке фамильного особняка. Если хорошенько покопаться, можно обнаружить такие жемчужины промелькнувшей жизни, которые заставляли томительно и сладостно биться сердце. В памяти вся наша жизнь, как сито, через отверстия которого просачиваются в реальное сознание избранные эпизоды жизни. Они, складываясь в яркие и чёткие картинки, мелькают, как в калейдоскопе, иногда огорчая, иногда радуя, но всегда крайне удивляя своим неожиданным появлением. Оказалось, что даже этих разрозненных событий вполне достаточно, чтобы сложился внятный пазл четверти века, в которую уложились молодые годы моей нехитрой биографии.

Всегда поражался людям, которым удаётся с подробностями вспоминать отдельные сцены из своего самого раннего детства. Меня, очевидно, природа просто обделила памятью такой глубины. Моя память начала подавать признаки жизни лишь с четырёхлетнего возраста.

Мама и папа

Начать мне хотелось с небольшого отступления, посвящённого моим дорогим родителям. Благодаря их стараниям я появился в этом мире 11 января 1939 года в городе Новочеркасске.

Мой папа, Исаак Яковлевич Золотаревский, инженер-электрик по профессии, как раз в это время досиживал, как немецкий шпион, полтора года ежовского периода своей биографии, а моя мама, Маргарита Эммануиловна (в девичестве Жарковская), экономист по образованию, тянула на себе шесть человек, мужественно преодолевая все тяготы, связанные с отсутствием папы. Я совершенно не понимаю, как такой мягкий, как моя мама, и не приспособленный к ударам судьбы человек, смогла пережить всё это.

По счастливому стечению обстоятельств папа всё-таки освободился, стоически перенеся круглосуточные допросы с пристрастием и изощрённые пытки. Когда, по наблюдению папы, я мог уже адекватно воспринять об этом информацию (это был 1952 год), он мне в свойственной ему манере – очень сдержанно рассказал о том, что с ним произошло. Я никогда не слышал по этому поводу от папы и мамы ни жалоб, ни стенаний. Это были удивительно светлые и благородные люди! Я понимаю, что многие о своих родителях тоже говорят в восторженных выражениях, но в данном случае не

будет большим преувеличением сказать, что наши с Ирой (моя старшая сестра) мама и папа, и их друзья были как бы «последними из могикан». Им я посвятил свою книгу «Щемящая радость воспоминаний» (2011 год). Воспоминания о них и по сей день переполняют мою душу признательностью и нежностью. Порядочность и доброжелательность, природный ум и образованность, деликатность и неугасаемый оптимизм – вот далеко не полный перечень их достоинств.

Мой двор

Из эвакуации в Киев мы вернулись в конце 1943 года, сразу после его освобождения. Всего, что происходило со мной и вокруг меня до начала Войны, я не помню. Но есть фотография, на которой я заснят стоящим на скамейке Золотоворотского садика. Это было в начале лета 1941 года.

Годы эвакуация тоже не оставили в моей памяти никаких достаточно ярких следов, кроме постоянного чувства голода, который, несмотря на усилия родителей, очень отвлекал меня от крайне важных щенячьих занятий.

Чудовищные раны войны, обезобразившие город, были особенно заметны в центре. Разрушенные дома Крещатика ощерились своей беззубой пастью в истерзанное бомбардировками киевское небо.

После определённых мытарств нам удалось вселиться в свою квартиру на улице Прорезной, наименее пострадавшей именно в своей верхней части. Это были две комнаты в коммунальной квартире, которая после пребывания в ней во время войны посторонних людей выглядела крайне

непривлекательно. Что же касается мест общего пользования, то это, как говориться, не для слабонервных. Пол кухни был укрыт корявыми досками, в которых прорехи и щели служили надёжным укрытием для мышей и огромных чёрных, будто лакированных, тараканов. Над головой в половине кухни устрашающе нависала антресоль, которая меня манила своим таинственным чревом. Однажды, когда никого из взрослых не было дома, я взобрался туда по приставной деревянной лестнице и передо мной открылся загадочный и, как мне тогда казалось, сказочный мир. В куче всяческого барахла я обнаружил старые ёлочные игрушки, разодранного, но вполне узнаваемого, деда Мороза и много других очень полезных и важных вещей.

В ванной комнате, стены которой были съедены сыростью и грибком, стояла эмалированная чугунная ванна, покрытая рыжими кружевными узорами ржавчины. В туалете на бетонном полу стоял сочащийся и качающийся унитаз с расположенным под потолком ржавым бачком, из которого струилась цепочка с тяжёлой фарфоровой ручкой-слезой. В Евангелии от Матфея есть фраза: «Мерзость запустения», которая как нельзя лучше характеризует наше жильё.

В этой квартире, которую с годами удалось приспособить к более или менее нормальному быту, мы прожили больше тридцати лет. Картину этого коммунального рая можно завершить описанием омерзительных запахов чёрного двора с общественным туалетом и мусорными контейнерами, шевелящимися под натиском вечно голодных крыс, и грохотом в углу двора с утра до ночи жестяных подносов, погружаемых и разгружаемых в ненасытное брюхо ресторана.

В этом самом дворе главным образом и проходила моё кудрявое детство. Двор представлял собой каменный прямоугольный колодец, в центре которого находился палисадник, огороженный забором с кирпичными тумбами, в которые были вбетонированы толстые чугунные трубы. Посреди палисадника располагалась, как огромная пепельница, бетонная чаша бездыханного фонтана, рядом с которой рос гигантский каштан, достигший невероятных

размеров в естественном стремлении согреться в лучах манящего солнца. Каштан пережил бомбардировки, но не смог одолеть собственный возраст и зрелую тяжесть своих грузных ветвей. Он рухнул в середине шестидесятых, к счастью, проявив милосердие ко всем находящимся в тот момент во дворе.

Двор был образован четырьмя разновысокими домами-флигелями, стоящими на углу улиц Прорезной и Владимирской. Мы жили на третьем этаже дома, находящегося внутри двора, и с нашего балкона можно было с лёгкостью наблюдать за жизнью этого человеческого улея. На этом снимке мы как раз и запечатлены на этом балконе вместе с нашим любимцем – сибирским котом Русликом.

Это были доходные дома, построенные по проекту Карла Шимана в 1901 году по заказу торговца охотничьим оружием Петра Барского и купца Александра Сироткина. Кстати, любопытная деталь – над нами на четвёртом этаже жила некая Алла Барская. Возможно это было просто совпадение, а может быть и нет. В нижнем этаже здания (вход с угла) находилось модное в те годы заведение – кафе «Маркиз», в котором бывали А. Вертинский, К. Паустовский, М. Булгаков и другие. Позднее оно получило название «Коктейль-холл» , заняв ещё и второй этаж, и стало любимым местом киевской богемы. После Войны «Коктейль-холл» переоборудовали в ресторан «Лейпциг» с блюдами европейской кухни. Производственные площади ресторана своим тылом выходили в угол двора. Это место очень привлекало голодных дворовых мальчишек, невольно подталкивая их к мелким криминальным приключениям.

Время было голодное. Зачастую мы опускались (буквально) до подножного корма. Подбирали всё, что плохо, а порой и хорошо, лежало. Большой популярностью в летний

период у нас пользовались плоды какой-то травы, так называемые зелёные калачики, и ягоды шелковицы, которые превращали наши физиономии в лица трубочистов.

В противоположном углу на задворках находился омерзительный общественный туалет. Три полуразрушенные деревянные кабины с соответствующими отверстиями в деревяном помосте и небольшими дырочками в боковых стенках. Когда какая-нибудь молодая женщина шла в туалет, кто-то из самых отчаянных бежал следом с криком «На Берлин!», чтобы грязно подглядывать, задыхаясь от подступившего волнения.

Мальчишеский дворовый контингент представлял собой натуральную шпану. В ресторанном углу жил Лёнчик по кличке «карлик», что вполне соответствовало действительности. Это был кривоногий приземистый крепыш с малоприятной внешностью. Над ним на втором этаже обретался Толик по кличке «пидоррр» (так это произносилось), только потому, что это было его любимое ругательство. При малейшем недовольстве он обзывал обидчика педерастом, выговаривая «пидогаст», поскольку сильно картавил, доводя нас этим до истерического смеха. Рядом тоже на втором этаже, но в соседнем флигеле, жил Вовка по кличке «бараболя». Это был красивый и даже талантливый пацан. У него был прекрасный музыкальный слух и он хорошо рисовал. Но, к сожалению, Вова выбрал воровскую стезю, превратившись в вора-рецидивиста, лишь изредка появляющегося между посадками дома и сгинувшего позднее в лагерях.

Наибольшее количество дворовой шпаны почему-то жило в мансарде. Два тихих и даже малозаметных брата-близнеца Вова и Сёма (старше нас) и их безбашенный весёлый младший брат Зюня. Все прошли через тюрьмы и лагеря. Коренастый малый с низким хриплым голосом Вилька по кличке «Вильдос», кумиром которого был Атос из трофейного фильма «Три мушкетёра». Его соседом был Адик по кличке «красавчик». Это был действительно очень красивый юноша цыганской внешности и горящими дьявольским огнём глазами. После получения им первого срока он ни разу не появлялся дома. Много лет спустя его

мама рассказала, что его убили в лагере.

Вскользь упомяну ещё двух пацанов младше нас – Стасика и Эдика. Эдик запомнился тем, что выговаривал вместо многих согласных букву «т». Он ходил за всеми и обычно канючил: «Дайте тусочет тёрстого тепушта». Был ещё Лёвка (на несколько лет старше нас) по кличке «керосинщик», т.к. на зависть всем являлся владельцем немецкого трофейного мотоцикла.

Дворовые девчонки тогда меня ещё не интересовали. Да и было их у нас всего ничего. В нашем флигеле на первом этаже в тесном коммунальном содружестве жили три семьи, в двух из них росли девочки. Аня – субтильное существо с типично еврейской внешностью и полная её противоположность Валя – белобрысая угловатая мужеподобная девица. А ещё на одном этаже со мной, но в соседнем флигеле жила семья караимов, где подрастала моя сверстница Таня, которая нами не воспринималась девочкой, поскольку на равных принимала участие в наших мальчишеских затеях. Правда, напротив в углу двора на первом этаже жила семья глухонемого сапожника. У них подростала хорошенькая светлоглазая девочка Софа, на которую я обратил внимание практически лишь после достижения ею молочно-восковой зрелости.

Лишь трое из нашей дворовой команды может быть и зарекались, но, к счастью, избежали и сумы, и тюрьмы. Это был мой друг детства Миша по кличке «длинный», живший в квартире, окна которой выходили прямо на наш жуткий дворовый туалет. Сегодня он живёт в Балтиморе и, несмотря на возраст, до сих пор (такой молодец!) работает.

Мы изредка перезваниваемся и даже дважды повидались. Один раз они с женой приезжали в Кёльн, а в 2007 году мы были в США и побывали у них в гостях. А над Мишей на втором этаже жил Лёнька по кличке «Ёська». Если мне не изменяет память, он какое-то время работал

киномехаником или, как мы тогда говорили «кинщиком». Подробности его дальнейшей судьбы мне неизвестны. И, наконец, ваш покорный слуга Валик (так меня все называли) по кличке «рыжий», что и не удивительно. Лишь Лёнчик – «карлик» звал меня «гиллер», утверждая, что на идиш это тоже означает «рыжий». Произнося это, он оглашал двор весёлым ржанием.

Вот и судите сами, что путнее могло породить криминальное чрево нашего двора. Так что те, кому удалось всё-таки выйти в люди, сделали это, разумеется, не благодаря, а вопреки.

В моём дворовом детстве темы антисемитизма не существовало. Пацаны, разумеется, отличались друг от друга физическим и умственным развитием, семейным положением и внешними данными, но только не национальной принадлежностью. Впервые я столкнулся с откровенным антисемитизмом совершенно случайно. Дело было так. Мы бесновались во дворе, когда вбежал Вильдос с криком: «Бегите скорей. Напротив в парикмахерской бреется Григорий Новак!». Что для нас означало это имя – «ни в сказке сказать, ни пером описать». Шутка ли – самый сильный человек планеты, чемпион мира по тяжёлой атлетике в самой тяжёлой весовой категории. И вдруг здесь, у нас, на нашей улице! Мы бросились что есть мочи и замерли у дверей. В это время в парикмахерскую зашла группа крепко подвыпивших матросов и начали дебоширить. Поскольку в кресле как раз сидел Григорий Новак, достаточно толстый коротконогий человек, то он и стал объектом пьяного куража. Новак долго терпел происходящее безобразие, пока кто-то из матросов не крикнул, обращаясь к парикмахеру: «Долго ты будешь брить эту жидовскую морду?». Новак как-то очень проворно выбрался из кресла, обтёр салфеткой свою жидовскую морду и под наши восторженные вопли по одному выбросил на мостовую всю пьяную компанию.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, мне кажется здесь было бы уместным высказать свою позицию, сформировавшуюся значительно позднее, по поводу антисемитизма вообще и национальной гордости в частности. На мой

взгляд понятие национальная гордость – это вообще чушь. Гордиться можно умом, талантом, образованием, твёрдым характером, наконец, воспитанием, но не набором ДНК, случайно собранном с помощью генетического калейдоскопа в каждом отдельно взятом организме. Я думаю, что национальные черты не закладываются комбинацией ДНК, а создаются историческим и географическим фоном, в котором развивается та или иная человеческая группа или общность. Мне совершенно безразлично было бы знать, кто я по национальности, если бы так настойчиво и жестоко не напоминали об этом. Кажется, Ежи Лец когда-то писал: «Я – еврей, но не по той крови, которая течёт в жилах, а по той, что течёт из жил». Я не хочу жить, всё время помня, что я еврей. Я хочу чувствовать себя просто человеком. Когда я слышу, что все евреи хитрые, жадные и трусливые (малый набор антисемита), то вынужденно, к стыду своему, становлюсь в оборонительную позицию и защищаюсь. Тогда и только тогда мне приходит на ум бесконечный перечень евреев выдающихся деятелей мировой науки и культуры. Тогда и только тогда я напоминаю своим оппонентам о процентном соотношении среди Героев Советского Союза, награждённых за мужество и героизм на полях Второй Мировой Войны. Тогда и только тогда я педалирую чувство восхищения Израилем, создавшем во вражеском окружении за столь исторически короткий срок чудо-государство. И много чего ещё. Хотелось бы закрыть эту болезненную тему высказыванием выдающегося деятеля сионистского движения Макса Нордау: «Евреи добиваются превосходства лишь потому, что им отказано в равенстве».

Игры моего детства

Мы, послевоенная детвора, как и дети других времён, самозабвенно играли в разные игры. Нормальных детских игрушек не было, не говоря уже о телевизоре, компьютере и иных современных гаджетах, о которых тогда даже помыслить никто не мог. Это обстоятельство включало на полную катушку детскую фантазию, что привело к появлению

великого множества доступных игр, практически не требующих никаких финансовых затрат. Среди них были вполне безобидные игры, но были и такие, которые не всегда заканчивались благополучно. Мне в первую очередь хотелось бы напомнить об играх, скрашивающих наше бесцветное послевоенное детство.

Чаще всего мы играли «в войнушку». Играющие делились на наших и фашистов. Это было самым сложным. Никто не хотел играть роль фашистов. Чаще всего выяснение принадлежности к той или другой стороне доходило до драки. Соперники вызывали друг друга на своеобразную дуэль, называемую стукалкой. Бились всерьёз до первой сопатки, т.е. до крови из носа. Проигравший, естественно, с позором отправлялся в лагерь фашистов.

Конечно, играли во дворе в футбол, правда, первое время – тряпичным мячом. Сегодня это может показаться странным, но мы этого почти не замечали.

Ещё была такая неожиданная забава, почему-то называемая «майки». К лоскутку длиношёрстного меха прикреплялся кусочек свинца и этот своеобразный волан нужно было, не роняя, подбивать внутренней стороной стопы максимальное количество раз. Рекордный результат помню по сей день – 178 раз. Мне же так ни разу и не удалось перевалить через сотню.

Был довольно длительный период увлечения грозным оружием – рогатками. Рогатка делалась из ветки толщиной в палец, имеющей Y-образную форму. К концам развилки прикреплялась полоска плотной резины, в середину которой закладывался снаряд

(камушек, шарик от подшипника или что-нибудь аналогичное), вылетающий под действием оттянутой резины с сокрушительной скоростью.

Мы устраивали стрелковые турниры по самодельным мишеням. Но наибольший всплеск адреналина (тогда этого слова не знали, поэтому приходилось употреблять – возбуждение) вызывал звон разлетающегося оконного стекла и острая необходимость немедленного исчезновения с поля боевых действий. Не помню, чтобы кому-нибудь при этом было стыдно.

Да, ещё, чтобы не упустить, какую-то мистическую радость доставляло общение с крохотным рубиновым в чёрных пятнышках жучком – божьей коровкой. Я усаживал её на ладонь, растопырив пальцы, и она сразу же начинала карабкаться к кончику пальца. А я в это время тихим голосом напевал: «Божья коровка улети на небо,там твои детки кушают конфетки». И тут эта самая божья коровка, расправив лаковые крылышки, действительно взлетала. Было волшебное ощущение полного взаимопонимания.

После оккупации нам в наследство досталась игра «Штандер», в которую в часы досуга играли немецкие солдаты. Участники становились в круг, а в центре располагался ведущий, который высоко подбрасывал маленький резиновый мячик, выкрикивая имя одного из стоящих в круге. Названный пытался мяч поймать, а остальные в это время разбегались кто куда и замирали. Завладев мячом, ведущий выбирал жертву и метил её мячом, как снарядом. Уворачиваться было категорически нельзя. После удачного попадания жертва становилась ведущим. Я быстро понял, что главное не подальше убежать, а нужно побыстрее

найти преграду, за которую можно было бы спрятаться.

Играли мы, прячась от взрослых, и в азартные игры. Одно время был период увлечения игрой «коцы» или «стеночка». Правила крайне просты. Один из играющих ударял своей монеткой о стенку, после чего монетка падала на землю. Противник проделывал тоже самое, но так, чтобы его монета легла как можно ближе к предыдущей. Дальше начиналось самое главное. Тот, кто бросал вторым, растопыривал пальцы ладони, пытаясь коснуться кончиками пальцев обеих монет одновременно.

Если это удавалось, то счастливчик становился обладателем монеты противника. Здесь я имел некоторое преимущество за счёт своих длинных пальцев. Однако должен признаться, что природные данные моих рук в дальнейшей жизни мне ни разу не пригодились.

Была ещё одна разновидность «коц». На кон (кирпич) стопкой укладывались монеты (банк) – равноценные ставки обеих игроков. Тот, которому выпадало право бить первым, брал биту (это могла быть какая-нибудь большая старинная монета или просто металлическая шайба) и коцал (бил) по всей стопке. Монеты разлетались и, лежащие орлом вверх, становились его собственностью. В этой игре важна была лишь удача. Хотя иногда победные результаты были таковыми, что само собой приходит на ум высказывание А. В. Суворова: «Раз счастье, два раза счастье – помилуй Бог! Надо же когда-нибудь и немножко умения».

Конечно, мы не забывали и про рядовые привычные игрища, такие, как «квач» и «жмурки». Многие забавы с нами разделяли девчонки. Но всё-таки нашим игрищам они предпочитали свои – «классики» или «резинку».

У мальчишек послевоенного времени были тогда и по-настоящему опасные увлечения. Одним из них, которому могли бы позавидовать даже современные диггеры – это освоение подземных пространств. Мы собирались небольшими группами и спускались в подвалы сохранившихся зданий. Задача была одновременно и простой, и сложной. Используя хитросплетения подземных сооружений, нужно было удалиться как можно дальше от исходной точки.

Нашей призрачной мечтой было – пробраться этими скрытыми тропами, не выходя на поверхность, от нашего дома до Крещатика. Но этой мечте так и не суждено было осуществиться. Зато легко можно было представить, в каком виде после наших «проползновений» мы являлись домой. А стиральных машин тогда ещё не было...

К этому же периоду относится ещё одна групповая мальчишеская забава. Мы увлечённо вели довольно жёсткие войны двор на двор или даже улица на улицу. Оружием служили самодельные сабли, сделанные из кусков ржавого железа, щедро разбросанного повсюду, и щиты, изготовленные из крышек к выварkам. Для тех читателей, которые не относятся к этому доисторическому периоду, позволю себе напомнить, что выварка – это, грубо говоря, огромная кастрюля с крышкой, в которой вываривалось и отбеливалось бельё.

А вот ещё, чуть было не забыл, одна затея! Для этого требовались спички, трубчатые ключи от дверных замков, верёвочка и гвоздь, а также определённая сноровка и даже отвага. Трубка ключа набивалась, но не полностью, серой от спичек, а к ушку ключа привязывался на длинной бечёвке гвоздь, острие которого вставлялось в трубчатое отверстие ключа после его набивки серой. Дальше всё происходило по заранее намеченному сценарию. Группа сорванцов с подготовленным устройством и садистским спокойствием ожидали в одном из подъездов свою жертву. Когда кто-то, зайдя в парадное, успевал подняться по лестнице на один пролёт, один из нас с размаху бил шляпкой гвоздя о стенку. При этом острие гвоздя выполняло роль бойка, а сера – пороха. Раздавался оглушительный выстрел, которому, как эхо, вторил на лестничной клетке вопль жертвы. Иногда эта забава заканчивалась печально. Ключи с тонкой стенкой просто разрывало, что приводило к достаточно серьёзным осколочным ранениям шутников.

С удовольствием вспоминаю ещё одно опасное развлечение, требующее от исполнителя определённого мужества и сноровки. Речь идёт о езде «на колбасе» трамвая. Позади пульмановского вагона свисал толстый жёсткий шланг

воздухопровода, стоя на котором можно было при определённой ловкости удержаться.

Особым шиком считалось, проехать от остановки до остановки, вскакивая и соскакивая на ходу. В те годы по улице Прорезной от Крещатика ходил трамвай, который и был нашим подопытным средством передвижения.

Зимой, а тогда зимы были длительно-снежными, мы, используя горный рельеф нашей улицы, скатывались сверху вниз. Как говорил в одной известной интермедии Аркадий Райкин: «На чём? На всём.». Но голь на выдумки хитра. В дело шли куски фанеры или картона, а порой даже портфели. Счастливые обладатели фабричных средств передвижения гордо выходили на трассу, вызывая у остальных мучительную зависть. И, если у владельца настоящих санок можно было, конечно же не бескорыстно, выклянчить два-три проезда, то те, у кого были лыжи или коньки, не доверяли их никому.

В какой-то момент родители подарили мне ко дню рождения первые коньки – снегурки, но без ботинок, поэтому я их крепил к валенкам тесьмой, натягивая её при помощи какой-нибудь прочной палочки. А уже в старших классах я ходил на каток (обычно на стадион «Динамо»), гордо перекинув через плечо связанные шнурками ботинки с коньками гагами. До беговых коньков – канадских ножей я так и не дорос. За неимением магазинных санок мы

довольствовались гнутыми из двухдюймовых труб самодельными устройствами для скольжения. Делали их дворовые сантехники. Единственным недостатком было то, что приходилось ездить на них стоя, а следовательно – больнее падать.

Есть и довольно страшное воспоминание тех лет. В начале февраля 1946 года на площади Калинина, ныне Майдан незалежности, площади с нынешним ярко-оранжевым оттенком, казнили двенадцать военных преступников, высших офицеров гитлеровской армии. В момент казни на площади было такое столпотворение, что даже нам не удавалось приблизиться к лобному месту – огромным деревянным висилицам. Казнённые «фрицы» провисели целую неделю при относительно свободной доступности, что позволяло особенно дерзким пацанам, пробегая, раскачивать повешенных. Кончилось это тем, что один из них оборвался. Как ни странно – это жуткое зрелище нас не только не пугало, но даже веселило. Причём вид поверженного врага не вызывал в нас никаких, казалось бы, естественных ощущений. По-видимому мы тогда ещё не способны были всерьёз над чем-нибудь задумываться. Для нас это было просто развлечение.Мы жарко обсуждали увиденное, но особенно будоражил наше воображение слух о том,, что одним из казнённых был 24-летний племянник самого Гитлера.

Прошли годы и я, вспоминая эти события, поражался нашей мальчишеской жестокости. Впрочем, может быть это была естественная защитная реакция организма, предохраняющая от болезненных впечатлений наши неокрепшие души.

Общесемейные мероприятия

В нашей семье, впрочем как и во многих других, обычно каждый член семейства с утра до вечера занимался своим делом. Но были и ситуации, в которых принимали участие все. Прежде всего хотелось бы припомнить события, связанные с подготовкой к празднованию Нового Года. Мы с папой загодя отстаивали многочасовую.очередь в попытке купить ёлку, точнее то, что лишь с большой долей фантазии можно было бы назвать ёлкой. И всё же даже это худосочное деревцо наполняло квартиру новогодним ароматом и волнующим предвкушением праздника. За два дня до наступления Нового Года мы приступали к таинству убранства ёлки. С антресолей спускалась картонная коробка, в которой хранились жалкие ёлочные украшения. С помощью кухонного секача подтёсывалась нижняя часть ствола, чтобы плотно припасовать её в отверстие крестовины. После этого ёлка приобретала нужную устойчивость. Между лапами крестовины своё законное место занимал ватный дед Мороз, а вершину ёлки увенчивала покрытая лаком красная картонная пятиконечная звезда.

Перед Новым годом у мамы на работе выдавали, так называемые, праздничные пайки, в которые обязательно включался килограмм мандарин и полкило шоколадных конфет. Мандарины, которые мы заворачивали в алюминиевую фольгу, извлечённую из отработанных электролитических конденсаторов, и конфеты в ярких, как мне тогда казалось, цветных фантиках, были едва ли не главными украшениями ёлки. Кроме того, ёлочные ветки украшались грецкими орехами, выкрашенными в серебристую или золотистую краски. Украшение ёлки завершалось развешиванием самодельной электрической гирлянды, изготовленной умельцами на заводе, где работал папа. Расставались с ёлкой мы лишь, когда её иголки плотным рыжим ковром укутывали ватное покрывало, декорирующее деревянную крестовину.

Среди иных семейно-коллективных мероприятий мне хорошо запомнилось утепление окон к зиме. В те годы

большинство домов в городе были оснащены двойными деревянными рамами, состояние которых оставляло желать лучшего. Процедура утепления представляла собой многоступенчатый процесс. Сначала все щели забивались смоченными в воде обрывками газет или тряпичными лоскутами, а затем уже приступали собственно к поклейке. Для этого использовалась бумажная лента, которая продавалась в готовых рулонах. Мы наклеивали её либо при помощи хозяйственного мыла, либо клейстера, который мама варила из дефицитной муки.

Кстати, сегодня вряд ли кто-то может себе представить, что для того, чтобы купить 3 кг муки нужно было выстоять в суточной очереди. Нам повезло, потому что один из ларьков, в котором торговали мукой, находился прямо у нас во дворе.

Самый приятный момент в утеплении окон наступал, когда нужно было украшать ватный валик, размещаемый между рамами. На него в художественном беспорядке укладывались кусочки древесного угля, предотвращающие запотевание окон, и блёстки или нити серебристой канители – это уже для красоты. Затем обклеивалась рама снаружи, и этим процесс утепления завершался. Теперь в доме становилось значительно уютнее, несмотря на едва тёплые батареи отопления.

Была ещё одна общесемейная процедура, которая проводилась по крайней мере два раза в году. Весной приводились в порядок зимние вещи. Они тщательно чистились, при помощи свитой из лозы выбивалки.

Во дворе выколачивалась пыль, а затем, уже пересыпанные к огорчению ненасытной моли нафталином зимние вещи, аккуратно закладывались в родительскую тахту. А глубокой осенью подобная же, но не столь масштабная, операция производилась уже с вещами летними. После чего их отправляли в тот же ящик на зимнюю спячку. Всё это обычно происходило одновременно

с генеральной уборкой и мойкой окон. Обычно в этом принимала участие вся семья, тратя на это целое воскресенье.

Но не хлебом единым... К чему, собственно, это я? А вот к чему. Просто я хотел рассказать ещё о развлекательных общесемейных затеях. Родители иногда предлагали нам поиграть с ними в шарады. Участники добровольно делились на две команды. Одна команда придумывала слово, которое разбивала на значащие слоги, а потом эти слоги и задуманное слово в целом разыгрывала в виде весёлых сценок. Вторая команда должна была отгадать, какое слово перед ними разыгрывалось. Во главе одной, обычно, стоял папа, а другую возглавляла мама. Им всегда удавалось сделать так, чтобы нам казалось, будто всё или почти всё придумывали и разыгрывали мы сами. Запомнилось слово «метрдотель», которое разбили на три слога метр+дот+ель. Очень смешно папа изображал метрдотеля ресторана, улаживающего конфликт с капризным клиентом.

Часто по вечерам мы играли в «наборщика». Это, когда из букв одного длинного слова, нужно было составлять другие слова. Побеждал тот, у кого слов оказывалось больше. Но также важно было отыскать красивые слова, составленные из буквенных комбинаций, не лежащих на кончике языка. В этой игре не было равных маме.

Последние годы, когда ещё папа был жив, вечерние посиделки заканчивались расписыванием небольшой пули (преферанс). Папа очень любил играть. Играть в принципе. Будь то преферанс или шахматы. Он очень спокойно относился к поражениям – важен был сам процесс, который доставлял ему большое удовольствие. Теперь, мне кажется, я понимаю, что возможность поиграть то ли в шахматы, то ли в преферанс, позволяли на время папе отключать мозги, которые постоянно находились в непрекращающемся творческом процессе.

Детский сад

Мои первые более или менее внятные воспоминания относятся к далёкому детсадовскому периоду, когда я уже,

как мне казалось на вполне законных основаниях, считал себя достаточно взрослым. Настолько взрослым, что однажды, придя из детского сада домой, заявил родителям, что мы с Олей решили пожениться. Надо сказать, что не в столь официальной обстановке я обращался к ней несколько более легкомысленно – «Юценька-Киценька». Но это уже были наши интимные подробности. Папа отнёсся к моему сообщению со всей серьёзностью и, многозначительно переглянувшись с мамой, спросил: «А где вы собираетесь жить? У нас же всего две небольшие комнаты, в которых живут пять человек». Это мне показалось настолько незначительным препятствием, что я, не долго раздумывая, принял оптимальное решение: «Вы с мамой, бабушкой и Ирой будете жить в большей комнате, а мы с Олей – в меньшей». И возможно всё так бы и произошло, если бы через два дня во время дневного сна я не обратил внимание на длиннющие ресницы Наташки.

Но, пожалуй, самым ярким и одновременно горьким пятном калейдоскопа воспоминаний детсадовского периода был взрыв найденной нашими мальчишками гранаты. Наиболее активные ребята из так называемой выпускной группы – «нулёвки», возились как обычно с кучей барахла, лежащего у искалеченного бомбёжкой и разбираемого военнопленными дома, а мы, недопущенные, сидя на заборе, с интересом и завистью наблюдали за их поисковыми работами. Заводилами в «нулёвке» были близнецы – братья Немеровские. Вдруг один из них

радостно завопил: «Смотрите, какую я нашёл зажигалку!». Остальные немедленно сгрудились вокруг него. И тут раздался чудовищный взрыв. Находкой оказалась граната-лимонка. Братья Немеровские погибли на месте, Виталька Лундышев лежал на земле с распоротым животом, из которого виднелась пульсирующая масса, рядом корчился от боли окровавленный Саша Чалый, а чуть поодаль страшно кричал Марик Каплун, из ног которого впоследствии извлекли 24 осколка. Очень быстро, ещё до приезда скорой помощи, появились курсанты (по кличке «вентиляторы»), находящегося рядом в проходном дворе училища ВВС, с носилками и медицинскими пакетами. «Скорая помощь» увезла погибших и тяжелораненых, а с остальными продолжали заниматься курсанты и перепуганный персонал садика. Это происшествие оставило у меня небольшой шрам на правой руке и незаживающий рубец на безмятежной памяти детства. Через некоторое время в детский садик пришли серьёзные дяди из соответствующих органов и прочитали нам нудную лекцию с наглядными пособиями о том, как осторожно нужно себя вести с незнакомыми предметами.

Судя по тому, что мне рассказывали родители, я, несмотря на тяжёлое военное время, в детстве болел мало. Правда, в эвакуации я перенёс довольно тяжёлую малярию, навсегда запомнив непереносимую горечь хинина. Позднее в течение почти двух лет страдал от острого фурункулёза, который при отсутствии необходимых антибиотиков устранялся лишь омерзительным пойлом – пивными дрожжами, которые можно было приобрести лишь рано утром в ларьке пивзавода.

Но есть у меня ещё одно детское незабываемое воспоминание на медицинскую тему. После проведенной бессонной из-за зубной боли ночи родители повели меня к частному зубному врачу. По сей день помню её фамилию – Линкова. Эта, на мой ещё не сформировавшийся взгляд, довольно противная тётка сверлила мне зуб бормашиной довоенного образца – типа отбойный молоток, а я, разумеется, орал. Она же при этом приговаривала: «Фу, какой нетерпеливый

мальчишка! Вспомни партизанку Зою Космодемьянскую. Как её ни пытали фашисты, как ни мучили, но она не проронила ни звука. А ты орёшь так, будто тебя режут». Позднее я понял её тревогу – мои вопли могли услышать соседи и сообщить куда следует о её нелегальной деятельности.

Пионерлагерь

В памяти остались весьма негативные впечатления от неоднократного пребывания в пионерском лагере. Сохранился снимок, на котором в несколько рядов расположилась перед фотографом большая группа измождённых мальчишек (девчонки – отдельно, ибо нравственность – превыше всего). Все одинаково пострижены – голомозые с нелепой небольшой чёлкой надо лбом; все одинаково одеты – чёрные сатиновые трусы и почему-то полосатые, типа арестантстких, футболки. Ну чисто «дети Освенцима».

Пребыванию в пионерском лагере я всегда сопротивлялся, потому что был от природы огненно рыжей масти и сразу становился предметом всяческих насмешек и издевательств. Типа: «Рыжая кандала, тебя кошка родила!» или «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой!».

Почему так ужасно окончил свои дни упомянутый дедушка и при чём здесь шанцевый инструмент? Не знаю. Но было обидно. Правда, к концу смены мне всё-таки удавалось завоевать кой-какой авторитет, хотя это всегда требовало немалого времени и больших усилий. Главным образом за счёт моих шахматных побед. В те годы я увлекался этой замечательной игрой и посещал во дворце пионеров шахматную секцию для малолетних, руководимую милейшим седым, как лунь, человеком со странной фамилией Саускан. Запомнились лагерные часы после отбоя. Едва вожатым удавалось развести нас по кроватям, как начинались наши ночные бдения. Здесь я прошёл полный теоретический курс полового воспитания. Делились волнующими скабрезностями и «полезными знаниями», подслушанными в разговорах взрослых. Рассказывались примитивные грязные анекдоты. Приведу два примера. Пример первый. День рождения. Гости. Все сидят за столом. А дети залезли под стол. Мальчика зовут Петя, а девочку – Буся (Что за имя? Дальше станет ясно.). Папа зовёт Петю: «Петя, где ты?». Петя откликается из-под стола: «Я и Буся под столом». Общее ржание. Пример второй. Идёт парень по улице и вдруг видит стоит автомат с отверстием, над которым табличка «Обойдёмся без женщин». Он оглядывается, расстёгивает ширинку, торопливо вставляет в отверстие своё обнажённое достоинство и нажимает кнопку. С безумным криком парень отскакивает и видит, что к его крайней плоти пришита пуговица. Тут уже ржание переходит в общую истерику.

Кроме этой темы, пацаны перед сном рассказывали всяческие страшные истории, после чего то с одной, то с другой кровати раздавались душераздирающие вопли. По воскресеньям ко мне приезжали родители, которых я начинал ждать уже с момента их отъезда после

предыдущего посещения.

Они привозили всякую вкуснятину и терпеливо выслушивали мои жалобы. Им каким-то образом всегда удавалось меня успокоить и даже развеселить, что позволяло с оптимизмом возвращаться к своим обидчикам.

Школа (1946)

В 1946 году я, сам ещё того не понимая, прощался с детством. 1 сентября меня уже ожидала школа. И хотя мне было всего семь с половиной лет, но уже, как Дамоклов меч, надо мной нависли такие понятия, как «надо», «должен» и «через не хочу», которые довлеют над человеком на протяжении всей его дальнейшей жизни. И всё же 1 сентября всегда ощущался праздничным днём. Первые годы в этот день я шёл в школу в сопровождении кого-то из родителей. Через плечо у меня висела настоящая полевая сумка (военный трофей), а в руке – букет цветов. С тех пор начало учебного года всегда ассоциируется с астрами или хризантемами, а окончание – с яркими букетами тюльпанов и сирени, аромат которой служил символом весны, радости и надежды.

К сожалению, мне не удалось вспомнить, как я был одет 1 сентября 1946 года, зато хорошо помню, что большинство школьных лет я проходил в тёплые месяцы в спортивных трикотажных штанах, раздутых в зоне коленок, а в холодные – моей гордостью были красные байковые шаровары с начёсом. Верхняя часть туловища была закована в бобочку, представляющую собой рубашку или курточку (в зависимости от сезона) с гесткой (кокеткой) от плечей, с манжетами на рукавах, приталенную поясом-резинкой внизу. Эту красоту мне шила из различных остатков тканей наша соседка – Полина Андреевна. Семья главным образом одевалась за счёт «толкучки», расположенной на Евбазе, ныне – площадь Победы. Купленная там за очень недорого одежонка пригонялась затем каждому из нас всё той же Полиной Андреевной. Первое фабричное пальто мне было куплено в «комке» – комиссионном магазине весной 1952 года.

Я вышагивал в нём по улице заносчиво-счастливый. Светило яркое солнце, отражаясь в блестящем ворсе моего тёмно-синего шевиотового пальто. Я шёл почти вприпрыжку, мысленно нахально повторяя пушкинские строки: «Как dandy лондонский одет / И наконец увидел свет».

Должен признаться, что нечто пижонское во мне жило многие годы. Правда, желание не слишком отдаляться от непредсказуемых вывертов моды не всегда соответствовало моим возможностям. И всё-таки однажды мне сопутствовала невероятная удача. В 1954 году по городу пронёсся слух о том, что в такой-то день в ЦУМе будут продаваться австрийские пальто из грубого шинельного зелёного сукна и кожаные чешские ботинки на протекторах фирмы Батя. Это, конечно же, требовало самых решительных действий. Мы с другом (Пузей – о нём позже) заняли очередь с вечера. Насилу дотянули до утра. Не потому, что хотелось спать и кушать, а исключительно от нетерпения. Но всё было не напрасно. Мы стали счастливыми обладателями шикарных пальто и запредельных шкар. Только представьте себе ворсистая изумрудная зелень пальто, как на нас шитое, но и с расчётом на будущее, на плечах погоны, а талию обрамлял пояс из одноимённой ткани, старательно заправленный в фасонную пряжку. А ботинки на толстенной платформе возвышали в глазах окружающих в прямом и переносном смыслах. Как говорила Людмила Гурченко: «Та шо там говорыть!!!».

Корсунь-Шевченковский

Летом 1949 года мамин двоюродный брат – Александр Мойсеевич Марьямов (дядя Саша) пригласил нас провести отпуск под Корсунем-Шевченковским на живописном берегу притока Днепра речке Рось.

Родители сняли рядом с Марьямовыми комнату в хате под соломенной крышей с глинобитным полом и потрескавшейся русской печью, на которой мама иногда готовила дачную еду. Самым сладким воспоминанием той поры было ежедневное пробуждение от ласковых прикосновений

солнечных утренних лучей и лёгких глухих шлепков, раздающихся за окном. Это с дерева, стоящего под окном, от дуновения ветра падали в ещё росистую траву тяжёлые, нагретые солнцем сочные лиловые плоды сливы Ренклод. Я вскакивал с кровати и бежал за хату, чтобы, обливаясь медовой мякотью, насладиться дивным вкусом этих плодов.

Дядя Саша и тётя Лена со своими сыновьями Мишей и Аликом и весёлым фокстерьером Кутькой жили в аналогичной хате, как я уже говорил, недалеко от нас. А чуть дальше расположилась семья Александра Степановича Левады, успешного украинского писателя и политического деятеля. Он в те годы был чуть ли не министром культуры Украины. С ним были его вторая жена (фронтовая) – Кира Васильевна и её дочка Люся, которая была старше меня на год или два.

Дни проходили главным образом на речке в купании и рыбной ловле. Ира и Миша, как старшие, держались от нас, малышни, несколько в стороне. Мы же, Алик, Люся и я, вели себя, как и положено десяти – двенадцатилетним, играли в квача, прятки, кто дальше прыгнет, кто дальше плюнет или просто валяли дурака. Люся вела себя как заправский мальчишка-сорванец, но должен признаться, что тогда, во время какой-то очередной нашей возни я впервые в жизни почувствовал какое-то смутное шевеление в трусах. Это было настолько неожиданно, что, несмотря на мою солидную теоретическую пионерлагерную подготовку, я долго не мог прийти в себя. Но поделиться этими ощущениями ни с кем не осмелился. Надо сказать, что родители, не знаю, как было с Ирой, но со мной так на эту тему ни разу не поговорили.

Часто вечерами мы вместе с родителями играли в лото или карты, пели песни, читали стихи или разыгрывали шарады. Это лето осталось в памяти весёлым и солнечным праздником.

Москва, 1949 год

В конце октября 1949 года во время осенних каникул родители взяли Иру и меня в Москву. Так они решили отметить своё двадцатилетие совместной жизни. Нас гостеприимно приняли в семье папиного брата – Александра Яковлевича Строева (дяди Шуры и тёти Клары), где я познакомился с их дочерьми, моими кузинами, Галей и Наташей.

Мама, дядя Женя и я

Эта поездка оказалась насыщенной поразительными впечатлениями, оставшимися в памяти на всю жизнь. 7 ноября мамин брат – Евгений Эммануилович Жарковский (дядя Женя) взял меня с собой на демонстрацию.

В колонне Союза композиторов шли корифеи советской музыки – Т. Хренников, Д. Шостакович, И. Дунаевский и др. Наша колонна двигалась по первой линии и, когда мы подходили к Мавзолею, идущий рядом Вано Ильич Мурадели, к тому времени уже заклеймённый совместно с Шостаковичем и Прокофьевым за «сумбур вместо музыки», посадил меня на свои могучие плечи, чтобы мне было лучше видна трибуна. Это позволило мне рассмотреть с довольно близкого расстояния всё руководство страны. В центре трибуны стоял сам И. В. Сталин – рыжеватый человек, что для меня – рыжего казалось несомненным плюсом, с каким-то пятнистым лицом (потом мне стало известно, что это были последствия пережитой оспы), в фуражке с очень высокой тульей. Буквально через минуту после того, как мы поравнялись с Мавзолеем, Сталин, очевидно, решил пойти передохнуть. И, о ужас! О развенчание моих мальчишеских иллюзий! Великий вождь,

титан, богатырь сошёл с какой-то подставки и оказался ростом ниже многих, стоящих рядом. Тулья его фуражки медленно проплывала, едва возвышаясь, над трибуной Мавзолея. Я был потрясён и растерян!

В один из дней дядя Женя повёл нас в клуб Союза композиторов на выступление Вольфа Мессинга – выдающегося эстрадного артиста, демонстрирующего свои психологические опыты по телепатии – приёму и передаче мыслей на расстоянии. Кроме того, он обладал огромной гипнотической мощью. Его выступления проходили всегда с неизменным успехом. Это был человек небольшого роста с пышными волнистыми тёмными волосами, но малопривлекательной внешности. К тому же во время сеанса на шее под ухом у него вздувалась шишка величиной с куриное яйцо.

Из зала вызывались желающие, которые, держа его за руку, должны были мысленно по определённой схеме внушать ему поставленное задание. При проведении своих поражающих воображение опытов он очень нервничал, кричал на этих несчастных на плохом русском языке: «О чём ти думаишь (думаешь)? Виши (выше), нижи (ниже), мишли (мысли, думай!)». Некоторые, особенно нервные дамочки, начинали плакать и, в конце концов, убегали. Но Мессинг всегда с блеском доводил до конца каждый эксперимент. На всех нас это произвело настолько сильное впечатление, что, вернувшись к Строевым, мы все по очереди стали это пробовать. Как ни странно, но всё-таки у двоих получилось. Это были папа и я. Причём выполняли мы достаточно сложные задания с необычайной лёгкостью, не обижая своих сопровождающих. В конечном счёте, мы решили, что он специально создаёт такую нервную обстановку для разогрева публики или, как говорят эстрадники, для лучшей продажи номера.

Изредка в кругу своих друзей я проводил эти опыты.

Как-то в начале шестидесятых, а это были годы так называемой хрущёвской оттепели, мне позвонили из горкома комсомола и попросили выступить с этим в городском молодёжном клубе «Мрия», который находился на улице Леонтовича. По правде сказать, я очень нервничал. Но ещё больше нервничала моя Танюша (подробности впереди), которая уже после конца выступления даже не в силах была танцевать. А танцевать она очень любила и могла! Вечер прошёл успешно, я ни разу не ошибся и все остались довольны. Но меня это так вымотало, что уже дома в полном изнеможении я сказал Тане, что выступил одновременно два раза – первый и последний.

Мамина кухня

Теперь хотелось бы рассказать о маминых героических усилиях в попытке накормить семью. Один раз в две недели рано утром в воскресенье мама шла на Сенной рынок. Летом мы с особым нетерпением ждали её прихода с базара. Кухня сразу наполнялось каким-то особым ароматом и волнующим предвкушением ожидаемой вкусной еды.

Из большой базарной кошёлки (исчезнувшее слово вслед за исчезновением самих хозяйственных кошёлок) извлекались обязательный букет цветов, духмяная зелень укропа и петрушки, яблоки «белый налив» или «антоновка» (в зависимости от сезона), огурцы, помидоры, молодая картошка и самый главное – курица. Что это была за шикарная птица (чем не Паниковский) – тяжёлая, янтарно-жёлтая! Часто в ней находилось то, что меня почему-то всегда очень забавляло – недоснесенные яйца. А затем начиналось волшебство. Курица разделывалась так, что её хватало как минимум на неделю. Сначала с тушки, как свитер-водолазку, снималась кожа, которая по рецептам традиционной еврейской кухни, превращалась в

фаршированную шейку. Ах, как это было вкусно! Из мяса грудки жарились котлетки. Таких миниатюрных котлет (чтобы на дольше хватило) я больше никогда не едал. Из ножек делалось изумительное жаркое. Горло, крылышки и потрошки становились основой ароматнейшего бульона. В мою тарелку с бульоном укладывались желтки недосненсенных яиц и обязательно сердце. Так я становился сердцеедом. Но сил нет терпеть и я вынужден прерваться! Пойду чего-нибудь съем.

Ну вот, теперь можно и продолжить. Пока в порядке очереди на примусе и керогазе шкварчало и дымилось, парило и булькало, мама принималась за приготовление своего простого, но очень вкусного зелёного салата. Помидоры, огурцы, лук и укроп, сдобренные уксусом и подсолнечным маслом, которое в те годы ещё имело запах настоящих семечек.

После очередного обильного воскресного застолья папа однажды произнёс с горькой усмешкой, слегка переиначив строчки романса Александра Вертинского «Эх, друг, гитара»:

Дни бегут – никто их не вернет, / Нынче праздник , завтра будет клизма. / Незаметно старость подойдет ...

У автора вторая строчка заканчивалась словом «тризна».

Примус и коробейники

Примус

Здесь мне хотелось бы сделать небольшое отступление для тех, кто не знает, что такое примус и керогаз.

Это такие бытовые нагревательные примитивные приборы, работающие на керосине и предназначенные для приготовления пищи и кипячения воды. Уже в середине 50-х годов прошлого столетия на смену этим кухонным динозаврам пришли газовые плиты. А тогда наличие в доме примуса ещё не

Керогаз

гарантировало возможность приготовить обед. Эти образцы нагревательной техники работали на керосине, который не отличался чистотой. А потому часто приходилось прочищать головку примуса специальной иголкой, изготовлением которой государство особенно не озабочивались.

Решение этой «тяжелейшей» производственно-технической задачи взвалил на свои криминальные плечи частный сектор. Приобрести самодельные иглы для примусов легче всего было на толкучке Евбаза. Тем же, кому посчастливилось жить в центре города, иногда такая возможность предоставлялась прямо в их дворах, куда приходили глашатаи различного мелкого бизнеса.

Я очень хорошо помню керосинщика с тележкой, который, заехав во двор, невероятно звонким голосом выкрикивал: «Ну, кому керо-о-осин, иго-о-олки!». Один раз в неделю по воскресеньям во дворе появлялся старьёвщик с мешком за плечами, выкрикивая хриплым голосом: «Старыыы вещщщ, старыыы вещщщ». Иногда мама зазывала его в квартиру и с надеждой на успешную сделку вываливала перед ним отжившее свою жизнь барахло. Молча запихнув всё в мешок, старьёвщик без единого слова скрюченными пальцами отсчитывал маме мятые рубли. Чаще всего мама также молча с растерянным видом разглядывала полученную ничтожную сумму, но, как говорится – «с паршивой овцы...». У каждого из дворовых коробейников была своя выходная ария. Так весёлый точильщик, сгибаясь под тяжестью своей переносной точильной установки, останавливался посреди двора и бодро исполнял свою песнь: «Точить ножи – ножницы! Остро-остро!», а разносчик воды (было и такое) очень музыкально выводил: «Кому воды холо-о-одной?! Комууу водыыы?!».

Радио

В те годы наиболее доступным средством информационного познания мира, правда сквозь призму советской идеологии, было радио, что в большинстве квартир реализовывалось так называемой радиоточкой. Эта уродливая конструкция представляла собой измятую чёрную фибровую воронку (диффузор), издающую дребезжащий звук, расшифровав который советские люди получали прописанную дозу дозволенной информации.

Со временем это чудо техники сменили также проводные, но уже трёхпрограммные радиоприёмники, позволяющие принимать не только Москву, но и Киев, а позднее и круглосуточный канал «Маяк», по которому передавали краткую, что важно, сводку новостей и дозволенную музыку.

В 1960 году Рижский завод ВЭФ выпустил портативный транзисторный радиоприёмник «Спидола», в котором кроме длинных и средних волн был и растянутый диапазон коротких волн, что давало возможность, преодолевая гэбэшные глушилки и уши соседей, слушать запрещённые западные радиостанции. Таким образом нам удавалось, если не глазами, то хотя бы ушами заглянуть за так называемый железный занавес.

«Спидола» очень быстро завоевала заслуженную популярность в народе, несмотря на достаточно высокую стоимость – свыше 700 рублей, что было не намного меньше средней зарплаты советского служащего.

Некоторые семьи были счастливыми обладателями стационарных ламповых радиоприёмников – либо трофейных, привезенных из Германии, либо отечественного производства (СИ-235 или ВД-9). Я достаточно спокойно относился к их несомненным техническим возможностям, но на меня

гипнотически действовал их настроечный зелёный глаз. Поэтому я был поражён, прочитав в поэме Андрея Вознесенского «Антимиры» замечательные строки: «Мой кот, как радиоприёмник, зелёным глазом ловит мир».

Голубой огонёк

Вскоре после окончания Войны в некоторых квартирах зажёгся волшебный голубой огонёк. С 1949 года в СССР стали выпускать первые телевизионные устройства – КВН-49. Как выяснилось, его название это аббревиатура, образованная первыми буквами фамилий его создателей – инженеров: Кенигсона, Варшавского и Николаевского. Эти телевизоры по сегодняшним меркам имели просто крохотный экран, не на много превосходивший по размерам коробку папирос «Казбек». Поэтому очень скоро в продаже появились линзы, увеличивающие изображение. Линза представляла собой прозрачную ёмкость из органического стекла, заполненную чистым глицерином, куда умельцы добавляли несколько капель зелёнки, что при достаточной фантазии превращало чёрно-белое изображение в цветное.

Телевизоры КВН-49 тогда стоили свыше 900 рублей, что существенно превышало месячную зарплату инженера. Поэтому первый телевизор, который я увидел, появился у нашей соседки – Мединской, муж которой, как говорилось, держал лавочку на Владимирском базаре.

Какое-то время спустя, КВН-49 появился и у нас. Качество изображения оставляло желать много лучшего. Картинка часто искажалась нервно бегающей дрожащей строкой. Порой по неведомым причинам исчезал звук. Записные остряки довольно быстро переименовали телевидение на «елевидение». Но всё равно это было чудом! На наиболее интересные передачи к нам стекались знакомые и соседи по лестничной клетке. Иногда в комнату площадью 18 м^2 набивалось такое количество народу, что становилось нечем

дышать. Появление в доме телевизора очень сократило вечернее рабочее время папы, который вынужден был спасаться от этой напасти на балконе.

В начале шестидесятых после выхода в издательстве «Советский писатель» папиного очередного сборника стихов «Белая ворона» у нас появился цветной телевизор «Темп-22».

Едовые искушения

Теперь снова вернусь к делам гастрономическим. Пришёл черёд сказать несколько слов о моих любимых бутербродах. Иногда по воскресеньям, если мой школьный дневник не пестрил гневными записями учителей, родители выводили меня на прогулку в Ботанический сад. Почти по Пушкину: «Слегка за шалости бранил / И в Летний сад гулять водил». Эти прогулки, которые я так любил и ждал, сопровождались также долгожданным перекусом. Мне выдавали два ломтика булки, смазанные тонким слоем масла, в которое были художественно вписаны красно-белые слегка подсоленные кружочки редиски. Как ни странно, запивал я их свежим молоком. Без последствий. Но было вкусно. А деликатесом для меня были: булка с маслом, густо посыпанная сахаром, и корявой формы конфетки, называемые «морские камушки», которые я покупал на сэкономленные копейки от денег, выдаваемых родителями на школьные завтраки.

Но неодолимая тяга к сладкому требовала дополнительных финансовых поступлений. Я решал эту проблему самым что ни на есть бесстыдным образом. Не взирая на то, что мы жили в коммунальной квартире, вся верхняя одежда висела в коридоре. Там же находилось и папино потёртое кожаное пальто, в карманах которого всегда было достаточно мелочи, что вполне удовлетворяло мои скромные криминальные наклонности. Мало того, иногда мне даже казалось, что папа, догадываясь об этих моих пристрастиях, специально наполнял свои карманы мелочью.

Что ж, каяться, так каяться! Был ещё один (один ли?)

позорный случай. В ресторан «Лейпциг» очередной раз привезли подносы с пирожными и огромные жестяные цилиндры, в которых находилось мороженое «эскимо». Искушение для нас было слишком велико! На этом-то хорошее воспитание давало сбой и, чего греха таить, иногда нам удавалось что-нибудь утащить. Однажды я был среди нашей дворовой шпаны особенно удачлив, что вызвало у остальных вполне понятную зависть. Во-первых, то ли пирожное, то ли мороженое досталось мне одному, а во-вторых, что ещё более противно, меня не поймали и не надавали по заднице. Этого мой лучший друг Миша уж совсем не мог пережить. Внешность у него, прямо скажем, была ангельская. Он, дождавшись во дворе прихода с работы моей мамы, подбежал к ней и, преданно глядя своими сияющими жёлтыми глазами, тихо сказал: «Тёть Рита, а ваш Валик... Нет, лучше я не скажу, что он натворил». Произнеся это, он сделал вид, что и вправду собирается уйти, в надежде, что ему не дадут исполнить это. И действительно, мама, взяв его за руку, стала добиваться истины. Крепость пала довольно быстро. А вечером дома, разумеется, меня ждал разговор с пристрастием.

Совсем не к месту и, пожалуй, даже необъяснимо вдруг всплыл в памяти такой эпизод. Мне тогда было не более 8-9 лет. Я не пошёл в школу из-за незначительной простуды, которая тогда называлась ОРЗ (острое респираторное заболевание), и был дома в одиночестве. Движимый исследовательским инстинктом познания мира, который так знаком всем детям, я рылся в ящиках папиного письменного стола и вдруг натолкнулся на пачку презервативов, а тогда я уже хорошо знал роль этой штуковины. Находка привела меня в полнейший ступор. Нимб святости и непорочности, витающий над моими родителями, рухнул одномоментно. Видимо светлые образы мамы и папы никак не вписывались в возможности, которые давало общее ложе. По-видимому моё сексуальное пионерлагерное образование на тот период было ещё не достаточно всесторонним. Нужно сказать, что, несмотря на перенесенный шок, авторитет моих дорогих родителей в конечном счёте для меня совершенно не

пострадал. Прошло немного лет и я, наконец, во всём сам разобрался.

Мамина кухня (продолжение)

Теперь снова вернусь к маминых кулинарных достижениям. Речь пойдёт о фальшивом жарком. На самом деле эта была картошка, сваренная в соусе, приготовленном на поджаренном луке. Золотистый цвет картошки и запах жаренного лука создавали убедительную иллюзию мясного жаркого. Да, чуть было не забыл. По случаю семейных торжеств мама в обязательном порядке варила ещё холодное. При этом я проявлял заметное нетерпение в ожидании, пожалуй, моего самого любимого блюда. Гурманы держите себя в руках! На кусочек чёрного хлеба мама вытряхивала из ещё горячего говяжьего мосла дрожащий мозговой валик и, круто его посолив, торжественно вручала мне. Такие замечательные привкусы сохранила память моего детства.

А ещё мама готовила очень вкусное картофельное пюре на молоке и сливочным масле, к которому в результате сложных кулинарных мероприятий прилагалась приведенная в относительно съедобное состояние селёдочка. Говоря об этих сложных процедурах, я имею в виду, что тогда в доступных магазинах продавалась селёдка, лишь покрытая толстым слоем ржавчины. То ли это были загадочные извращения технологии, то ли бочки с этой селёдкой хранились ещё, скажем, с 1913 года, чтобы было привычнее сравнивать. Купленная селёдка на сутки помещалась в миску с водой, которая как минимум трижды менялась. Отмоченная таким образом рыбёха освобождалась от костей и разрезалась на небольшие кусочки. Затем мама щедро покрывала её кольцами репчатого лука и поливала ароматным подсолнечным маслом. Теперь селёдочка становилась не только съедобной, но даже аппетитной. Итак, ещё горячее картофельное пюре, реанимированная селёдочка и ломоть свежего украинского хлеба – и жизнь вновь обретала яркие краски.

Хлеб наш насущный

Закончилось голодное детство и наступили относительно благополучные годы. В булочных появилось несколько сортов замечательных хлебных изделий, выпускаемых киевскими хлебозаводами. Память сохранила их удивительные манящие запахи. Мне доставляло особое удовольствие постоять рядом с машиной, доставившей в магазин свежий хлеб. Проворные грузчики с ловкостью иллюзионистов манипулировали деревянными поддонами, с которых соскальзывали в чрево прилавка ещё горячие аппетитные изделия киевских пекарей.

Аристократом среди украинской выпечки считалась паляница – пышный пшеничный каравай, верхняя поверхность которого, как мне всегда казалось, приветливо приоткрывала улыбающийся рот с хрустящей корочкой его верхней губы.

Паляница была, если мне не изменяет память, самым дорогим хлебом. В свежем состоянии её можно было есть без ничего. Когда меня посылали за хлебом, я по дороге домой без зазрения совести съедал большую часть верхней корочки. А то и всю. Но особым шиком было – краюха паляницы, смазанная густым слоем сливочного масла, а поверх него тонким слоем гречишного мёда. «Мечты, мечты, где ваша сладость».

Пониже классом считалась арнаутка – пшеничный дрожжевой хлеб. Буханки арнаутки имели форму раздобревшей чечевицы с толстой, но мягкой и румяной коркой. Её душистый мякиш долго сохранял печное тепло, уступая паляницe лишь в белизне.

Арнаутка очень хорошо себя проявляла при изготовлении гренок. Её пористая сердцевина прекрасно впитывала взбитые яйца, что и определяло успешный результат.

Особое место в жизни киевлян занимал украинский

круглый ржаной хлеб. Его чуть кисловатый аромат, несущий пьянящие запахи житнего поля, кружил головы даже самым придирчивым гурманам.

Знатоки отрезали от него изрядный ломоть, поверх укладывали охлаждённые кусочки сала и покрывали их тонким слоем горчицы. Теперь всё было готово к священнодействию. Стопка водки из запотевшего сосуда, а уже ей вдогонку в рот попадал после томительного ожидания тщательно (смотри выше) подготовленный бутерброд с салом. Тут-то жизнь и обретала нужные кондиции.

Поздно вечером (таков уж был уклад) семья собиралась за вечерним чаем. Ели бутерброды с буженины, благо кулинарка находилась практически в нашем доме, вприкуску с крупными греческими маслинами.

Но у меня с папой было ещё к чаю любимое лакомство – ванильная булочка, так называемая «слойка» – сдобный кубик с кремовой мякотью, покрытый чёрной лаковой корочкой, напоминающей деку неизвестного струнного инструмента.

Свежую булочку следовало разрезать пополам и, густо намазав сливочным маслом, наслаждаться жизнью, запивая терпким краснодарским чаем(собственно тода практически других сортов и не было). Это было вкуснее любых пирожных.

Соблазны улицы

Завершить гастрономическую тему хотелось бы воспоминаниями о недомашних едовых усладах. Я имею в виду уличных продавщиц мороженого, газированной воды и горячих жареных пирожков с различной начинкой. Летом в жару, измученный жаждой, я устремлялся к уличному

источнику газированной воды, представляющему собой большущий ящик с сатуратором на колёсах, на верхней поверхности которого при помощи вертикальных штативов были укреплены прозрачные цилиндрические колбы с мерными рисками, наполненные различными сиропами, устройство для мойки стаканов, из которого едва-едва струилась вода, и собственно кран, извергающий пузырящуюся вожделенную газированную жидкость. Тележка была прикована резиновыми шлангами к баллону с углекислым газом.

Вода «чистая» стоила 1 копейку, а с сиропом – 3 или 4, в зависимости от сиропа. Так, мне помнится, самым дешёвым был лимонный сироп, а самым дорогим – крюшон. Моим же любимым сиропом был – крем-сода. Особенным шиком считалось подойти и сказать: «Мне с двойным сиропом». Впоследствии эта техника на колёсах была заменена автоматами газированной воды, главным достоинством которых была возможность при необходимости и определённой ловкости утащить стакан. Иногда в автоматах можно было видеть алюминиевые кружки, прикованные цепью к мойке.

А ещё запомнилась такая зимняя картина. У дома прямо на тротуаре стояла замуфтанная во сто одёжек тётя в относительно белом переднике, перепоясанном крест-накрест мохнатым коричневым платком и в огромных валенках. Пританцовывая от холода, она выкрикивала весёлым хриплым голосом: «Горя-я-я-чие пирожки! Кому гор-я-я-чие пирожки!». Перед ней на грубо сколоченном табурете возвышалась огромная кастрюля с моими любимыми дымящимися пирожками с мясом.

Позднее, когда я уже был в старших классах, на Крещатике открыли специализированный магазин, в котором

продавали горячие жареные пирожки и газированную воду с различными сиропами. Летом по воскресеньям, возвращаясь домой с центрального пляжа, расположенного на Трухановом острове, мы заходили в этот пирожково-газированный рай и устраивали обжорные соревнования. Рекорд, принадлежащий не помню кому, но не мне, равнялся 23 пирожкам и 5 стаканам воды, проглоченными за один присест.

И, наконец, первые уличные продавщицы мороженого. Вожделенный продукт находился в оцинкованном подозрительно-пятнистом цилиндре, установленном в ёмкость большего диаметра со льдом. Хозяйка этого богатства брала пальцами сомнительной чистоты из коробочки круглую вафельку и укладывала её в маленькую цилиндрическую форму, затем порционной сферической ложкой доставала некую массу мороженого и набивала им форму, а сверху вновь укладывалась вафелька.

Форма была оснащена небольшим поршнем, с помощью которого продавщица выдавливала мне в руку столбик мороженого с двумя вафельками по краям. Дальнейшее уже было за мной. Мороженое следовало вылизать так, чтобы не потерять ни одной капли.

Для полноты картины уличных вкусовых наслаждений не могу не вспомнить жёлтые бочки с манящей надписью «Хлебный квас». Что может быть лучше, чем в знойный день выпить пару стаканчиков ледяного кваса.

Почему-то среди мальчишек бытовало стойкое мнение, что днища этих бочек кишат червями, которые и обеспечивают специфический вкус этого божественного напитка. Но даже это знание не могло помешать нам отстаивать очереди за квасом.

Дополнить картину городских улиц тех лет хочется описанием уличных телефонов. В оживлённых местах на городских улицах стояли будки с телефонами-автоматами или, как их ещё называли, таксофонами.

Поначалу монетоприёмники были рассчитаны на 10-копеечную монету, позднее их переделали под монету достоинством в 15 копеек. А уже после реформы 1961 года монетоприёмники жадно пожирали двухкопеечники. Так что приходилось постоянно носить в карманах актуальные на данный момент монетки. В пятидесятые годы сквозь прорехи железного занавеса просочились впечатляющие записи западной электронной музыки. С этого момента найти в городе работающий телефон-автомат было крайне затруднительно. Корпуса телефонных аппаратов висели с перекошенными от ужаса лицами дисков и оборванными трубками. Говорили, что народные умельцы каким-то образом использовали детали телефонных трубок при изготовлении самодельных электрогитар. Искусство требовало жертв.

Людские «достопримечательности» города

Неожиданно калейдоскоп воспоминаний развернул передо мной пёструю галерею человеческих «достопримечательностей» послевоенного Киева. Тут и представители блатного мира, которые невольно будоражили наше мальчишеское воображение, и городские сумасшедшие, без которых улицы города теряли своеобразие и привлекательность, и просто чудаки, способные своим видом отвлечь прохожего от тягостных мыслей.

В районе Бессарабки и парка Шевченко часто можно было видеть смуглого худощавого мужчину без (по локоть) левой руки. Это был гроза тогдашнего киевского бандитского сообщества – ассириец Вова-Бэк. О его жестокости, во всяком случае в нашей мальчишеской среде, ходили легенды. Однажды я был свидетелем того, как он, зажав своим

обрубком левой руки шею довольно крупного мужика, бил его правой рукой до тех пор, пока тот не выпал на землю из его объятий без малейших признаков жизни.

Часто на центральных улицах города можно было видеть вызывающего вида высоченную блондинку с ярко-красным лицом. Звали её Жанной. Всем и, как ни странно, нам, огольцам, тоже, было известно, что Жанна является представительницей древнейшей профессии. Красноликую девушку обычно преследовали стайки безжалостных мальчишек, но её это как-будто совершенно не смущало.

Наше восторги вызывал атлетического вида мужчина, которого обычно можно было видеть идущим вверх по улице Ленина. В руке он держал газетный свёрток, внутри которого находилась тяжеленная свинцовая палица. Таким способом он развивал себе плечевой пояс, который к тому времени уже достиг, по нашему представлению, мощи и габаритов Ильи Муромца. При этом мы точно знали, что он не был тяжелоатлетом и даже просто спортсменом, а работал архитектором в одном из проектных институтов.

Недалеко от моего дома на улице Большая Подвальная жила поразительная красавица. Её белоснежное с идеальными чертами лицо обрамляли густые волосы цвета вороньего крыла. Несмотря на плотное телосложение и полноватые ноги, её фигура и сверкающее лицо не оставляло равнодушными никого из проходящих мимо мужчин. В нашей среде было доподлинно известно, что объект нашего восхищения больна так называемой мраморной болезнью.

Однако наше наибольшее внимание привлекал известный городской сумасшедший, ареалом обитания которого был главным образом Крещатик. По центральной улице города неспешно бродил босиком в любое время года старик с развевающимися всклоченными седыми волосами и едва прикрывающими его тело лохмотьями. Ни к кому конкретно не обращаясь, он хриплым голосом канючил: «Я голодэн и исты хочу». Люди жалели его и по мере возможностей подкармливали.

Школа (1946 – 1951)

Мои школьные годы распались на два равных периода. С 1946 по 1951 год я учился в киевской средней школе № 11. Это была мужская школа. В те годы школьное человечество строго делилось по гендерному признаку. Преподавателей, которые учили нас в 5-ом классе, я практически не запомнил. Этот странный феномен объяснить не могу. То ли учителя были не столь выразительны, то ли мои мысли витали где-то далеко от школьного процесса, что, впрочем, отчётливо отражалось на моей вялой успеваемости. Зато моя жизнь с первого по четвёртый класс мне запомнилась куда как лучше. В течение этих четырёх лет во мне пыталась посеять «разумное, доброе, вечное» некая Тина Трифоновна – «учительница первая моя». Её имя, к сожалению, не вызывает у меня не только слёз умиления, но даже не порождает простого чувства благодарности. Это была мрачная косноязычная женщина, с появлением которой в классе становилось темнее и даже дремучее. Говорила Тина Трифоновна на местном суржике, с непринуждённой лёгкостью путая русские и украинские слова. И всё-таки, благодаря ей, к концу четвёртого класса я научился более или менее бегло читать, с грехом пополам писать и выполнять простейшие арифметические действия.

Взаимоотношения между учениками решались с помощью банальных драк портфелями, либо мы вызывали друг друга на стукалки, которые обычно проходили в углу школьного двора. Нередко побеждённый возвращался в класс, жалобно поскуливая и утирая окрашенные кровушкой сопли. Были и развлечения в виде подкладывания кнопок на лавку соседу по парте или запускание бумажных голубей (бывало даже во время урока). Но наибольшей популярностью пользовалась такая невинная забава, как плевание через трубку шариками из разжёванной и плотно сбитой промокашки в затылок впереди сидящему. Если выстрел оказался точным, раздавался вопль, что нарушало и без того зыбкий порядок во время урока. Если Тине Трифоновне удавалось установить нарушителя

спокойствия, то он немедленно удалялся из класса, а его дневник украшался очередным воззванием к родителям. Страницы моего дневника были испещрены по разным поводам весьма живописно. Тина Трифоновна предпочитала красные чернила.

Такой разукрашенный дневник очень осложнял отчёты перед родителями о моих школьных «достижениях». Правда, кое-что из негативных записей удавалось предварительно удалить при помощи различных отбеливателей, скажем перекисью водорода (тогда это был модный продукт) или в простых случаях – ластиком. Но чаще всего я прибегал к примитивному вранью, благо в этом у меня с раннего детства имелся достаточный опыт.

В детстве я был изрядным фантазёром или, проще говоря, вралём. Правда, нужно признаться, что вралём я был бескорыстным. Просто меня распирало от нахлынувших фантазий. Мне хотелось славы, а какая слава может быть в 5-6 лет. Вот я и придумывал без труда всяческие небылицы, героизируя самых моих близких и любимых людей, что, как мне казалось, должно было возвеличивать и меня в глазах моих сопливых друзей. Тогда для шестилетнего мальчишки особенно ощутим был дефицит сладостей, и потому не удивительно, что однажды пришедшую за мной в детский садик маму встретила взволнованная воспитательница, которая стала шептать маме на ухо: «Вы только послушайте, что говорит ваш сын! Он утверждает, что у вас дома ванна заполнена сахаром!». По-видимому, в этой фантазии соединились моя вера в безграничное могущество папы и осуществление собственной несбыточной мечты о сладкой жизни.

Моим фантазиям не было предела. Слишком уж мне хотелось выделяться даже на фоне таких же как я. Как-то услышав, как уборщица жалуется заведующей садиком, что пропало висевшее на заборе ведро, я решил вмешаться и пролить свет на указанные обстоятельства. Уверенным тоном я заявил, что ведро украл мой папа, аргументировав его поступок вполне естественным соображением: «Кто же ещё? Ведь он уже сидел в тюрьме». Действительно папа провёл полтора года (1938 – 1939) в следственном

изоляторе Новочеркасска по обвинению в шпионаже в пользу Германии. Это было в те самые страшные годы ежовщины.

Там же в Новочеркасске мама успешно выступала на сцене Народного театра. Она обладала красивым хорошо поставленным сопрано. Но мне этого было мало и я придумывал всякие небылицы о её выступлениях на сцене столичного театра. Но наиболее изощрённой байкой была история, связанная с маминым братом – дядей Женей. В 1943 году Е. Э. Жарковский, уже тогда достаточно известный композитор, ушёл добровольцем на Северный флот, где прослужил до конца Войны. Там же он создал свою знаменитую песню о героях-североморцах – «Прощайте скалистые горы», ставшую визитной карточкой Североморска. Вся страна знала и пела эту песню. Но мне и этого было мало. Я увлечённо рассказывал дружкам, что, когда дядя Женя служил на корабле, у него была овчарка по имени Рекс (на большее, очевидно, не хватило фантазии). Ну, очень умная! Рекса обычно дядя Женя привязывал к запальному шнуру зенитки. Однажды над кораблём появился мессершмитт. Рекс стал лаять и рваться с привязи. В какой-то момент он дёрнулся так, что зенитка выстрелила и точным попаданием был сбит вражеский самолёт. Дядю Женю наградили орденом, а Рекса – огромной мозговой костью. Как видите, выдумки мои были весьма разнообразны, но бескорыстны.

А вот уже школьные мои шалости и прегрешения мне приходилось скрывать самым натуральным враньём. Чаще всего меня родители довольно легко изобличали и однажды папа меня заставил в письменной форме выложить весь перечень моего вранья за последнее время и клятвенно пообещать впредь не обманывать. В этом залитом слезами покаянии запомнилась часть фразы: «А ещё я солгал лжу...». С тех пор я старался не лгать (без особой необходимости), позволяя себе лишь иногда утрировать в ту или иную сторону в зависимости от сложившихся обстоятельств.

Однако пора вернуться к делам школьным. Как когда-то

написал Лев Модзалевский: «Дети! В школу собирайтесь,/ Петушок пропел давно!». Нас в классе было около сорока ребят. Запомнились далеко не все, точнее лишь те, с кем так или иначе сталкивался на жизненных тропинках в дальнейшем. Миша Гинзбург, Люсик Малинский, Нёма Скопинкер, Лёва Полин, Игорь Шапров, Виля Рутман, Боря Берман и, конечно же, Лёва Эдельштейн – упитанный карапуз, получивший пожизненную кличку Пузя и ставший для меня навсегда самым близким другом.

Как видно из приведенного выше далеко не полного перечня имён и фамилий в классе преобладали ребята явно не титульной национальности. Этому феномену я не могу найти убедительного объяснения.

Наша безоблачная дружба с Пузей длится с 1946 года, когда родители привели нас в 1-Б класс школы № 11, где

мы вместе прозанимались по пятый класс включительно. Затем я перешёл в другую школу, Пузя с родителями уезжал на два года из Киева, но ничто не могло нарушить прочности наших отношений. Пузина мама – Ева Яковлевна то ли в шутку, то ли всерьёз всегда обвиняла меня в том, что всему плохому (курение, выпивка, девочки) Пузю научил я, но даже при этом не пыталась мешать нашей дружбе. Я же и познакомил Пузю с Людой, которые вот уже больше пятидесяти лет вместе.

Мы с Пузей сидели за одной партой, громоздкой деревянной конструкцией, грубо сколоченной и покрытой чёрной смолой, которая служила отличным фоном для наших нелегальных художеств.

Парты были оборудованы ящиками для портфелей и сумок. Начинка портфелей имела обязательную номенклатуру: 2-3 учебника, 2-3 тетради, пенал, бутерброд, и кисет с чернильницей-невыливайкой.

Судя по нашим рукам, она была не такая уж и невыливайка. В пенале находились перьевые ручки, карандаши, ластики (стирательные резинки) и запасные перья. В те годы наиболее популярными перьями были № 11 и № 86.

При помощи этих перьев мы делали упражнения по каллиграфии, которые до сих пор без дрожи не могу вспоминать. Нажим больше, нажим меньше. Ах, чёрт! Клякса! И всё заново.

К этому же периоду относятся и мои первые шаги в курении. Самые крутые из нас сбрасывались и покупали за один рубль пачку папирос «Ракета», о которых тогда говорили: «Папиросы «Ракета» – для каждого шкета». На большой перемене с кем-нибудь вдвоём мы запирались в кабинке школьного туалета и кури-и-или. Большим шиком считалось использовать нос в качестве выхлопной трубы, а уж чемпионы умудрялись пускать кольца и даже кольцо сквозь кольцо. Как ни странно, курение у меня не сразу вошло в привычку. Всерьёз я стал курить лишь после седьмого класса. Когда папа заметил это, он сказал: «Если тебе, дураку, не жаль собственного здоровья, кури. Но не собирай с земли окурки (он всё понимал), я буду давать тебе деньги». Такая неожиданно мягкая папина реакция была, как я понимаю, связана с тем, что папа и мама сами курили напропалую.

Школа находилась в двух кварталах от дома на улице Ярославов Вал, она же Большая Подвальная, она же Ворошилова, она же Полупанова, а теперь вновь Ярославов Вал. Первые два года, если мне не изменяет память, меня в школу отводили и приводили. А уже, начиная с третьего класса, я ходил сам, что давало возможность иногда пропускать (сачковать) уроки. Чаще всего моим убежищем служил кинотеатр «Комсомолец Украины», находящийся на Прорезной рядом с нашим домом. Я наловчился проникать в его нутро в момент, когда толпа зрителей выходила

после сеанса, что давало мне полную свободу. Теперь я мог выбирать, проникая в тёмные чрева залов. На втором этаже располагался малый зал, а на третьем – большой. Контролёры к нам относились снисходительно и, если были свободные места, нас не трогали, позволяя досмотреть кино. Фильмы же, идущие в кинотеатрах в конце Войны и в первые годы после её окончания, требуют, на мой взгляд, особого рассмотрения. Вот этим сразу же и займёмся.

Фильмы моей юности

Это может показаться странным, но первым фильмом, навсегда сделавшим меня фанатом кинематографа, стала картина австрийского производства «Нищий студент» (1936). Серьёзный исторический сюжет авторами картины был превращён в весёлую музыкальную комедию.

Это, применяя современную терминологию, был настоящий мюзикл, в котором блестяще играла и пела Марика Рёкк. Я просидел несколько сеансов кряду, завороженно следя за бесхитростными событиями, сошедшими ко мне с экрана. Думаю, что я далеко не всё понимал в хитросплетениях сюжетной линии. Но мне всё нравилось: и красота персонажей, и богатство костюмов, но особенно меня пленяла музыка, которой так много было в этом фильме.

Как яркая комета на кинонебосводе вспыхнул ещё один австрийский фильм-мюзикл с Марикой Рёкк – «Дитя Дуная» (1950).

Впервые я смотрел цветной фильм. Волшебное зрелище! Марика Рёкк была, мне кажется, выдающейся синтетической актрисой. Какие волнующие ощущения бурлили во мне во время её танца на бочках! От обнажённых прелестных ножек и мелькающих

кружевных трусиков обморочно кружилась голова.

Моим личным рекордом по количеству пересмотров (около 20 раз) стала по-моему незаслуженно забытая лента «Старый двор», сделанная на Мосфильме в 1940 году. Главную роль в компании с выдающейся комедийной актрисой Риной Зелёной сыграл великий клоун Карандаш (Михаил Румянцев).

Используя свою виртуозную клоунаду, он изображал образ управдома, прожектёра и недотёпы. Сказать, что я хохотал, как безумный, это значит ничего не сказать. Я ржал и стонал, утирая слёзы телячьего восторга. Во время первых просмотров большую часть времени я, скорчившись от смеха, проводил под соседними креслами. Больше никогда я так не смеялся.

Но не только «голым смехачеством» жили мы. Незабываемое впечатление произвёл на меня американский фильм «Мост Ватерлоо» (1940). Действие этой мелодрамы происходит во время Второй Мировой Войны. Я восхищался красотой и актёрским мастерством Роберта Тейлора и Вивьен Ли.

На всю жизнь в моём сердце получил прописку великолепный вальс-бостон – музыкальная доминанта фильма.

Наши мальчишеские умы будоражили, разумеется, фильмы, в которых герои участвовали в горячих схватках, дрались на дуэлях, где добро побеждало зло. Так мы были покорены голливудским фильмом «Три мушкитёра» (1939). После успешного шествия этой картины по экранам страны количество дворовых дуэлей резко возросло. Каждый

хотел быть Д'Артаньяном, на крайний случай Атосом. Мы с удовольствием пели песню «Вар-вар-вар-вар-вара еду я в Париж». Каково же было моё удивление, когда много лет спустя я узнал, уже в эпоху Интернета, что музыку к фильму написал Самуил Покрасс.

«Шпаги звон, как звон бокала» дурманил наши неокрепшие души. Мы с восторгом смотрели французский фильм «Опасное сходство» или «Рюи Блаз» (1947), в котором с блеском снялись Даниэль Даррьё и Жан Марэ, который тогда был нашим кумиром и образцом для подражания.

Правда, как говорят, с нашей стороны это было явно покушение с негодными средствами. У нас замирали сердца, когда после очередного поединка герой Жана Маре в белоснежной рубашке с воротником апаш, стоя над поверженным врагом, улыбался с экрана нам своей знаменитой чуть кривоватой белозубой улыбкой.

Как заколдованные мы смотрели трофейные мультипликационные фильмы производства студии «Уолт Дисней». Меня очаровал нежный и трогательный оленёнок «Бемби» (1942), а «Белоснежку и семь гномов» я смотрел просто бесчисленное количество раз.

Герои фильма вызывали слёзы, улыбку или даже гомерический смех. Долгое время я, натыкаясь на прохожих, ходил по улицам, напевая замечательный марш гномов «Хей-хо».

Надо сказать, что во многих фильмах, демонстрируемых в те годы, важную роль играла музыка. Остался в памяти замечательный чёрно-белый американский фильм «Серенада солнечной долины» (1941). В нём в снялась 3-х кратная чемпионка Олимпийских игр норвежка Соня Хенни. Но главным героем фильма, на мой взгляд, был блестящий джазовый оркестр под управлением Гленна Миллера.

Я, как загипнотизированный, непрерывно напевал мелодию знаменитой композиции Гарри Уоррена «Экспресс Чаттануга Чу-Чу». Чтобы легче было петь, мы подкладывали под эту музыку кем-то придуманные странные слова. На первую музыкальную тему «Экспресс Чу-Чу» мы пели: «Зачем ты хочешь мою тётю? / А моей тёти дома нет, а моя тётя на работе», а на вторую – «Папа – рыжий, мама – рыжий, рыжий я и сам. / Вся семья моя покрыта рыжим волосам». При этом текст вполне коррелировался с моей нестандартной мастью.

Ещё один прелестный американский мюзикл «Слуга его дворецкого» (1943), в котором снялась обворожительная Дина Дурбин.

Я тогда был по мальчишески пылко в неё влюблён. В этом фильме в её исполнении чарующе прозвучали русские городские романсы – «Калитка», «Эй,ямщик, гони-ка к Яру» и «Две гитары». Долгое время в моём пенале лежал вырезанный из киноплёнки кадрик с её изображением, который я выменял на какую-то аналогичную ценность.

Особое место в моей душе занял голливудский сериал, героем которого был прекрасный юноша Тарзан, выросший среди дикой природы. Было великое множество версий фильмов о Тарзане, но нам достался Тарзан в исполнении выдающегося пловца – олимпийского чемпиона Джонни Вайсмюллера.

Нас пленяла его атлетическая фигура, ловкость и бесстрашие. Мы готовы были подражать не только ему, но даже его лесной подруге Чите. Я научился корчить обезьянью морду, ухать и достоверно чесать подмышки. Но особенно меня завораживал его душераздирающий крик с тирольскими переливами, которому я научился

достаточно точно подражать. Однажды в голову мне пришла, как мне показалось, забавная идея.

Дело происходило зимой 1953 года с её бесконечными, затяжными снегопадами. Наш двор был основательно завален снегом. Высота сугробов превышала полметра. Лишь прочищенные дворником тропинки давали возможность добраться жильцам к своим подъездам. В тот вечер я вышел перед сном погулять. Никого из ребят не оказалось, и я в тоске и печали одиноко слонялся по двору. Тут-то мне в голову пришла в голову счастливая мысль – поиграть в Тарзана. Я забрался в ларёк с проломленной крышей, стоящий в ресторанном углу двора, и стал поджидать свою жертву, надеясь порадовать её моим умением точно подражать крику Тарзана.

Ждать пришлось недолго. Домой возвращались наши соседи сверху – Барские. Я высунул голову и заорал что есть мочи. К моему удивлению, вместо ожидаемых аплодисментов тётя Алла, нервно вскрикнув, как подкошенная рухнула в снег. Муж тёти Аллы – дядя Клим стал её приводить в чувство. Я же со страхом наблюдал за происходящим, ожидая своей неминуемо горькой участи. Меня без труда выволокли из укрытия и привели домой, описав родителям в стихах и красках происшедшее. Мама почему-то при этом нервно улыбалась и курила свой «Беломор», а папа, терпеливо всё выслушав, поинтересовался: «Ты что дурак?» и влепил мне пощёчину. Видно моя затея ему не слишком пришлась по вкусу. Это был единственный случай, когда папа применил ко мне метод физического воспитания. Как показало будущее урок не прошёл даром. Я мог по-настоящему оценивать волшебную силу искусства, но Тарзану я больше не подражал.

Может показаться, что я отдавал предпочтение западному кинематографу. На самом деле это не совсем так и даже, можно сказать, совсем не так. Я с удовольствием, принимая во внимание мой юный возраст, смотрел фильмы и советского кинопроизводства, в котором в те годы безраздельно господствовали два сталинских кинофаворита – режиссёры Григорий Александров и Иван Пырьев.

Теперь попытаюсь пролистать пожелтевшие страницы своей памяти, чтобы напомнить себе и читающим эту книжку фильмы 30-х и 40-х годов с грифом сделано в СССР. Фильм «Весёлые ребята», снятый Г. Александровым ещё в 1934 году, я впервые увидел будучи по-моему в четвёртом классе. Эта замечательная музыкальная кинокомедия, в которой впервые и сразу столь успешно снялись Любовь Орлова (жена режиссёра) и выдающийся музыкант Леонид Утёсов.

Запомнились песни и уморительно смешные сцены – драка в оркестре и похоронная процессия. Мне кажется, это был последний в советском кинематографе фильм без какой бы то ни было идеологической нагрузки. Позднее, с периодичностью в два года, Г. Александровым были сняты – «Цирк» и «Волга, Волга», разумеется, с Орловой в главных ролях. Прекрасную музыку ко всем трём фильмам создал Исаак Дунаевский. А дальше уже пошла, хотя и вполне смотрибельная, а порой даже симпатичная, но всё же полнейшая советская лабуда. В этом больше всех преуспел Иван Пырьев, поначалу снимавший во всех фильмах свою жену очаровательную заурядную крутолобую актрису Марину Ладынину. Как гимн «процветающему» сельскому хозяйству прозвучала чёрно-белая музыкальная комедия «Свинарка и пастух» (1941), в которой помимо Ладыниной снялся неувядаемый Владимир Зельдин.

Этому поразительному артисту 10 февраля 2015 года исполнилось 100 лет, а он продолжает играть на сцене.

В 1947 году на экраны страны вышла уже цветная тоже музыкальная картина Пырьева «Сказание о земле Сибирской», изображающая на грани эйфории героический труд строителей новой жизни. А ещё через два года в фильме «Кубанские казаки» Пырьеву удалось показать

запуганному и оболваненному советскому зрителю апофеоз борьбы хорошего с ещё лучшим.

Но, пожалуй, вершиной мерзости так называемого социалистического реализма, его заказного вранья была финальная сцена двухсерийной киноэпопеи Михаила Чиаурели «Падение Берлина» (1949).

В этом эпизоде генералиссимус Сталин прилетает в поверженный Берлин и общается прямо на аэродроме практически со всем советским народом. Разумеется мои размышления относятся к существенно более позднему периоду моей жизни.

На самом деле эти фильмы тогда я смотрел с большим интересом, хотя заметного следа, кроме, пожалуй, фильма «Весёлые ребята», в формировании моего эстетического мировоззрения они не оставили. Как теперь понимаю, несмотря на мой незрелый возраст, я видел эту развесистую клюкву и ощущал чисто интуитивно, смутное беспокойство, глядя на выдающиеся «достижения» социалистического реализма. Ведь его главным и движущим лозунгом всегда было: «С каждым днём всё радостнее жить».

Музыка

Практически против школы № 11 в те годы располагалась Киевская консерватория. В один из своих приездов дядя Женя, выпускник этого музыкального заведения, тогда уже известный композитор Евгений Жарковский, по просьбе своей сестры, моей мамы, повёл меня на прослушивание к своему приятелю проф. А. А. Янкелевичу (класс фортепиано). После простейших тестов – на присутствие чувства ритма (стукачество) и наличие музыкального слуха, я был зачислен в начальную студию при консерватории. Тут-то и начались мои страдания. Усидчивость никогда не была моей сильной стороной характера, а тут, помимо обязательных школьных упражнений, (чтение, письмо и счёт) я должен был тратить своё драгоценное время (во дворе-то

меня всегда ждали) на бесконечные гаммы и этюды Черни и Клементи. Наивысшим достижением моего исполнительского мастерства стал вальс Эмиля Вальдейфеля «Эстудиантина». Вскоре я бросил это занятие окончательно и бесповоротно. Правда, может быть именно эти пролитые во время занятий музыкой слёзы и определили в дальнейшем мою любовь к хорошей музыке в любых её проявлениях.

В начале 50-х годов в летнее время в Мариинском парке устраивались концерты симфонической музыки в рамках цикла «Мировое музыкальное наследие». Я старался не пропускать ни одного концерта, в котором дирижировал великий Натан Рахлин (1906 — 1979). Чаще всего на эти концерты я ходил с моими старшими друзьями-приятелями Витей и Борей. Поскольку всегда были аншлаги, один из нас приходил заранее и под недовольное бурчание припоздавших удерживать занятые места.

Наконец, музыканты рассаживались по своим местам, а после сумбурно звучащих настроечных звуков наступала долгожданная волнующая тишина. И вот из глубины сцены на подиум дирижёра стремительно выкатывался не слишком опрятного вида толстяк с длинными прядями спутанных волос на затылке. Взмах дирижёрской палочки, и полились волшебные звуки чарующей музыки. Чудо происходило прямо на наших глазах. Оркестранты чутко ловили не только малейшие движения рук маэстро, но и романтические сигналы его вдохновенной души. Именно здесь прививалась моя любовь к музыке и формировался мой музыкальный вкус. Я уносился в небесные выси, слушая выдающиеся творения великих композиторов в импровизационной трактовке великого дирижёра. «Болеро» Равеля, «Венгерская рапсодию» Листа, «Фантастическая симфония» Берлиоза и «Франчески да Римини» Чайковского стали навсегда моими любимыми симфоническими произведениями,

а музыка с тех пор является, пожалуй, самым сильным моим эмоциональным ощущением.

Первые книжки

Как я уже говорил, старания Тины Трифоновны не пропали даром и мой читательский стаж может исчисляться уже с 1948 года. Рядом с домом, на улице Владимирской находилась библиотека для детей им. В. Короленко. Это был мой первый храм книги. Я вспоминаю, с каким волнением я входил в книжное царство, вдыхал специфический запах книжного изобилия и дрожащими пальцами перелистывал страницы книжек, настоятельно рекомендуемых строгой библиотекаршей. Мне нравилось ходить туда, сдавать прочитанные книжки и брать новые, но, вынужден признаться, чтению я отводил не слишком много своего свободного времени. Получалось как в известном анекдоте – мне нравился сам процесс. В дальнейшем я перечитал всё, что мне советовали родители и то, что требовала школьная программа.

Однако истинным моим литературным пристрастием пожизненно стала поэзия. Я не стану перечислять всех моих любимых поэтов по двум причинам. Во-первых, их слишком много, а во-вторых, в разные периоды моей жизни приоритеты менялись. Но, как и прежде, меня волнует поэзия Фёдора Тютчева, Михаила Лермонтова, Марины Цветаевой, Арсения Тарковского, Андрея Вознесенского, Владимира Высоцкого и Иосифа Бродского.

Но тогда, из той самой детской библиотеки я выходил с книжками, имеющими вполне определённую воспитательно-патриотическую направленность. Особенно настойчиво рекомендовались такие книги-агитки как «Повесть о Зое и Шуре» Любови Космодемьянской, матери героически погибших во время Войны её детей, повесть Валентина Катаева «Сын полка» о храбром мальчишке Ване Солнцеве и патриотические повести Аркадия Гайдара. Вообще надо сказать, что идеологическая обработка подрастающего поколения проводилась самым тщательным образом. Мы

воспитывались на примере Гули Королёвой, молодой талантливой актрисы, добровольно ушедшей служить в санитарный батальон и сложившей свою голову под Сталинградом, на подвигах Александра Матросова, закрывшего своей грудью амбразуру немецкого дзота, Николая Гастелло, совершившего огненный таран, и пограничника Никиты Карацупы и его выдающейся собаки Индуса, которая приводила в ужас врагов на границе.

Юное поколение бомбардировали и трудовыми подвигами советских людей. От мала до велика в прямом смысле этого слова. Всеобщую зависть у нас вызывало вручение ордена Ленина 11-летней таджикской девчонке Мамлакат, которая сообразила обрывать хлопковые коробочки обеими руками, пополнив тем самым стройные ряды участников стахановского движения. Рекорд же зачинателя движения – Алексея Стаханова, превысившего установленную норму добычи угля в 14 раз, вызывал у меня лишь недоумение. То ли норма была смехотворной, то ли его «выдающийся» результат был лишь отражением умело составленной сводки. В Советском Союзе даже слабый пол становился всё сильнее и сильнее. Одна из первых женщин-трактористов Паша Ангелина стала символом технически образованной советской работницы, выдвинув манящий призыв: «Сто тысяч подруг – на трактор!». А уже в конце пятидесятых прогремело имя ткачихи из Вышнего Волочка Валентины Гагановой, которая возглавила отстающую бригаду и, как по мановению волшебной палочки, превратила её в самую что ни на есть передовую. Народ с удовольствием распевал частушку: «Бросила хорошего, вышла за поганого. / Ну, скажите, девушки, чем я не Гаганова!».

Апофеозом же советской идеологии стала растиражированная судьба пионера Павлика Морозова (1932), который был зарезан кулацким отродьем за то, что донёс в соответствующие органы на своего отца. Стукачество становилось нормой жизни. На этот сюжет отзывчивыми деятелями советской культуры были созданы произведения изобразительного искусства, литературные творения, песни и даже опера. Позднее мне попался сборник стихов Степана

Щипачёва, который всегда ассоциировался у любителей поэзии со строчкой: «Любовью дорожить умейте». И вдруг в этом сборнике я обнаружил поэму «Павлик Морозов», прославляющую поступок пионера Морозова и заканчивающаяся такой строфой: «Павлик на Красной Пресне / В бронзе встал у древка. / Для смелых сердец примером, / Ровесником пионерам / Он будет во все века».

В 1933 году Виталий Губарев, участник расследования этих событий, написал об этом книгу «Один из одиннадцати», позже переработанную в повесть «Павлик Морозов».

В 1946 году выходит в свет роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия», сюжетная линия которого отражает (разумеется с элементами художественного вымысла) героическую борьбу молодёжных партизанских групп, объединённых общим названием «Молодая гвардия». Но товарищу Сталину очень не понравилось, что молодёжь Донбаса действовала, как анархисты, на свой страх и риск без малейшей руководящей роли партии. И вот уже перепуганный на смерть Фадееев дрожащей рукой переписывает роман, высасывая из пальца руководящую роль партии в лице лубочных персонажей Шульги и Валько. Но это мне стало понятно значительно позже, а пока роман в откорректированном виде был включён в школьную программу. Мы не только принимали всё за чистую монету, но восторгались героическими подвигами наших почти сверстников и проливали слёзы над их страшной кончиной. Моим кумиром был Сергей Тюленин, которого в одноимённом фильме очень достоверно сыграл обаятельный Сергей Гурзо. Фильм мы смотрели раньше, чем прочли сам роман.

Подписные издания

В конце сороковых – начале пятидесятых годов в стране стали издавать собрания сочинений классиков русской литературы. На них была открыта массовая подписка, породившая новое явление – интеллектуальный дефицит. Для того, чтобы подписаться на тот или иной многотомник, нужно было отстоять многочасовые очереди с чернильным

номером на руке и штампованными фразами советских очередей типа «вас здесь не стояло». Среди первых подписных изданий были собрание сочинений А. С. Пушкина, А. П. Чехова и А. М. Горького. Какое наслаждение было держать в руках очередной томик, ещё пахнущий типографской краской, и листать похрустывающие страницы, открывающие мир в неизведанное.

К концу пятидесятых в стране уже полным ходом выпускались многотомники классиков русской и мировой литературы, современных советских и зарубежных авторов.

Дополнительную возможность подписаться на любимых авторов давала вновь введенная система сбора макулатуры. Для стимулирования этого процесса был узаконен обмен собранной макулатуры на талоны, дающие право подписки на дефицитные издания. Для этой цели в СССР была организована сеть приёмных пунктов-магазинов «Стимул», куда граждане сдавали старые газеты и тряпки. Если мне не изменяет память, то за сдачу 10 кг. макулатуры выдавался талон для приобретения дефицитной книги. В результате наш книжный шкаф в квартире на Свердлова постепенно наполнился ярким цветным спектром корешков замечательных книжек.

Москва, 1953 год

Летом 1953 года дядя Женя снял большую дачу под Звенигородом в живописнейших местах Подмосковья, заслуженно называемых русской Швейцарией, и пригласил всех нас провести вместе с ними летний месяц. Я впервые в жизни ехал в отдельном купе. И это уже был праздник. Осваивание вагонного тамбура и туалета, прыганье с полки на полку, поедание разной взятой с собой вкусной снеди. А чего стоили остановки поезда, когда можно было выскочить из вагона и купить у толпившихся тёток горячей картошки и домашних солений или свежих ягод и первых яблок сорта «белый налив». На худой конец, можно было ограничиться обжигающей руки кукурузой (обязательно с солью) и жареными семечками «конский зуб», которые

продавались из каких-то нереально маленьких гранёных стаканчиков-напёрстков. А как хорошо спалось на верхней полке! Утром после обычных туалетных процедур и чая с картонными галетами я занимал исходные позиции, прижавшись лбом к окну, в ожидании Москвы. И вдруг появлялся долгожданный перон, а из вагонных динамиков раздавалась хорошо знакомая песня «Утро красит нежным светом...».

Нас встретил дядя Женя и мы поехали по залитой солнцем Москве. Я с восторгом ловил мелькающие картинки города. Когда же мы вошли в их недавно построенную кооперативную квартиру я испытал настоящий шок! Шикарная передняя со встроенным гардеробом, из которой можно было попасть напрямую в кабинет, спальню, кухню и места общего пользования. Длинный узкий коридор прямо из передней вёл в огромную гостиную и детскую комнату. Нас встретила Светлана (жена дяди Жени) – яркая, красивая женщина, пышущая каким-то весёлым здоровьем. Перезнакомившись, перво-наперво нам предложили надеть домашние тапочки (пришлось постигать эту науку), затем, оставив наши дорожные вещи в передней, Света повела нас на экскурсию по квартире и, как опытный гид, начала с мест общего пользования. Сверкающая зеркалами и бело-голубой глазурью изразцов большая ванная комната была оборудована помимо собственно ванной ещё и размашистым фаянсовым умывальником. А ещё слева от входа стояло какое-то для меня совершенно незнакомое устройство, напоминающим диковинный унитаз. Света покрутила хромированные вентили, и оттуда игриво забила горизонтальная струйка. Мне объяснили, что это и назвали смешным словом – биде. Мне показалось, что родители эту штуку тоже увидели впервые. Рабоче-крестьянское государство легко обходилось без подобного рода излишеств. Тут же дядя Женя рассказал, что вопрос установки в квартирах биде разделил членов кооператива на две неравные части. Известный острослов – композитор Сигизмунд Кац прокомментировал эту ситуацию коротко: «Друзья познаются в биде».

Туалет, стены которого были выложены голландским кафелем, был оборудован большим встроенным в заднюю стенку шкафом. Кухня оказалась не очень больших размеров, тем не менее, в ней разместился стол с четырьмя табуретками, посудный навесной шкаф, огромный холодильник «Зил» и газовая плита, что после примусов и керогазов казалось просто чудом. Зажжённые горелки светились завораживающим голубоватым светом, выпуская с лёгким шелестом пламя,нежно облизывающее дно кастрюли. Затем нас завели в спальню, обставленную мебелью из орехового дерева. Постель была прикрыта небесно-голубого цвета атласными китайскими покрывалами с набивным серебряным рисунком, а на окнах такого же цвета висели гардины, подвязанные парчовыми поясами с тяжёлыми золотыми кистями. Это мне показалось пределом роскоши, ведь до сих пор я ещё не бывал ни во дворцах, ни в богатых музеях.

Кабинет находился рядом со спальней. Все четыре стены были до потолка уставлены полками с книгами. Посреди кабинета стоял концертный рояль фирмы «Стейнвей», заваленный нотами. У окна огромный письменный стол с резными тумбами и креслом, а в низкой нише, врезанной в книжные полки, раскинулся диван, который позднее неоднократно будет подставлять своё мягкое нутро во время моих командировочных наездов в Москву. Гостиная запомнилась не только своей роскошной мебелью, но, главным образом, стоящим в пузатом серванте царским столовым сервизом на 12 персон. Причём – царским это не фигура речи, как сейчас любят говорить, а действительно, это был сервиз с царскими вензелями из саксонского фарфора «голубые мечи». Я так подробно остановился на описании квартиры дяди Жени лишь только потому, что это уж очень сильно отличалось от условий, в которых жили мы и всё наше окружение. Несколько дней спустя, мы поехали с Жарковскими на дачу в Звенигород, который находился в 50 километрах от Москвы. Красотой этих мест можно было любоваться, глядя на полотна И. И. Левитана, А. К. Саврасова, И. Е. Репина и многих других великих

русских живописцев. А для детей там было сказочное раздолье. Купанье в речке, прогулки по благоухающим лугам и неистощимые домашние затеи.

Недалеко от нас находилась дача академика Передерия – выдающегося мостостроителя. По субботам и воскресеньям там собиралась «золотая молодёжь». У Андрея – сына академика была машина «Москвич», что в то время даже для детей таких знаменитых родителей было в диковинку. Иногда эта машина выскакивала из ворот дачи, как чёрт из табакерки, и носилась по посёлку, выделывая кренделя, явно противоречащие правилам дорожного движения. Из дома, в котором они собирались, звучала манящая совершенно незнакомая джазовая музыка, слышны были взрывы смеха, громкие крики, а порой и пьяная ругань. Нас мучило любопытство, но мы вынуждены были оставаться на почтительной дистанции. Однажды к ним на «козликах» ГАЗ-67 приехали милиционеры, и всех увезли. По слухам на этой даче произошла поножовщина со смертельным исходом. Уже в Киеве прочитал статью Б. Протопопова и И. Шатуновского «Плесень», которая вышла в «Правде» в ноябре 1953 года. В ней шёл разговор о праздношатающейся молодёжи, детях известных и обеспеченных родителей, восхваляющих чуждые простому советскому человеку западные ценности, одевающихся по зарубежным журналам и предпочитающих советской музыке музыку тлетворного запада. Цитирую по памяти, но, как мне кажется, достаточно близко к тексту. В те годы звучал гневный лозунг или, как теперь говорят, слоган:

Сегодня ты играешь джаз,
А завтра Родину продашь.

На самом деле это было начало широкой и разнузданной кампании по борьбе со стилягами – молодыми людьми, которым, благодаря родителям, выезжающим иногда заграницу из затхлого советского бытия, удалось заглянуть в приоткрывшуюся щёлку и глотнуть немного

свежего воздуха.

Стиляги выделялись своим вызывающим видом, благодаря кричащей яркой одежде. Цветной мешковатый пиджак с подложенными плечами, брюки-дудочки, белая нейлоновая рубашка (летом – цветная «гавайская»), ботинки на толстенной подошве (особым шиком считались полуботинки на толстой белой каучуковой подошве, называемой «манной кашей»), галстук-бабочка или галстук «пожар в джунглях» и обязательный взбитый «кок» на голове,

Но борьба с ними развернулась нешуточная. По городу ходили народные дружинники, и ловили, так называемых, стиляг, обрезали их набриолиненные коки волос и разрезали брюки-дудочки. Такие были времена.

300-летие воссоединения Украины с Россией

В 1954 году страна бурно и как-то избыточно радостно отмечала 300-летие воссоединения Украины с Россией. По этому поводу была выпущена разнообразная сувенирная продукция от почтовых марок до юбилейных плакеток и нагрудных знаков.

Я уж не припомню кому, за что и как выдавалась эта награда, но у меня она почему-то была, чем я имел возможность прихвастнуть перед своими дружками. В честь этого события 24 мая 1954 на главной площади города Переяславль-Хмельницкий, где и проходила Переяславская Рада, был установлен памятный знак по проекту архитектора И. Кавалеридзе. А позднее уже в1961 году там же вознёсся в небо грандиозный памятник «Навеки вместе», сработанный

скульпторами В. Винайкиным, В. Гречаником, П. Кальницким, В. Клоковым и архитектором В. Гнездиловым.

Сегодня, когда я пишу эти строчки, Россия под руководством новоявленного Гитлера нагло под прессингом своего военного присутствия аннексировала Крым и фактически пытается оккупировать Донецкую и Луганскую области Украины. Тогдашнее восторженное празднование 300-летия воссоединения сегодня выглядит просто сюрреалистически. Но в 1954 году в рамках декады русского искусства в Украине на гастроли в Киев приехал Большой театр своим почти полным составом. Стать счастливым обладателем билетов можно было, лишь отстояв в огромной очереди почти двое суток. При этом, если мне не изменяет память, приходилось отмечаться в очереди каждые четыре часа. Гастроли проходили в помещении Киевского оперного театра. Мне удалось взять билет на оперу Бородина «Князь Игорь». Это было настоящее чудо. Князя Игоря пел Андрей Иванов – баритон с удивительным бархатным тембром, в роли Ярославны блистала Ирина Масленникова, а образ Кончака создал обладатель редкого по глубине баса-профундо – Максим Михайлов. Тогда из уст в уста передавалась такая эпиграмма-каламбур: «Певец Михайлов пробасил. Колонна гнется – проба сил!». Однако наибольшее впечатление на меня произвёл сборный концерт солистов Большого театра. В нём приняли участие самые выдающиеся на тот час вокалисты страны. Многих участников этого концерта я помню по сей день: И. Козловский, М. Рейзен, С. Лемешев, А. Иванов, А. Кривченя, И. и Л. Масленниковы, Наталья Шпиллер и Владимир Ивановский. Надо сказать, что в Киевском оперном театре были тоже очень хорошие певцы. Я переслушал практически весь их репертуар. Там работали такие выдающиеся мастера оперной сцены, как Б. Гмыря, З. Гайдай, К. Лаптев и др. Но то, что удалось услышать на этом сборном концерте, пожалуй, было на более высоком уровне. Под крышу Большого театра собрали действительно лучших оперных исполнителей страны.

Моё преклонение перед оперным искусством и классической музыкой мирно уживалось с восторженным

отношением к джазу и рок-н-роллу. Я искренне увлекался и советской эстрадной песней. Сегодня этот жанр называется, в лучшем случае, лёгкой музыкой, а чаще всего омерзительным словом «попса». Боюсь навлечь на себя негативную реакцию снобов от музыки, но должен признаться, во всех музыкальных жанрах я нахожу для себя произведения и, разумеется, их исполнителей, приносящих мне настоящее наслаждение. Нет плохих или хороших музыкальных жанров, а есть просто плохая или хорошая музыка. Банально, но честно.

Музыка запада

Железный занавес холодной войны надёжно перекрывал все возможные пути проникновения к нам «тлетворной» западной музыки. И всё же, благодаря весьма ограниченному контингенту людей, имеющих возможность бывать за рубежом, в СССР просачивались пластинки с драгоценными записями западных исполнителей.

Слушали мы эти пластинки поначалу на довоенных механических устройствах – так называемых патефонах (от названия фирмы-производителя: «Патэ»).

Диск приводился во вращение при помощи ручки, закручивающей встроенную спиральную пружину. Одного такого завода едва хватало на проигрывание одной пластинки. На моих глазах происходили настоящие революционные изменения проигрывающих устройств. Патефоны уступили место фонолам (50-е годы), имеющим уже электрический привод. Правда, его нужно было подключать к радиоприёмнику, поскольку фонолы выпускались без усилителей. И, наконец, появились первые электрофоны, которые были оснащены встроенными усилителями, корундовыми иглами для долгоиграющих и обычных

пластинок и пьезокерамической звуковой головкой. Кроме того, электрофоны имели уже три скорости вращения – 33, 45 и 78 оборотов.

Через несколько лет такой электрофон «Аккорд 201» выпуска Рижского завода им.Попова мы получили в подарок от дяди Жени. При этом он рассказывал забавные обстоятельства, сопутствующие этой покупке. В магазине радиотехники дядя Женя спросил у стоящего за прилавком пожилого еврея: «Какой самый лучший проигрыватель?», и получил в ответ: «Дорогой мой, у нас сейчас самый лучший проигрыватель – Тайманов!». Как раз недавно в матче за шахматную корону между Робертом Фишером и Марком Таймановым был зафиксирован счёт: 6:0 в пользу Фишера.

Вскоре появились и подпольные изготовители копий с них. Делалось это на рентгеновской плёнке, а потому получило название «записи на костях» или «музыка на рёбрах».

Купить такие записи можно было в Москве в лабиринтах галерей ГУМа, где вальяжно прохаживались молодые люди-невидимки, нашёптывая загадочные слова: «Кости, рёбра. Кости, рёбра.». Качество записей оставляло желать много лучшего, но мы были рады и этому, поскольку могли познакомиться с западными звёздами (тогда это слово ещё не было обесцененно).

Мы с замиранием сердца слушали Дюка Эллингтона, Луи Армстронга, Эллу Фицджеральд, биг-бенд Бенни Гудмана и отрывки из джазовой оперы Джорджа Гершвина «Порги и Бесс». Позже всякими правдами и неправдами к нам пробились короли рок-н-ролла Элвис Пресли и Клифф Ричард, «ливерпульская четвёрка» – великие «Битлз» и «вольные странники» – бесподобный «Роллинг Стоунз».

Большим событием в музыкальной жизни страны были гастроли великого американского певца и актёра,

обладателя уникального по красоте и глубине голоса, Поля Робсона. Его голос очень гармонировал с внешностью. Чернокожий гигант с обаятельной внешностью и свойственной только афроамериканцам пластикой.

А на меня производил магическое впечатление его бас-профундо. Много лет спустя, когда у меня неожиданно прорезался голос и я стал заниматься в вокальной студии при Доме учёных, моей мечтой стало – спеть песню из кинофильма «Последний дюйм», которую с блеском исполнял Поль Робсон.

«Тяжелым басом гремит фугас.
Ударил фонтан огня.
А Боб Кеннеди пустился в пляс –
«Какое мне дело до всех до вас?
А вам до меня!»

Свою мечту мне удалось осуществить на отчётном вечере студии в 1960 году.

В 1962 году в Киевском Дворце спорта выступил знаменитый американский биг-бенд под руководством короля свинга, великого кларнетиста Бенни Гудмана.

Что делалось в зале не подаётся никакому описанию. И не мудрено, ведь мы впервые вживую услышали не только выдающийся белый джаз с его танцевальными композициями и музыкой кантри, но и настоящую чёрную музыку – блюзы и спиричуэлс.

В полном смысле слова шокирующим оказалось выступление в 1960 году перуанской красавицы Имы Сумак. Самые отдалённые уголки гигантского помещения Дворца спорта заполнялись мощным голосом певицы.

Има Сумак владела уникальным голосовым диапазоном в 5 октав и невероятной способностью петь двумя голосами

одновременно. Нечеловеческие звуки, извлекаемые её горлом, при исполнении «Гимна Солнцу» приводили в душевный трепет весь зал, навевая мистические мысли о ней, как о космическом пришельце.

В середине пятидесятых наш великий кукольник Сергей Образцов, будучи на гастролях в Париже, познакомился с выдающимся французским актёром и шансонье Ивом Монтаном. Образцов был очарован пением Монтана и по приезде в Союз уговорил руководство страны, благодаря своим хорошим отношениям с тогдашним министром культуры Екатериной Фурцевой, пригласить Ива Монтана на гастроли в СССР.

Певец прибыл в страну вместе со своей очаровательной супругой, французской киноактрисой Симоной Синьоре. Выступление Монтана в Киеве состоялось 11 января 1957 года в помещении Оперного театра, как раз в день моего рождения. Концерт транслировался по телевидению. Собравшиеся у нас гости с восторгом слушали обаятельного шансонье, не отрывая глаз от крохотного экрана телевизора КВН-49, боясь при этом пронести мимо рта ложку с салатом оливье. Моему другу детства Вите Скоморовскому повезло – он побывал на этом концерте, а по его окончании пришёл меня поздравить (благо мы жили в квартале от театра). Так что наиболее яркие впечатления мы получили, как говорится, с пылу, с жару.

В марте 1958 года в Москве после бесконечных согласований с ЦК КПСС, Министерством культуры и, самое главное, с соответствующими органами состоялся Первый международный конкурс имени П. И. Чайковского. Его победителями стали по классу фортепиано – Ван Клиберн

(США), а по классу скрипки – Валерий Климов (СССР). Но настоящий фурор произвёл двадцатичетырёхлетний американский пианист.

Справедливости ради следует сказать, чтобы присудить Клиберну первую премию авторитетному жюри в составе Эмиля Гилельса, Генриха Нейгауза и Святослава Рихтера пришлось на это испрашивать высочайшее разрешение лично у Никиты Сергеевича Хрущёва – главного на тот момент специалиста в области классической музыки.

После своей блистательной победы Ван Клиберн совершил турне по некоторым городам Союза. Побывал он и в Киеве. Желающих попасть на его выступление оказалось так много, что пришлось киевским расторопным деятелям культуры продавать билеты на генеральную репетицию, которая состоялась в Октябрьском дворце культуры. Благодаря Ириной подруге – Дане Трофимовой, тогда студентке Театрального института, мне достался билет на галёрку, зато в первом ряду. Под настроечные звуки оркестра, руководимого выдающимся советским дирижёром-аккомпаниатором Кириллом Кондрашиным, сцену торопливо пересёк высоченный, неправдоподобно худющий, очень русского вида блондин. Это и был Ван Клиберн. Под грохот обрушившихся аплодисментов он, нелепо раскланиваясь во все стороны, быстро сел к роялю и началось волшебство. Создавалось впечатление, что его длиннющие пальцы, словно змеи, проворно скользят одновременно по всей поверхности клавиатуры, вызывая божественные звуки. После ошеломляющего исполнения 1-ого концерта для фортепиано с оркестром П. И. Чайковского Клиберн ещё много бисировал. Звучали этюды Шопена, а уже под занавес – «Любимый город» и «Подмосковные вечера». При этом играл он, развернувшись к залу, посылая зрителям свою дивную игру и обаятельную детскую улыбку.

Наша музыка

Мы заслушивали до дыр (буквально) записи запрещённых тогда российских певцов: Петра Лещенко и Вадима Козина, Изабеллы Юрьевой и Александра Вертинского. Меня почему-то особенно волновали в песне Лещенко «Чубчик» строчки: «Но я Сибири, Сибири не страшуся, Сибирь ведь тоже русская земля». Я чувствовал в этом что-то запретное, а потому ещё более желанное. А в городских романсах Вертинского томительно звучали навсегда ушедшие под натиском рабоче-крестьянского переворота мотивы безупречного аристократизма, прелестного декаданса и неразделённой любви.

По каким-то «высшим» соображениям неожиданно получили доступ к публике джазовые оркестры под управлением Леонида Утёсова и Эдди Рознера.

Мне посчастливилось (спасибо родителям) побывать на концертах обоих великих музыкантов. Мне казалось, что, несмотря на весьма ограниченные вокальные возможности, Утёсову удавалось донести до сидящих в зале такие тончайшие нюансы музыкального произведения, которые сам автор не всегда мог отобразить на нотных строчках. Серебряные звуки трубы Эдди Рознера, как сейчас говорят, вызывали у меня броуновское движение мурашек по всему телу. Апофеозом его концертов всегда было исполнение «Каравана» Эллингтона на двух трубах одновременно.

На советской эстраде в эти годы чрезвычайно популярными были Марк Бернес и Клавдия Шульженко, Владимир Трошин и Майя Кристалинская. Сегодня иногда их можно услышать по каналу «ТВ Шансон». Приятно и трогательно, но, к сожалению, время этих выдающихся

эстрадных исполнителей уже ушло.

Школа (1951 – 1956)

В начале 1951 года в стране начала осуществляться школьная реформа с элементами либерализации. Появились школы с совместным обучением (мальчики и девочки), и одной из первых стала только-только отстроенная на улице Свердлова школа № 48. Это событие меня настолько возбудило, что я попросил родителей перевести меня туда. Преимуществ, на мой взгляд, было предостаточно. Во-первых, непосредственный контакт (вплоть до тактильного) с девчонками, во-вторых, школа находилась на расстоянии 100 метров от дома и в-третьих – занятия в ней проводились поначалу только в первую смену. Таким я пришёл в новую школу.

Кстати, любопытная деталь. На мне белый чесучёвый костюм (эта ткань тогда была в моде), перешитый всё той же Полиной Андреевной из отношенного папой костюма-двойки.

В классе нас было около тридцати человек, причём мальчиков было несколько больше, чем девочек, что сулило нам некоторые преимущества. Многих помню и, как ни странно, вспоминаю даже сейчас по прошествии почти шестидесяти лет, правда, с различными чувствами.

Так или иначе, но наш класс представлял собой довольно пёстрый букет из нераспустившихся городских цветков (новое слово в ботанике), с которыми мне хотелось бы вас познакомить. И вовсе не потому, что впоследствии они достигли каких-то особых высот, а даже напротив, наш класс не выпустил из своих недр ни одной выдающейся личности, что, на мой взгляд, особенно ценно, поскольку именно эта усреднённость своими неяркими красками даёт честную картину примет описываемого мною времени. А, чтобы не возникло у читающего ошибочного представления о том, кто

для меня был ближе или важнее, я представил всех моих соучеников и соучениц в алфавитном порядке. Замечу ещё, что их имена будут звучать так, как мы называли друг друга в классе, а не по паспорту и без кличек.

Амосов Толя – высокий гибкий, как лоза, светловолосый юноша. Его родители, если мне не изменяет память, имели какое-то отношение к дипломатической службе. Толя выделялся среди нас некоторой манерностью, напоминающей замашки гея. В больших успехах постижения школьной программы замечен не был. Когда же он выходил к доске, мы замирали в ожидании лёгкого шоу. Толя, всасывая через каждые 20-30 секунд набегающую слюну, всячески украшал свою речь эканием и мэканием, исполняя одновременно какой-то своеобразный танец, напоминающий твист. «А в остальном, прекрасная маркиза,» Толя был достаточно милым и обходительным молодым человеком.

Асаулюк Олег – свойский парень достаточно простого обхождения с крупной лобастой головой, посаженной на широкие плечи. Его отличал от общей массы некий ореол избранности, поскольку одна из наших учительниц была его тётей.

Балюк Светка – жизнерадостная, постоянно напевающая нечто типа «о-бэби-бэби-бала-бала», генеральская дочка. Никакие «двойки», а они не были редкостью, не могли испортить её восторженное состояние души. Светкину сутулую фигуру часто можно было видеть на переменках, пританцовывающую буги-вуги. Такие девчонки в дальнейшем становятся женщинами, о которых говорят – хорошая баба. Многим в классе было известно, что Светка безответно влюблена в Славика Минько, сына известного украинского писателя, с которым они жили в одном доме

на улице Красноармейской. Почему это нас так интересовало, сейчас понять трудно. Но эта тема была постоянной притчей во языцех.

Беляневич Эдик – приятный энергичный юноша с атлетической фигурой. Он как-то неожиданно раньше многих из нас повзрослел и даже уже начал бриться чуть ли не в восьмом классе. По успеваемости Эдик был среди крепких середнячков. Всерьёз занимался боксом, что вызывало к нему дополнительную порцию уважения. Запомнился ещё и тем, что носил, перешитые на него брюки галифе. После восьмого класса он по причине мне неизвестной покинул нашу школу.

Голобородько Эдик – высокий, стройный, фигуристый блондин. Его папа был солистом Киевского театра оперетты. У Эдика в 9 и 10 классах вспыхнул пылкий роман с Зиной Пасечник, нашей общепризнанной классной королевой. Их такие серьёзные взаимоотношения вызывали не только у нас неприкрытую зависть, но, как нам казалось, и у наших учителей. Поскольку в Советском Союзе, как известно, секса не было, то нашим несчастным голубкам изрядно трепали нервы. Прорабатывали их самих и укоряли их родителей, устраивались безобразные комсомольские собрания и даже состоялся скандальный педсовет. Но все их старания не принесли результата. Достаточно было только взглянуть на наших Ромео и Джульету, особенно, когда они находились рядом друг с другом. В конечном счёте эту идиллию всё-таки удалось разрушить Зининой маме.

Гоцуляк Витя – худющий юноша с подламывающимся голосом. О таких в народе говорят – «тонкий, звонкий и прозрачный». Он жил вдвоём с мамой, которая работала где-то уборщицей. В те годы было принято поддерживать материально бедные семьи, но помощь эта была, разумеется, почти условной. В Вите очень скоро проявились

задатки хорошего спортсмена. Его рост и длиннющие пальцы были просто созданы для баскетбола, в чём он и достиг наибольших успехов. Неожиданно для всех, будучи в десятом классе, он женился на хорошенькой (прямо княжна Мэри) девочке Свете из девятого класса нашей же школы.

Гребнев Валера – очень неглупый малый с открытым лицом, несколько изъеденным юношескими прыщами, и открытой добродушной улыбкой. Он отличался какой-то не по возрасту сложившейся основательностью. В те годы Валера серьёзно увлекался фотографией и радиотехникой. Насколько мне известно, после окончания КПИ он работал в Институте кибернетики, где защитился, став кадидатом технических наук.

Грин Марина – плотная девчонка небольшого роста с лицом, не отягощённым интеллектом, и чувственной нижней челюстью. Училась Марина из рук вон плохо. Она всегда сидела на задней парте, но это не спасало её от вызовов к доске с ожидаемыми последствиями. Чем-то она притягивала к себе внимание пацанов (возможно необъяснимой доступностью), да и задняя парта была очень удобной обителью для суетливых обжиманий. После окончания техникума Марина работала в торговле.

Давидович Ира – беленькая миниатюрная девочка с большими серо-голубыми немного навыкате глазами. Она довольно сильно заикалась, при этом безумно краснея. На почве заикания у неё развился комплекс неполноценности (совершенно напрасно) и, как следствие этого замкнутость, что мешало ей не только учиться, но и общаться с одноклассниками. Пожалуй, у неё в классе была лишь одна подруга – Люся Король. Эту дружбу они пронесли через большую часть жизни. Была у Иры и тайная, как ей казалось, влюблённость. Объектом её чувств был наш соученик Юра Олейник. Когда Ира оказывалась рядом с ним, её щеки начинали пылать просто-таки дьявольским огнём.

И тут всё тайное становилось явным. Родители Иры в дни своей молодости были в приятельских отношениях с моими родителями, что накладывало определённый отпечаток и на наши с Ирой (не подумайте плохого) отношениях.

Иванов Лёня – сын городского прокурора. Этим, пожалуй, многое сказано. Он лучше всех одевался и единственный носил скромную причёску, но с пробором. В отношениях с одноклассниками был высокомерен, дружил только с Юрой Олейником. В памяти остался связанный с ним один омерзительный эпизод. В классе по рукам стал ходить тетрадный листок, оказавшийся рукописной антисемитской прокламацией. После несложных следственных процедур установили автора. Это был Иванов. Но, как вы понимаете, дело было спущено на тормозах не без вмешательства папы.

Израйлит Валера – красивый мальчик, предпочитающий дворовой футбол всей школьной премудрости, что не могло не сказаться на его успеваемости. Одно время мы с ним дружили. Как-то, придя ко мне на день рождения, он подарил мне книгу с надписью, где в слове «ещё» он умудрился сделать четыре ошибки – «исчо». После седьмого класса Валера остался на второй год и наша дружба постепенно сошла на нет. Однако Валера, как позднее оказалось, успешно закончил какой-то институт и долгие годы работал заместителем директора по каким-то вопросам в каком-то институте. У Валеры был брат-близнец Юра. Когда их родители развелись, то развелись и близнецы. Валера остался с мамой, а Юра достался папе. Сегодня Валера носит фамилию Изаров, живёт в Нью-Йорке и работает экскурсоводом по Манхэттену. В 2007 году я с ним случайно встретился во время экскурсии. Нужно сказать, что мы не виделись больше 50-ти лет.

Кац Лара – яркая кокетливая брюнетка типично семитской внешности, созревшая не по годам, что не давало покоя не только мальчикам, но и ей самой. Нередко с лёгкой радостью она позволяла нам себя тискать. Однажды она

пришла на занятия с едва заметным макияжем и завитыми на висках локонами. Когда её увидела Вера Васильевна, наша классная руководительница, она схватила Лару, затащила в туалетную комнату и силой засунула её голову в умывальник, окатив холодной водой. Как говаривал Познер: «Такие были времена». Училась Лара очень плохо и, в конце концов, покинула нас, оставшись на второй год.

Ковтун Володя – худющий жилистый мефистофельской внешности юноша. Он был влюблён в театр и обладал несомненными актёрскими данными. Мы с ним довольно успешно выступали в школьной самодеятельности. Его вершиной был Чацкий, а моей, без ложной скромности скажу я, – Хлестаков. Мы были в достаточно тёплых и дружеских отношениях до тех пор, пока не увлеклись одной девочкой. Но она, коварная, предпочла меня (?), а Вова не смог совладать со своей необоримой ревностью, что напрочь положило конец нашей дружбе. После окончания школы он уехал в Среднюю Азию и окончательно исчез из моей жизни. Позднее совершенно случайно мне удалось его отыскать по театральной афише. Я написал ему письмо в надежде восстановить наши былые добрые отношения. Но молчание ему ответом было.

Колесник Света – яркая комета, промелькнувшая на нашем школьном небосклоне. Во-первых, отличница, во-вторых, статная фигура с выдающимся бюстом, о котором тогда говорилось – «повна пазуха цыцёк». Но вела она себя так, что никто даже в мыслях не решался к ней приблизиться. Правда, времени для этого оставалось недостаточно. Света после восьмого класса перешла в другую школу.

Король Люся – хорошая девочка с большими выразительными глазами, к тому же отличница, готовая всегда прийти на помощь, вплоть до тихой подсказки или даже списывания. К сожалению, у неё была серьёзная проблема. Очевидно в результате гормонального сбоя эндокринной системы у неё на лице росли волосы. Ей доставалось от жестоких

юнцов. Помню, кто-то предложил подарить ей на день рождения безопасную бритву. После школы Люся закончила техникум и работала на предприятиях местной промышленности.

Костенко Лёня – бесцветный малый небольшого роста плотного телосложения с необъяснимой для такого роста сутулостью. Помню, что учился он весьма посредственно. Лёня почему-то тянулся ко мне, а у меня даже сейчас, к сожалению, не нашлось для него ни одного доброго слова. Хотя и ничего плохого память не сохранила.

Котий Вадим – самый мужчинистый в нашем классе, хорош собой и косая сажень в плечах. Ходил расслабленной походкой, что характерно для пловцов. Вадим был чемпионом страны по плаванию стилем баттерфляй среди юношей. При этом он ещё и отлично учился, что не уставала подчёркивать наша учительница по физике – Мария Наумовна. Мы были убеждены, что она в него влюблена.

Крощенко Лёня – смуглый кряжистый молодой человек. Он выглядел немного старше нас и скорее всего так оно и было. Мне казалось, что он приходил в школу только затем, чтобы беспрепятственно рисовать своих замечательных рыцарей. В этом у Лёни был несомненный талант. Но после окончания школы, по слухам, он, к сожалению, попал в какую-то криминальную передрягу.

Маркович Света – эта внешне прелестная девочка училась с нами лишь два года, в 6-ом и 7-ом классах. Довольно субтильное существо с белокурыми кудрявыми волосами и большими голубыми глазами (ну, чисто Мальвина). Я влюбился в неё сразу, а она не только не отвечала мне взаимностью, но всем своим видом при каждом удобном случае даже выказывала мне своё полное презрение. А потому я не только вынужден был играть роль печального Пьеро, но даже готов был превратиться в пуделя Артемона.

Олейник Юра – милый миниатюрный курносый мальчик, отличавшийся спокойным, но достаточно твёрдым характером и хорошей успеваемостью. Писал стихи, подражая М. Ю. Лермонтову. Его любимым литературным героем был Печорин, что в какой-то мере отражалось в его поведении и даже во внешнем облике. Хотя визуально Юра запомнился мне облачённым в красный добротный лыжный костюм с начёсом.

Олексенко Юра – обаятельный белобрысый молодой человек есенинского типа, отличавшийся высоким ростом, соломенными кудрями и милой скромной улыбкой. К чести Юры надо сказать, что мы, проучившись пять лет в одном классе, не знали,что его отец был заведующим Отделом ЦК КП(б) Украины. Юрин младший брат Степан, рано ушедший из жизни, стал выдающимся украинским драматическим артистом.

Пасечник Зина – наша королева, эдакая русская красавица. При этом круглая отличница, умевшая со всеми сохранять ровные хорошие отношения. Многие мальчики тайно и явно были в неё влюблены, но своё сердце открыто и радостно она отдала Эдику Голобородько, о чём уже было написано выше. Но на их беду у Зины была очень активная мама, к тому же на протяжении всех пяти лет она была председателем родительского комитета. Она категорически возражала против их таких светлых и чистых чувств, считая, что Эдик Зине не пара. Ну, как же! У Зины папа профессор КПИ, а папа Эдика (подумать только!) – всего лишь артист оперетты. Конечно, на этом жизнь не закончилась. Зина с серебрянной медалью, легко поступила в институт, затем осталась на кафедре, защитилась, успешно продвигаясь по службе. Но знаю, что её первая любовь на всю жизнь осталась болезненной занозой в сердце.

Попов Витя – русопятый подросток крепкого телосложения с крупной высоколобой головой. Хорошие способности позволяли ему без напряжения вполне прилично учиться. Он был у нас душой компании. Но, к сожалению, остался рано сиротой, и сразу попал в цепкие лапы улицы. А дальше покатилось. Стал пить и очень рано ушёл из жизни.

Рожинская Алла – симпатичная девочка, единственная в классе носившая очки, что вполне соответствовало серьёзности её отношения ко всему. Она дружила тогда с Валерой Гребневым. В дальнейшем, насколько мне известно, Алла стала успешным научным работником.

Рузова Сталина – миниатюрная, как фарфоровая статуэтка, девчонка с располагающей улыбкой и бархатным голосом. Где были мозги её родителей в момент, когда давали дочке это страшное имя, правда, с ударением на втором слоге. Сталина и Света Балюк были неразлучны, как сиамские близнецы. Много лет я, встречаясь с ней на ежегодных традиционных встречах выпускников школы, с удовольствием убеждался, что время над Сталиной не властно, припоминая при этом народную мудрость: «Маленькая собачка – всегда щенок». Но уж больно симпатичный...

Славная Надя – действительно славная, плотного сложения крутобёдрая и полногрудая девица с маловыразительной, но очень милой, внешностью. Надя хорошо училась и отличалась завидной основательностью суждений. Какое-то время меня с ней связывали тёплые и романтические отношения. Однако как-то постепенно и незаметно они растаяли.

Слуцкая Люда. Этот дорогой мне человек появился в нашем классе в 1953 году. Она пришла после тяжелейшей психологической травмы. Её папа был осуждён на большой срок. Разумеется, это не могло не отразится на её учёбе – она осталась на второй год, что, на мой взгляд, добило её окончательно. Первый год Люда была абсолютной вещью в себе. Настороженный взгляд из-подо лба и абсолютное нежелание принимать участие в наших разговорах и развлечениях. Но время лечит и вот уже у Люды появилась подружка – Лина Щегельская, тоже малозаметная девочка. А вскоре я обратил внимание на ямочки Люды, появляющиеся при улыбке. И вот уже 50 лет нас согревает нежная дружба. После окончания школы я продолжал бывать в доме Люды. Однажды я пришёл туда со своим другом. В 1961 году Люда вышла за него замуж. Конечно же, речь идёт о Пузе, Лёве Эдельштейне. Они (спасибо мне) и по сей день вместе.

Факторович Феликс – маленький смешливый парнишка с забавной, но искренней манерой поведения. У него была небольшая голова с густой шевелюрой и отбитой верхушкой правого уха. Это увечье произошло в результате взрыва в детском садике, который мы с ним одновременно посещали.

Фридман Муся – некрасивый с типичной еврейской внешностью мальчик. У него был, очевидно, хронический насморк, внешние признаки которого ему не всегда удавалось скрыть от окружающих. При этом он много курил, а потому весь его организм и в особенности одежда источали малоприятные запахи. Муся постоянно что-то изобретал и витал в различных занимательных технических эмпиреях. После окончания учёбы в Киевском геолого-разведывательном техникуме Муся стал заправским мореплавателем.

Штильман Аник – худющий юноша с лицом, испытавшим явное генетическое влияние татаро-монгольского ига, за что за глаза обзывался «китаёзой». Он был гордостью класса – неизменный круглый отличник. Мы оказались с ним сидящими за одной партой, что сразу и определило наши дружеские отношения. Я безуспешно пытался тянуться за ним в учёбе, но мне не хватало усидчивости, а главное – его чувства ответственности. Мы бывали друг у друга дома. Папа Аника был известным в Украине художником. Любимым объектом его натюрмортов была сирень. Весной квартира Штильманов превращалась в цветущий сиреневый сад. Мы часто делали вместе уроки, а по окончании читали любимые книжки. Запомнился эпизод, когда мы оба просто зашлись в истерическом смехе. В этот момент нам попался отрывок из «Двенадцати стульев», где Васисуалий Лоханкин отчитывает в стихотворной форме свою жену Варвару: «Волчица ты, тебя я презираю, к Птибурдукову ты уходишь от меня. / Так вот к кому ты от меня уходишь! Ты похоти предаться хочешь с ним». Почему это место приводило нас в такой экстаз? Не знаю, но так было. Не могу обойти молчанием ещё один случай. У нас дома часто отсутствовала горячая вода, а семья Аника жила в изолированной квартире, что давало возможность мне иногда у него выкупаться. Мы забрались вместе в ванную комнату, разделись, и тут я обомлел. Тщедушное тело Аника компенсировал огромный, как мне показалось, детородный орган. Я невольно скосил глаза на свои так называемые достоинства и с грустью отметил, что сравнение было явно не в мою пользу.

Щегельская Лина – изящная девушка с хорошей фигурой. В Лине сквозь простую монашескую внешность настойчиво пробивалась скрытая сексуальность. При этом в классе её не было ни видно, ни слышно. Правда, помнится один достаточно яркий эпизод. Это было то ли в конце учёбы в девятом классе , то ли в начале – десятого. Лина пришла в школу в капроновых (ужас!) чулках и с новомодной

стрижкой «паж» под Мирей Матьё (ужас-ужас!!!). Тут-то наша классная руководительница и пришла в ужас. Скандал был грандиозный. Передовые комсомольцы школы заклеймили бедную девочку тщательно организованным позором.

Хотите верьте, хотите нет, но всё, что я написал о своих одноклассниках, мне удалось воспроизвести по памяти. Позднее, ковыряясь в подвале в своих старых бумагах, я натолкнулся на стандартную выпускную фотографию нашего класса и с гордостью обнаружил, что почти «никто не забыт, ничто не забыто». Почти потому, что всё-таки забыл о Мусе Фридмане. Так что пришлось добавлять к уже написанному. Зато не были забыты те, кто не дошли с нами до аттестата и покинули наш класс за год или два до выпускного вечера. Но мне ещё хочется выложить любительские, а потому живые, фотографии (в отличии от стандартной выпускной) моих школьных друзей.

Аник Штильман и я

Витя Гоцуляк,
Олег Асаулюк,
Витя Попов и я

Володя Ковтун и я

Зина Пасечник и я

Чтобы уже разом покончить со всеми школьными персоналиями, оставшимися в моей памяти, обратимся к нашему учительскому составу. Всё замирало в школе и её окрестностях, когда появлялась наша директриса Нина Николаевна. За все годы я ни разу не видел на её лице улыбки, несмотря на то, что целый год она нам читала астрономию. В школьных коридорах Нина Николаевна появлялась неожиданно, как привидение, в сером английском костюме и белоснежной блузке с кружевной манишкой. В праздничные дни лацкан её пиджака украшал, уж не помню какой, орден. Её лицо, испещрённое множеством морщин, постоянно выражало брезгливое презрение. И каждый из нас поневоле принимал это на свой счёт. Всю прелесть её «обаяния» и воспитательного таланта я испытал лишь однажды, когда сорвал сочинение по украинской

литературе, засунув в замочную скважину запертого класса медную монетку.

Украинский язык и литературу нам преподавала Вера Васильевна, она же была нашим бессменным классным руководителем. Мы постоянно ощущали её недрёманное око. О каждом из нас она знала и понимала всё и даже больше. Как-то на тридцатилетие нашего окончания школы мы собрались в актовом зале школы. В президиум посадили тех из выпускников разных лет, которые чего-то уже достигли. Вечер вела Вера Васильевна, которая к тому времени стала директором школы. Она, выдернув меня из-за стола президиума, решила предоставить мне слово: «А сейчас выступит мой ученик выпуска 1956 года, который сегодня занимает достаточно высокое положение». Тут, по-видимому от избытка чувств, она перешла на украинский язык и продолжила: «Так от оця зараза зірвав мені важливе підсумкове заняття за чверть». Вот как впечатлила её моя невинная шалость.

Математику во всём её школьном многообразии в нас вкладывал кудрявый блондин с невыразительным каким-то плоским голосом. Владимир Иванович с необычайной лёгкостью внушил мне любовь и уважение к своему предмету, за что я благодарен ему по сей день. Но..., ах это злосчастное но! И всё-таки, как говорила одна известная дама: «Не могу молчать». Довольно часто он приходил в класс подшофе, что для нас было очевидным, а иногда и вызывало нашу откровенно весёлую реакцию. И ещё он, даже не пытаясь скрыть этого, явно недолюбливал учащихся нетитульной национальности.

Моим безусловным фаворитом (фавориткой) была учительница по русскому языку и литературе Мария Семёновна Дубинская. Лишь её мне захотелось назвать ещё и по фамилии. Женщина она была мрачная, что, как выяснилось позднее, было связано с некоторыми обстоятельствами её личной жизни. Мария Семёновна входила в класс с плотно сжатыми губами, по форме напоминающими полумесяц рогами вниз. Мы замирали, но уже спустя несколько минут под гипнотическим воздействием Марии Семёновны

погружались в волшебство русской словесности.

Любовь к спорту нам пытался привить преподаватель физкультуры Александр Михайлович. Это был изящный худощавый мужчина с лицом, покрытым склеротическими сосудами, и застенчивой улыбкой, озаряемой блеском золотых коронок. Он разговаривал негромким голосом, складывая при этом губы куриной попкой. Должен признаться честно, что со мной ему больших успехов достичь не удалось. Я всегда предпочитал смотреть состязания, чем в них участвовать. Запомнился такой эпизод. На одном из уроков Александр Михайлович придумал новое упражнение для развития мышц спины. Он разбил нас на три группы и дал первым из групп по легкоатлетическому женскому ядру (4 кг). Нужно было, согнувшись и держа ядро в руках между ногами, бросить его партнёру по группе, стоящему напротив, а тот должен был его поймать также между своими ногами. Поскольку школьный двор был заасфальтирован, а ядра тяжёлые, то первые трое получили одномоментно достаточно серьёзные увечья. Ядра прибили пальцы к асфальту, раздробив крайние фаланги. Я был одним из трёх пострадавших. На нас всё очень быстро зажило, а бедного Александра Михайловича ещё полгода таскали по всяческим разборкам и педагогическим судилищам.

Занятия по химии проводила Мария Моисеевна, которая была самой возрастной из наших учителей и запомнилась своим сбивающим нас с толку косоглазием (особенно во время контрольных работ) и недокрашенной спадающей на лоб седой прядью волос. Уроки химии Мария Моисеевна просто отрабатывала, и мы, ощущая это, отвечали ей адекватным безразличием.

Физику мы постигали с помощью Марии Наумовны, довольно ещё молодой женщины анемичного вида. Её приятное лицо было щедро усыпано бледными золотистыми веснушками, что выдавало её принадлежность союзу рыжих. Несмотря на это, она ко мне относилась разве что снисходительно. Зато своих симпатий, а по нашему общему мнению даже больше, она не скрывала по отношению к Вадику Котию. Мы с нескрываемой радостью ловили её взгляды и

улыбки, обращённые к нему, живо обсуждая эту щекотливую ситуацию на переменке.

Может показаться, что я пишу о своих учителях без особого пиетета, но на самом деле это не так. Несмотря ни на что, я испытываю к ним искреннюю признательность и благодарность за то, что им удалось преодолеть мою лень и втиснуть в меня необходимую порцию базовых знаний. Учился я без особого напряжения, что и отражалось на результатах. И всё же, чем ближе становился выпускной класс, тем серьёзнее я относился к изучению школьной программы. И даже подумывал о какой-то медали, но пороху не хватило. Меня больше интересовала позашкольная жизнь. Так много было приятных отвлекающих моментов. Это и футбол, и кино, и эстрада, и, наконец, просто праздное времяпрепровождение.

Фарца

В больших городах страны во второй половине пятидесятых годов молодых людей, наиболее продвинутых в коммерческом плане, захлестнула горячая волна фарцовки. Короткий период так называемой оттепели позволил робко заглянуть за железный занавес, что дало возможность просочиться шокирующей советских людей информации о жизни «за бугром». В страну стали приезжать гости из-за рубежа. Их внешний вид вызывал вполне понятную и плохо скрываемую зависть.

Фарцовщики всякими правдами и неправдами выходили на контакт с иностранцами, у которых выклянчивали, выкупали или выменивали любые вещи иностранного происхождения, которые затем можно было удачно перепродать или блеснуть самим, вызывая зависть своего менее авантюрного окружения. Короткое время и я занимался этим позорным попрошайничеством. Я дежурил возле гостиницы «Интурист» с сумкой, набитой всяческой лабудой. В ход шло всё: от пионерских галстуков, значков с юным Лениным, воинских кокард и погон до дешёвой советской водки. За это можно было при определённой удачливости и

наглости получить яркие синтетические носки, белые сверкающие нейлоновые рубахи и не очень поношенные туфли. А однажды, мне просто очень посчастливилось. Заезжий финн отдал мне практически новую зажигалку «Золотой Ронсон», которой я щёлкал перед носом своих приятелей при каждом удобном случае. О жвачках и шариковых ручках я уже и не говорю. Моей коммерческой вершиной был выменянный у итальянца за бутылку водки болоньевый плащ, который позднее (после 1961 года) можно было купить (если повезёт) в комиссионном магазине за 70-80 рублей. Таких, как мы, которые брали товар для себя, а не на продажу, профессиональные фарцовщики с презрением называли попрошайками или бомбилами. Фарцовщики разговаривали на своём специфическом сленге. Вот для примера характерные словечки: фарца – товар; зелень, капуста – доллары; комок – комиссионный магазин; лейбл – ярлык; фирма, джинса (с ударением на последнем слоге) – фирменный товар, штаны из джинсовой ткани и другие смачные термины. Московский всемирный фестиваль молодёжи 1957 года породил в стране дополнительный всплеск фарцового движения. Главными потребителями фарцы в условиях советского дефицита стали так называемые стиляги. Власть беспощадно боролась с этим явлением. Так в Москве фарцовщик и валютчик Ян Рокотов был приговорён к расстрелу по личному указанию Хрущева. Были герои фарцовки и в Киеве. Я помню рядом, на улице Полупанова, так она тогда называлась, жили выдающиеся, по нашим понятиям, фарцовщики – Сандаль и Кутик. Эти два стильных красавца, блондин и брюнет соответственно, были какое-то время для нас объектами зависти и подражания.

Ира и Марат

1954 год окрасился очень важным семейным событием. 21 ноября, как и было запланировано, Ира и Марат стали мужем и женой.

Наш терем-теремок пополнился очень симпатичным

молодым человеком, который к тому времени в полной мере успел прочувствовать на себе все прелести советской пенитенциарной системы. Пять лет сибирских лагерей (Инта) по нелепому обвинению за участие в создании молодёжной сионистской (читай – антисоветской) организации. От такого мог сломаться кто угодно. Однако Марик не только устоял, но и не утратил лучшие свойства своей души. Он настолько легко и естественно вписался в нашу семью, что никого не удивило, когда однажды он, немного перепив, торжественно провозгласил: «Тёща – это человек!». В 2014 году, не сложно посчитать, Ира и Марат отметили бриллиантовую свадьбу.

В сентябре 1957 года неравновеликими усилиями Марата и Иры на свет божий был произведен Дима, внук-первенец. Терем-теремок разрастался. У папы теперь для работы оставались только поздние вечерние часы. Мама, прибегая с работы, сразу подключалась к обихаживанию внука. Но все трудности, возникшие в связи с появлением нового человечка, с лихвой компенсировались у наших родителей чувством любви и нежности к этому маленькому существу.

Мой футбол

Футбольным болельщиком я стал после того, как узнал полубыль-полулегенду о матче смерти между игроками довоенного киевского «Динамо» и командой немецких оккупантов. Героический ореол, окружающий наших футболистов, не мерк даже несмотря на весьма скромные результаты команды в конце сороковых годов. Для нас каждый игрок команды был неоспоримым кумиром. Мы по крупицам собирали малейшие сведения о их личной жизни и спортивных успехах. Приходили не только на матчи, но и на тренировки.

Вообще, надо сказать, что в те годы посещение футбольных матчей было мероприятием общесемейным и всегда сопровождалось приподнятым настроением. На трибунах царил всеобщий дух праздника. Ни драк, ни брани. Разве что, иногда добродушно доставалось игрокам-неудачникам. Даже при не совсем благополучном исходе игры, огорчение довольно быстро улетучивалось, а приятное послевкусие оставалось надолго.

Недалеко от нашего дома на улице Пушкинской жил знаменитый киевский голкипер Зубрицкий. Мы бегали к нему во двор и он великодушно позволял нам, пацанам, бить ему настоящим мячом. Надо сказать, что киевское «Динамо» всегда славилось своими вратарями. Чего стоит один только перечень их фамилий: А. Идзковский, А. Зубрицкий, Е. Лемешко, А. Гаваши, О. Макаров, Е. Рудаков и др. Какие невообразимые прыжки выделывал Гаваши! Какую невероятную реакцию бывало демонстрировал Рудаков и каких только бездарных мышек он понапропускал! Правда, хочется надеяться, исключительно для контраста.

Из защитников мне хотелось бы назвать плеяду блестящих беков на протяжении двух десятков лет с конца сороковых до середины шестидесятых, надёжно стоявших в обороне команды. Это прежде всего А. Лерман, Н. Голяков, В. Голубев, Т. Попович, В. Ерохин, В. Турянчик и др. Абрам Лерман (гордость евреев Киева) был первым увиденным мною непроходимым защитником из когорты «костоломов».

До сих пор помню матч между «Динамо» и «ЦДКА», где в личном поединке сошлись Лерман с великим Бобровым, который закончился на радость жестоким болельщикам тем, что Бобров плашмя лицом вылетел на беговую дорожку, усыпанную жужелицей. Не знаю, откуда взялось это слово, но так мы называли шлаковую крошку, которой была усыпана беговая дорожка. Эстафету жёсткой защиты приняли Голубев по кличке «директор», Ерохин по кличке «солдат» и Турянчик по кличке «старший».

Безусловным украшением команды на протяжении многих лет были её хавбеки. Назову наиболее выдающихся. Это: Э. Юст, М. Михалина, Д. Товт, Ю. Войнов, Ё. Сабо и др. Как можно забыть организационное кружево, которое умудрялись плести Юст и Михалина или разящие пушечные удары Войнова и Сабо! Они забивали не меньше голов чем штатные нападающие.

Короткое время в 1947 году киевское «Динамо» тренировал легендарный Михаил Бутусов. Мы по секрету от родителей бегали на стадион «Динамо», чтобы своими глазами увидеть якобы существующий чёрный браслет на его правой ноге, ограничивающий его удары справа. По «тщательно» проверенным слухам нам было известно, что ударом правой он убил то ли вратаря то ли стоявшую в воротах какую-то заморскую обезьяну, а левой будто бы Бутусов ломает деревянные перекладины ворот.

Что же касается нападающих, то в киевском «»Динамо» в те годы не было, пожалуй, выдающихся игроков. Вся игра строилась от центра поля через полузащитников. И всё же свой незабываемый след оставили такие форварды, как М. Коман, З. Сенгетовский, Ф. Дашков, В. Терентьев, Г. Грамматикопуло, П. Виньковатов, А. Зазроев и др. Самой одиозной фигурой, на мой взгляд, был Виньковатов. Этот с виду неуклюжий центрфорвард тем не менее забивал больше всех голов, правда, и оказывался распростёртым на зелёном газоне тоже чаще всех. Когда он чуть ли не в центре поля подхватывал мяч, с трибун неслись поддерживающие вопли: «Паша, давай! Давай, дорогой! Ну, давай же!». И тут Паша, споткнувшись о самого себя,

падает, а с трибун уже несётся: «А, мать-перемать, чтоб тебе...» и т. д. А он с виноватым видом поднимался и снова пёр, как танк, к воротам противника.

Очень модным среди болельщиков в те годы было почём зря ругать судей. Причем, учитывая тяготы недавно пережитых военных лет, обычно при малейшей судебной ошибке трибуны оглашались кровожадными воплями: «Судью на мыло!» – в надежде таким образом и заодно решить проблему дефицита моющих средств в стране.

Полной противоположностью Виньковатову был элегантный красавец Андрей Зазроев. Он был похож на известного в те годы киевского киноактёра Льва Олевского, который мне запомнился по фильму «Максимка». Что же касается Зазроева, то он обладал всеми качествами выдающегося форварда, выделяясь среди коллег ещё и своими организаторскими способностями.

Киевское «Динамо» тех лет заложило надёжный фундамент будущим блестящим победам, сотканным такими виртуозными нападающими, как В. Лобановский, О. Базелевич, В. Каневский и, конечно, О. Блохин. Но это нас, болельщиков, ждало в будущем, а в те годы мы обожествляли пусть и неуклюжих и порой не слишком удачливых, но тех наших футболистов.

А сейчас мне всё ещё гражданину Украины болеть за Киевское «Динамо» довольно непривычно, поскольку половину команды (нет, пожалуй, даже больше) составляют варяги, причём чернокожие варяги. И поверьте я далёк даже от намёка на расизм, но согласитесь, что это смешно, когда на поле выбегает украинская команда, состоящая наполовину из игроков, тела которых сверкают на солнце чёрной лаковой кожей. Поэтому на вопрос: «За кого ты болеешь?», я уже давно, к сожалению, не могу ответить: «За наших». Но всё равно болею за Киевское «Динамо», за команду В. В. Лобановского, ведь это по-прежнему и моя команда.

В середине пятидесятых годов на стадионе «Динамо» проходил чемпионат СССР по баскетболу. К тому времени наш школьный физрук уже успел привить нам интерес к этому виду спорта. И мы бегали туда смотреть на этих порхающих гигантов. Особый интерес у нас вызывал игрок

алма-атинского «Буревестника» Увайс Ахтаев по прозвищу Вася Чечен. Этот великан имел рост 2 м 36 см при весе в 200 кг. Когда его команда завладевала мячом, то единственное, что от них требовалось, это подержать мяч, пока Вася добредёт до кольца соперника. А дальше уже было всё просто – блокировать его при таком росте не удавалось никому. Мы караулили его после игры, чтобы стать рядом и при возможности сфотографироваться. Долгое время у меня хранилась это шокирующее фото, но при переезде в Германию оно затерялось. На нём макушка моей головы находилась чуть выше ахтаевской талии, а мои башмаки казались игрушечными в сравнении с его кроссовками. Дело в том, что до девятого класса включительно я был одним из самых низкорослых в классе, зато летом перед десятым я так вытянулся, что вошёл в первую тройку.

Школа (1951 – 1956 продолжение**)**

Пришло время вернуться вновь к делам школьным. Особым усердием в освоении школьной программы я никогда не отличался. С одной стороны, мне всё давалось довольно легко, что порождало во мне излишнюю самонадеянность, а с другой стороны, не очень-то и хотелось. Совместное обучение, а следовательно даже случайные, а порой и неслучайные, прикосновения к девчонкам, вызывали ещё неосознанные, но такие сладкие ощущения, что уже ни о чём другом не хотелось думать. Наиболее смелые из нас обратили внимание на одну из школьных уборщиц, которые тогда назывались почему-то техничками. Это была забитая довольно молодая женщина с монголоидным скуластым лицом. Мы во время переменок подкарауливали момент, когда она делала уборку в каком-либо пустом классе и с жадностью набрасывались на неё, общупывая все места, до которых удавалось дотянуться. Бедняга, как могла, безуспешно отбивалась, а мы ловили свой сладкий миг. Тогда-то я впервые и почувствовал этот смутный жар, пронизывающий молодой растущий организм сверху донизу, и ощутил упругую твердь моего потенциального представителя.

Надо сказать, что в нашем классе вплоть до самого окончания школы откровенные романтические отношения были редкостью. Гланым событием, как я уже рассказывал, был пылкий роман между Зиной и Эдиком. Мы же, будучи уже в десятом классе устраивали себе так называемые разгрузочные дни. Это всегда происходило по субботам. Под вечер мы встречались (чаще всего нас было четверо) у школы и сбрасывались, как тогда говорилось, «три по семь». Поллитровая бутылка водки стоила 21 рубль 20 копеек и называлась в народе «сучок». К ней мы докупали батон, три плавленных сырка и, если хватало денег, банку кабачковой икры. В подъёзде заранее облюбованного дома мы на скорую руку оприходовали всё это богатство и, обретя нужный кураж, шли на Брод – Крещатик (киевский Бродвей) клеить чувих. На тогдашнем молодёжном сленге это означало находу познакомиться с относительно доступными девчонками и вести их «на хату» (свободная квартира), а дальше танцы, зажиманцы, а там уж как получится.

В те годы передовая молодёжь танцевала очень динамичные танцы – буги-вуги и рок-н-ролл. Я, признаться, был довольно слабым танцором, но с удовольствием принимал участие в общем бедламе. Почему-то в памяти застрял один, на мой взгляд, смешной эпизод. У одного из нашей компании вернулся из армии старший брат. Мы решили внедрить его в городскую жизнь методом «ударной возгонки». Приодели и взяли с собой «на хату». Это была трёхкомнатная квартира. После лёгкого возбуждающего перекусона при активном участии портвейна «Три семёрки», который в народе величали и «бормотухой», «шмурдяком», или «чернилами», переходили к танцам. Танцы настраивали на интимный лад, после чего все попарно разбредались по комнатам. В дело шла даже ванная комната. Нашему подопечному досталась самая опытная девушка и детская комната. Однако через какое-то время, дверь детской отворилась и оттуда с растерянной улыбкой на лице вышла опытная и произнесла: «Не могу. У меня на него не стоит». Вот до чего иной раз доводило армейское воздержание.

Я уже рассказывал, что к моменту окончания школы

наши дружеские отношения с Людой Слуцкой окрепли настолько, что я стал часто бывать у них в доме. Люда и её младшая сестра Ира вместе с мамой Марией Алексеевной жили в комнате коммунальной квартиры на улице Толстого № 11 в так называемом «доме Мороза».

Когда-то, в первой четверти XX века, здание под № 11 по улице Толстого было, пожалуй, самым роскошным многоквартирным обиталищем, в котором, главным образом, жили семьи профессорского состава Киевского Университета. Этот 7-ми этажный дом с 6-8-ми комнатными просторными квартирами был оснащён бесшумными лифтами, переговорными устройствами и, можете себе представить, внутрикомнатными пылесосами и кондиционерами. В вестибюле дома, игриво сверкая и журча, располагался небольшой фонтан. Но с развитием реального социализма дом быстро терял свой шик и комфорт, а уже после Войны превратился в перенаселённый коммунальный клоповник. Но это нам не мешало сделать квартиру Слуцких местом наших постоянных и радостных встреч. Здесь бывали не только мы с Пузей, но и наши многочисленные приятели. С этой квартирой были связаны многие эпизоды моей молодости.

Дядя Нёма

Здесь ярко вспыхивали и вскоре угасали непродолжительные романтические отношения, которым нашёл очень образное определение сосед Люды дядя Нёма. Дверь в комнату открывалась порой в самый неподходящий момент и в дверном проёме возникала тощая фигура старого еврея в кепке. Он поверх очков обводил всех присутсвующих в комнате равнодушным взглядом и произносил свой сакраментальный вопрос-приговор: «Куцькаетесь?! Ну-ну!» – и тутже бесшумно исчезал. Дядя Нёма безусловно заслуживает того, чтобы сказать о нём немного больше. В этой квартире он занимал самую отдалённую комнату. , Эта комната приобрела соответствующий вид, благодаря его закоренелому холостяцкому существованию. А если быть более точным,

то его обиталище напоминало скорее заброшенную курилку. Причём это не фигура речи, а реальное отражение действительности. По углам стояли конторские фаянсовые пепельницы, заполненные истлевшими папиросными окурками, а пожелтевшие стены источали омерзительный запах табачного перегара. Интерьер комнаты состоял из простого деревянного стола, нескольких стульев, покосившегося шкафа и неприбранного лежбища.

Дядя Нёма был заядлым преферансистом и, учитывая его холостяцкий образ жизни, а по известному картёжному девизу: «Жена и скатерть – враги преферанса», у него два-три раза в неделю собирались партнёры-картёжники, чтобы, как сегодня говорят, оттянуться за «ломберным» столиком. Мы с Пузей хотели тоже научиться этой замечательной игре и в конце концов упросили дядю Нёму – допустить нас беззвучно присутствовать во время карточных боёв, стоя у игроков за спиной. Спустя пару месяцев мы уже могли делать первые шаги в постижении преферанса. Спасибо дяде Нёме, я и по сей день с превеликим удовольствием играю в эту увлекательную игру.

Особо добрых слов заслуживает дядя Нёма за его отношение к семье Люды в период, когда её отец отбывал срок в заключении. Несмотря на свои ограниченные материальные возможности, дядя Нёма старался всячески помогать Марие Алексеевне, которой при отсутствии стабильной работы было очень не просто поддерживать хотя бы относительное благополучие семьи и ставить на ноги цветущие организмы своих уже достаточно взрослых дочерей.

Преферанс

Здесь, пожалуй, уместно поговорить об одном из моих многочисленных досуговых пристрастий – преферансе. Как я уже писал азы этой умной игры я осваивал на карточном поле брани дяди Нёмы. И первые мои проигрыши-выигрыши были сделаны именно там. Поначалу партнёры терпели мои промахи, поскольку главным образом они отражались на моих результатах, но уже вскоре я смог играть там

почти на равных. Этому очень способствовали наши сражения между собой, Чаще всего мы играли втроём – Пузя, Боб и я. Играли мы и дома, где в разное время за стол садились мои родители, их друг Сейка, подруга моей сестры Дана и даже Таня, которую я научил играть из чисто шкурных соображений. В результате моя жена, вопреки известной карточной аксиоме, прерстала быть врагом преферанса.

Шли годы я стал попадать в более серьёзные компании. Так, благодаря тестю моего близкого приятеля, я был допущен в компанию, где собирались исключительно отставники в чине не ниже полковника. Играли они азартно, подогревая себя в короткие паузы хорошим коньячком. Играли «сочинку» по 5 копеек, что для меня было достаточно круто, поэтому, учитывая наш скудный в те годы домашний бюджет, я играл очень осторожно, что в конце концов и сформировало мой стиль и игровой девиз. Не так важно выиграть, как – не проиграть!

Какое-то время Георгий Николаевич, тот самый тесть, на редкость симпатичный человек, внешне очень смахивающий на киноартиста Михаила Жарова, приглашал меня играть к одной даме, живущей в районе Львовской площади. Как он говорил – она держит овощной магазин. Когда я впервые попал к ней в дом, то ненадолго лишился дара речи. Квартира дышала избыточным изобилием. Но больше всего меня поразила огромная фотография, висящая на ковре в гостиной. На ней стояли в обнимку Сидор Артемьевич Ковпак и муж хозяйки дома. Как ни странно, но именно она была хозяйкой дома, не взирая на героическое партизанское прошлое её мужа. Даже к игре он допускался не всегда, хотя всегда страстно этого хотел и играл очень неплохо. Но чаще она усаживала за стол молодого рабочего из своего магазина, который, судя по некоторым признакам, заменял мужа не только за ломберным столом. Играл он отвратительно, что, хотя порой и нарушало гармонию игры, но, поскольку игра шла относительно по-круному, это приносило существенные дивиденды. Хозяйка дома легко и непринуждённо расплачивалась за обоих.

Много лет спустя мы собирались в доме приятелей моих

родителей – Перельмутеров, сын которых был близким другом моей сестры. Его отец Виктор Ильич был милейшим человеком и по совместительству хорошим преферансистом.Регулярно по воскресеньям к нему приходили его друзья-преферансисты. Я долго добивался чести быть допущенным в их компанию и, в конце концов, это свершилось. Игра обычно проходила в дружеской обстановке с шутками-прибаутками и обязательным чаем с бутербродами. Когда Виктор Ильич получал хороший прикуп, а кто-то из партнёров невольно восклицал: «Ничего себе!», Виктор Ильич с улыбкой отвечал: «Да нет, всё себе».

Теперь несколько слов о завершающем этапе моей картёжной жизни, хотя это идёт в разрез с концепцией моего лишь четвертьвекового повествования. Но мне хотелось, чтобы рассказ об этом моём не всеми принимаемом увлечении имел полноценную структуру с экспозицией, завязкой, развитием и развязкой. Поскольку развязка неминуемо близка, я позволяю себе каждый новый день воспринимать как божественный дар и насыщать его, насколько позволяет здоровье, серотонином – гормоном удовольствия.

Два раза в неделю (вторник и четверг) уже больше десяти лет я играю в преферанс. Это очень украшает мою мало заполненную активной деятельностью иммиграционную жизнь. Партнёры – члены клуба преферансистов такие же бездельники, как и я, поскольку такое же старьё, как и я. Мы собираемся к 11-00 в одном из культурных центров кёльнской еврейской общины и играем «ленинградку» до 17-18 часов с небольшим перерывом на кофе. Обычно успеваем сыграть три пули до 50-ти. Чаще всего игра идёт одновременно на трёх столах, т.к. приходит обычно 10-12 человек. Прекрасная мозговая тренировка, да и кайф от адреналиновых выбросов, хотя и играем по 1 центу. Всё-таки все мы получатели социальной помощи.

Ещё раз о кино

В 1950 году, простояв в многочасовых очередях, можно было посмотреть первый советский вестерн «Смелые люди»

по сценарию замечательных литераторов Николая Эрдмана и Михаила Вольпина. Главные герои фильма – лихой конь Буян и безбашенный наездник Василий Говорухин, в исполнении яркого актёра Сергея Гурзо.

Главные события фильма происходят во время Войны, где Говорухин на Буяне демонстрируют чудеса отваги и ловкости. Мы тогда не имели представления о таком понятии, как каскадёр. У нас, дворовых мальчишек, после этого фильма просто сносило крышу. Мы имитировали боевые скачки, орудуя при этом самодельными шашками. Подобный дубль, говоря языком кино, окончился для одного из «немцев» отсечённым ухом.

Лето 1955 года преподнесло мне лично (не могу сказать по-другому) незабываемый подарок – на экраны кинотеатров города вышел аргентинский фильм «Возраст любви», в котором главную роль исполнила блистательная актриса и певица, очаровательная женщина Лолита Торрес.

Мужское поголовье страны, беру на себя смелость утверждать, было покорено пламенным очарованием и завораживающим шармом героини фильма, а женщины, кроме всего прочего, стали затягиваться в самодельные корсеты в надежде хотя бы приблизиться к изяществу её талии. В советском кино, на мой взгляд, максимально этого достигла, а в чём-то и даже превзошла уровень Лолиты Торрес (включая и размер талии) наша выдающаяся актриса Людмила Гурченко.

«Возраст любви» – красивая романтическая сказка, построенная по законам классической мелодрамы, с незабываемой музыкой аргентинского композитора Рамона Сарсосо. Сюжет фильма прост и традиционен, но, я думаю, что он выполняет лишь функцию фундамента, на котором творцами фильма был возведен этот хрустальный замок

любви, чистых чувств и волшебной музыки. Я был настолько очарован песнями, звучащими в фильме, что с лёгкостью запомнил их и с удовольствием напевал моим школьным друзьям и подругам. Почему-то излюбленным местом для музицирования нам служила верхняя площадка лестницы,поднимающейся от Крещатика к будущей гостинице «Москва». Мы приходили туда в субботу вечером, как принято говорить сейчас, потусоваться. Слегка выпивали, курили и пели всякие душещипательные песенки. Особой популярностью пользовалась в моём исполнении песня «Каким меня ты ядом напоила». С последним куплетом глаза благодарных слушателей уже не могли скрывать блеск непрошенной слезы. Что я буду делать без тебя Пропадает молодость моя Возле дома твоего Из-за счастья своего Плачу и рыдаю дорогая.

В 1956 году в небольших кинотеатрах и клубах страны демонстрировался фильм «Чайки умирают в гавани». Хотя мы уже были знакомы с великолепными фильмами итальянского неореализма, такими как: «Рим – открытый город», «Похитители велосипедов», «Рим в 11 в часов»,«Два гроша надежды» и другими, но с бельгийским кино мы столкнулись впервые. И вдруг – настоящий шедевр! По крайней мере по меркам того времени. В портовом городе мечется измученный погоней человек. Его преследует полиция. Где-то на окраине он встречает шестилетнюю девочку и только, когда он с ней, мы видим на его лице улыбку.

Собственно сюжетные линии просты, да, пожалуй, и не очень существенны. Мятущийся крохотный человечек на фоне гигантских портовых конструкций.

Фильм поражает блестящей работой оператора, выразительнейшими крупными планами и, говоря сегодняшним языком, великолепным саундтреком, написанным группой (4) джазовых музыкантов. Особенно запомнилось мне пронзительное соло трубы – главная музыкальная тема фильма. Картина пронизана безысходностью и заканчивается трагически. Эту

работу бельгийских кинематографистов (впрочем других не видел) я помню по сей день.

Праздничным фейерверком ворвался в нашу серую жизнь комедийный музыкальный фильм Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь». 30 декабря 1956 года в актовом зале Университета состоялся премьерный показ, на который я был приглашён студенткой Университета Галей, с которой в то время у меня был вялотекущий роман. Галя снимала, как тогда говорилось, угол у Слуцких, в пяти минутах ходьбы от Университета. Мы сидели в одном из верхних рядов актового зала и млели от восторга. Лучшего подарка к Новому Году трудно было даже представить. Веселая комедия положений с блистательной юной Людмилой Гурченко, зажигательно исполняющей лёгкие душевные песни Анатолия Лепина, которые с удовольствием поют и сегодня современные исполнители популярной музыки. Это был настоящий фильм-праздник.

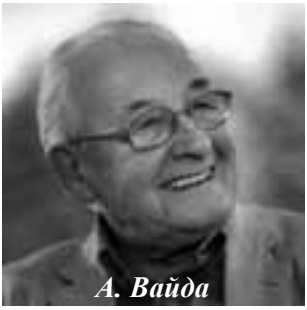
Так что очень рекомендую, в преддверии каждого Нового Года принимать, как лекарство, фильм «Карнавальная ночь». «И хорошее настроение не покинет больше вас!..».

Однажды мне позвонил Юра Марьямов, который будучи всего на три года старше меня, являлся мне двоюродным дядей. Наши семьи были связаны тёплыми родственными узами, но для настоящей дружбы три года в юношеском возрасте оказывались серьёзным препятствием, хотя мы довольно часто бывали друг у друга дома. Должен признаться, Юра был ещё и моим литературным учителем. Я регулярно списывал его яркие сочинения по русской литературе. И впоследствии он действительно стал успешным литератором, а меня хватило лишь на рядовой инженерный диплом.

Так вот позвонил он мне (это было в 1957 году, я уже работал и учился) и предложил пойти с ним и его школьным другом Фимой Славинским посмотреть польский фильм «Канал», который шёл в каком-то барачном клубе на окраине Киева (где-то в Святошино). Фима слыл диссидентствующим эстетом, вкусу которого мы безоговорочно доверяли, а «Канал» был его рекомендацией. И действительно мне ещё не приходилось видеть на экране трагедию такой глубины и проникновенности, снятую с запредельной выразительностью великим польским режиссёром Анджеем Вайдой.

В фильме рассказывается о страшной развязке Варшавского восстания 1944 года на примере трагической судьбы бойцов одного из отрядов Армии крайовой, которые в попытке скрыться от преследования фашистов все погибают в лабиринтах канализационных каналов Варшавы. Такими жёсткими кинематографическими средствами до Вайды ещё никому не удавалось рассказать правду об этой страшной Войне.

А. Вайда

Сегодня Юра живёт и пописывает в Нью-Йорке, Фима живёт и работает в Лондоне (русская редакция Би-Би-Си), а я живу и не работаю в Кёльне.

Новым словом в советском кинематографе стал снятый в 1961 году фильм «Человек-амфибия» по роману Александра Беляева. Впервые в художественном фильме создатели применили сложные подводные съёмки, впервые в советском кино были сняты эротические сцены, в которых юная героиня появляется на экране в просвечивающемся купальнике и также впервые в нашем фильме прозвучали не наши ритмы рок-н-ролла. Надо сказать, что великолепная музыка, написанная молодым композитором Андреем Петровым, фактически является одним из основных персонажей фильма. Зажигательная румба, которую танцует очаровательная Гуттиэре, драматическая «Песня о рыбаке» и «Песня о морском дьяволе» в стиле буги-вуги – эта музыка

пользуется популярностью и сегодня.

«Человек-амфибия» – один из самых романтических, красивых и трогательных фильмов о любви. И в этом большая заслуга исполнителей главных ролей Владимира Коренева (Ихтиандр) и Анастасии Вертинской (Гуттиэре). Однако создатели фильма постарались донести до зрителя, что самая главная жизненная ценность – личная свобода.

Совместными усилиями эти фильмы частично формировали мой эстетический взгляд на кино, которое, как известно, «является важнейшим из искусств».

Абитуриент

Завершился десятилетний школьный период и началась напряжённая подготовка к вступительным экзаменам в институт. Настолько напряжённая, что я даже не пришёл на школьный выпускной вечер, о чём узнал совсем недавно в разговоре со своей соученицей Ирой Давидович. Когда я сказал ей, что совершенно не помню, как проходил наш выпускной вечер, то оказалось, что меня там не было. Может быть я действительно так серьёзно, что есть большой вопрос, отнёсся к поступлению в вуз. Что же касается моей будущей профессии, то на тот момент у меня не было никаких предпочтений. Но тогда наиболее престижным для молодого человека считалось инженерное образование. Сам не знаю почему, я остановил свой выбор на Киевском строительном институте. Мне предстояло написать сочинение и сдать три устных экзамена: математику, английский и физику. Готовился, надо сказать, я тщательно. Сверх школьной программы проштудировал оба тома «Занимательной физики» Я. Перельмана и перерешал от корки и до корки все задачи из толстенного учебного пособия для вузов П. Моденова. За три предыдущих экзамена мне удалось набрать необходимое количество балов, что гарантировало поступление даже при получении на

последнем – физике даже четвёрки. Но экзаменатор после моего благополучного ответа по билету, подчёркнуто произнеся моё отчество, неожиданно спросил: «Валерий Исаакович, а за сколько вы пробегаете 100 метров?». Я что-то растерянно пробормотал и услышал в ответ: «Жаль. Вот, если бы вы пробегали стометровку за 11 секунд, я поставил бы «четыре», а так – только «три». По неопытности мне даже не пришло в голову, что можно этот результат попытаться опротестовать. Так завершилась, не начавшись, моя карьера в качестве инженера-строителя.

Несолоно хлебавши, я был вынужден пойти работать. Но об этом дальше. А пока вернусь к своим попыткам получить высшее образование. Прошёл год. Теперь я уже испытывал судьбу, сдавая вступительные экзамены в Киевский политехнический институт. И снова камнем преткновения оказалась физика, и снова «тройка». Но у меня уже был опыт и я подал заявление в конфликтную комиссию. Свои ответы на вопросы и решение задачи я подробно записал на проштемпелёванных листах, которые, как я знал, какое-то время хранятся в архиве. Прождав в приёмной положенных два часа, я, наконец, был допущен в кабинет Плыгунова – ректора КПИ, где заседала комиссия. Я вошёл и оторопел. Мне ещё никогда в жизни не приходилось бывать в таком огромном кабинете. Вокруг бескрайнего стола, развалившись в удобных креслах, сидели члены комиссии. У дальнего торца стола восседал председатель – Плыгунов. Мне предложили присесть у противоположного конца стола, где стояла низенькая табуретка. Всё коварство я понял лишь тогда, когда мой подбородок практически оказался униженно лежащим на столешнице. Кроме того, рядом с собой я увидел угрожающе возвышающуюся надо мной фигуру лупоглазого Величко – моего обидчика-экзаменатора по физике. Комиссия нарочито внимательно разглядывала мои листочки, но, убедившись, что существенных ошибок нет, предоставили слово Величко, который, с трудом подбирая слова, сказал, что он не поверил в основательность моих знаний, а на его дополнительные вопросы я не ответил вовсе. Само собой поверили ему, а не мне. С этим я и

покинул это «милое» сообщество.

Техникум

Поддавшись советам доброжелателей (всё-таки страна Советов) я отнёс результаты сданных мною экзаменов в Киевский электро-механический техникум, который тогда находился на Соломенке, и был принят на вечернее отделение. Весной 1961 года я, практически не приходя в сознание, закончил его с дипломом техника-технолога. При этом я не только не запомнил сам учебный процесс, но к стыду своему в моей памяти даже не остались люди, с которыми я почти ежевечерне встречался на протяжении трёх с половиной лет. Разве что могу припомнить троих. Витя Лябик – голубоглазый блондин есенинского типа с необоримой тягой к спиртному. Валя Спектор – симпатичная шатенка, мои отношения с которой не получили дальнейшего развития ввиду приоритетности её замужества. И, наконец, Ида Шварцман – смешливая молодая девчонка с забавно откляченной попой, которая оказывала мне не вполне заслуженные знаки внимания. Вот и весь сказ про техникум. Как говорится, «помереть не померла, только время провела». Хотя справедливости ради следует сказать, что полученный диплом всё же дал мне возможность на законных основаниях работать техником-конструктором. Но об этом немного позже.

Москва, 1959 год

Я приехал в Москву с твёрдым желанием показаться кому-нибудь из консерваторских преподавателей-вокалистов. К тому времени я уже год занимался в вокальной студии Киевского Дома учёных у Люси Давидовны Гринер, сын которой Григорий Гринер был ведущим солистом Московской оперетты. Люся Давидовна считала, что у меня приличный баритональный бас и натаскивала меня на басовых партиях. Кроме того, благодаря содействию Лии Наумовны Дробязко (друзья моих родителей), я попал на

домашнее прослушивание к их соседке – профессору Киевской консерватории Марии Эдуардовне Донец-Тессеер. Особого восторга она не выказала, но сказала, что надо учиться. И вот, гуляя по Москве, я оказался перед знаменитым зданием на Собачьей площадке, где в то время находился музыкально-педагогический Институт им. Гнесиных.

Без колебаний я вошёл внутрь (тогда это ещё никак не регламентировалось) и стал искать вокалистов. Из одного из классов на первом этаже я услышал знакомые рулады и сел ждать. Вскоре прозвенел звонок, и в коридоры вырвалась шумная группа студентов. Я вошёл в класс, где оставались молодой преподаватель и пожилая дама – аккомпаниатор. Обратившись к ним, я попросил меня послушать. Последовало несколько вопросов и моих невразумительных ответов и, наконец: «Что будете петь?». Я же, гонимый отважной незрелостью, ответил: «Могу спеть арию Ивана Сусанина». Они переглянулись, но прозвучали первые аккорды, и я запел... «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» Терпение моих слушателей закончилось довольно быстро. Я услышал: «Спасибо! Спасибо! А не могли бы вы спеть что-нибудь попроще. Вы же приехали из Киева, ну, что-нибудь украинское». «Могу спеть «Взяв бы я бандуру». Запел. На сей раз мне удалось допеть до конца, но самым неожиданным был приговор. «У вас красивый тембр, я готов с вами работать, приезжайте летом для сдачи экзаменов».

Нужно ли говорить, что я мчался к дяде Жене, не чуя под собой ног, и тут же вывалил всю распирающую меня радость. В ответ – холодный душ. Дядя Женя объяснил мне, что я самонадеянный мальчишка, что прежде я должен был посоветоваться с ним – известным композитором, и, что, наконец, слава Богу, жив ещё дядя Аркаша, в прошлом оперный певец и, что завтра же он пригласит дядю Аркашу, тогда-то и наступит момент истины. Жарковский Аркадий Евсеевич – мамин дядя, в прошлом успешный оперный певец, бас-баритон. Он пел в труппах Императорского Мариинского и Одесского оперных театров. В те годы в его исполнении было выпущено более тридцати грампластинок.

Ночь не сложилась. Насилу дождался прихода дяди Аркаши. За рояль сел дядя Женя и я пропел, что мог и как смог. Дядя Аркаша только один раз прервал меня, сказав, натужно подбирая слова, что я реву, как бык, и попросил петь потише. Когда я закончил, дядя Женя удовлетворённо улыбался, а дядя Аркаша подвёл итог: «Нужно дальше учиться. И я, пока жив, готов помогать!» и попросил передать привет мадам Тессеер. Что я позднее и сделал. При таких странных обстоятельствах я познакомился со своим двоюродным дедушкой.

Киевский политехнический институт

В 1962 году, по окончании техникума, я уже с направлением от производства, что важно, всё-таки был зачислен на вечерний факультет по специальности «технология машиностроения». Наша группа называлась «ТМ-29». Тогда же Танюша, уже будучи моей женой, была зачислена на первый курс Киевского института народного хозяйства с заочной формой обучения, который окончила в 1967 году.

Сегодня, имея уже за плечами 40 лет трудового стажа, с грустью вынужден констатировать, что существующая в те годы система образования (особенно вечернего или заочного) совершенно не гарантировала качественную профессиональную подготовку. Всё было построено на волшебном слове «сдать». Сдать зачёт, сдать курсовую, сдать экзамен. А освоение иностранного языка вообще сводилось к сдаче бесчисленного, практически бессмысленного, количества знаков.

Никого не интересовала ни глубина постижения предмета, ни возможность применения в дальнейшем даже этих полученных знаний. Единственное, пожалуй, чему я научился за годы учёбы, это умению читать специальную литературу и ориентироваться в справочниках. А настоящая профессиональная квалификация уже приобреталась в процессе трудовой деятельности.

Но тогда я настойчиво пробивался к высшему образованию

и, не взирая на чинимые препятствия, всё же оказался студентом-вечерником факультета технологии машиностроения. Каково же было моё удивление, когда оказалось, что в нашу группу затесались пятеро евреев. Правда, постепенно выяснилось, что Мила Хазина была дочкой директора институтской столовой, Ира Лозовик – племянницей доцента кафедры математики, а тётя Изи Ниршберга работала всю жизнь в институтской библиотеке. Я же поступал по направлению от предприятия, что тоже давало определённые льготы. Лишь путь к знаниям пятого члена этой «преступной группировки» Бори Гольденберга мне оказался неведом. В 1968 году с дипломом инженера-технолога по обработке металлов резанием я освободил КПИ от своего присутствия.

А теперь мне хотелось бы вспомнить всех моих товарищей по несчастью, я имею в виду вечернюю форму высшего образования. Мне хочется не только вспомнить многих из нашей группы, но и назвать их поимённо. Тех, с которыми я в течение почти шести лет делил долгие осенне-зимние вечера. Эти люди необъяснимым образом уютно разместились в моём сердце. Мы приходили на лекции или практические занятия после тяжёлого трудового дня и, преодолевая острое желание немедленно заснуть, старательно овладевали обрушившимися на нас знаниями.

С тех пор прошло очень много лет, но, благодаря сложившейся традиции, каждое первое сентября в шесть часов вечера у входа в главный корпус КПИ собирается наша группа, точнее те, кто жив, здоров и в этот день находится, как говорится, в шаговой доступности. Эти встречи чаще всего завершались милыми весёлыми застольями в одном из ближайших предприятий общественного питания (какая мерзость!), но так в советские времена назывались рестораны, кафе и столовые. В дальнейшем мы стали этот день завершать у Милы Хазиной. Её щедрое гостеприимство позволяло достойно отметить очередную встречу группы в обстановке тёплого домашнего уюта.

Вспоминая этот период моей жизни (1962 – 1968), я убедился, что помню всех моих сотоварищей по мучительной вечерней студенческой (?) жизни. Помню всех вместе

и каждого в отдельности. Поэтому,как и при знакомстве читателя с моими соучениками по школе № 48, чтобы не возникло ошибочного представления о том, кто для меня был ближе или интереснее, я представлю моих состудентов опять же в алфавитном порядке.

Андренко Анатолий Андреевич (1939 – 1992) – обаятельный человек, как мне казалось, с внешностью Пьера Безухова. Однако за лёгкостью в общении скрывался глубокий и серьёзный человек. Вся его трудовая жизнь прошла на заводе «Арсенал», где он трудился в качестве инженера-конструктора.

Бут Виталий Николаевич (1936) был, на мой взгляд, в нашей группе самым загадочным субъектом. Обладая достаточно незаметной внешностью, он ещё умудрялся каким-то образом себя всячески уничижать, что вполне корреспондировалось с его скромными успехами в учёбе. При всём этом он был не только умным, но и весьма остроумным человеком с очень характерным сочным украинским юмором. Виталикй в течение двадцати лет (1975 – 1995) работал директором Опытного завода при КПИ. А это, я думаю, говорит о многом.

Гатилов Николай Александрович (?) (1930 – ...) – довольно крупный мужчина в очках с толстенными линзами. При разговоре он довольно смешно складывал губы куриной гузкой. Если бы существовал в ВУЗ-ах выборный орган – совет старейшин, то Николай в нашей группе наверняка бы его возглавил. Нам он казался просто стариком, но его тяга к учёбе вызывала удивление и одновременно

уважение. Учится ему было, разумеется, нелегко, но Коля добрался до получения диплома без видимых потерь.

Голюк Евгений Иванович (1937 – 2011) – милый, улыбчивый человек с каким-то вроде бы сплюснутым голосом. Женя всегда отличался особой скромной элегантностью. Студенческое бремя он совмещал с тяжёлой работой формовщиком в литейном цехе завода им. Лепсе. После получения диплома и вплоть до выхода на пенсию Женя успешно занимался конструкторскими разработками в ОКТБ того же завода им. Лепсе.

Грогуль Леонид Каленикович (1938) – молодой человек плотного телосложения, отличался от нас какой-то убедительной солидностью. К занятиям относился со всей возможной серьёзностью. Свою трудовую биографию начал токарем на заводе «Киевприбор», а завершил – в должности главного инженера НИИ электромеханических приборов, где проработал до ухода на пенсию в 1997 году.

Дорогунцев Вячеслав Георгиевич (1938). Этот персонаж будет неоднократно встречается на страницах моего повествования, что неудивительно, поскольку нас связывают добрые приятельские отношения ещё с 1959 года. Слава – типичный жизнелюб, во всех смыслах этого слова. Но мне бы хотелось несколько слов сказать о его хобби. Каждое лето он со всей своей многочисленной семьёй переселялся на берег Днепра. Там Славик строил палаточный лагерь с доступными удобствами, с лёгкостью обеспечивая всех свежей рыбой. Он прослыл умелым и удачливым рыбаком. А в сборе грибов ему просто не было равных. К зиме его погреб заполнялся сотнями банок (это

не фигура речи). Полки были заставлены банками с маринованными овощами и грибами, всевозможными компотами и даже свиной тушёнкой собственного производства. Но вернёмся к профессии. Слава был хорошим специалистом в области метрологии, что позволило ему возглавить на заводе «Электроприбор» метрологическую лабораторию, а позднее стать заместителем начальника ОТК предприятия. Перестроечные годы вынудили Славу заняться предпринимательской деятельностью, в чём он, надо сказать, тоже преуспел. На протяжении всех шести лет учёбы он был нашим бессменным старостой группы.

Зуев Владимир Васильевич родился (1939). Да простит меня Володя, но, чтобы попытаться в двух словах описать его внешность, я прибегну к весьма сомнительной метафоре. На мой взгляд, он при весьма незначительном вмешательстве гримёра, будет, как две капли воды, похож на Ленина. Причём, не только чисто внешне, но даже в моторике речи и динамике движения. В нём иногда чувствовался просто-таки революционный задор. Так и ждал, что он произнесёт, слегка грассируя, что-нибудь типа: «Пора, батенька, пора уже научиться строить простейшие эпюры». А, если говорить серьёзно, то главной отличительной чертой Володи была – надёжность. Лучшего друга я бы никому не пожелал. А что касается его профессиональной жизни, то во многом она связана с заводом «Арсенал», где он прошёл путь от техника до заместителя начальника механического цеха. А в последние годы, до ухода на пенсию в 2006 году, Володя работал на нескольких предприятиях в разных ответственных инженерных ипостасях.

Калиберда Тамила Павловна (1940) – симпатичная блондинка с хорошей фигуркой и широко распахнутыми глазами, смотрящими на мир одновременно с большим удивлением и недоверием. Я заглянул в Интернет, чтобы узнать, как характеризуются люди с именем Тамила. Оказывается, их отличительной чертой является спокойствие и

умение контролировать свои эмоции, что в данном случае полностью соответствовало действительности. После окончания института Тамила работала по 2003 год во ВНИИживмаш ведущим инженером в отделе стандартизации. Она и сейчас трудится (!!!) на сомнительном поприще статистики в Консультативно-диагностическом центре Минздрава Украины. Кроме того, у меня вызывает искреннее уважение то, что сегодня Тамила убеждённо позиционирует свои патриотические проукраинские взгляды.

Кирпач Михаил Иванович (1936 – 2010). Это был скромный, уравновешенный, а потому, может быть, и малозаметный студент.Занятия в институте он совмещал с работой токарем на Киевском заводе станков-автоматов им. Горького. По окончании института Миша работал на Киевском заводе лифтов, пройдя путь от рядового инженера-конструктора до должности главного конструктора.

Клочковская Светлана Григорьевна (1937). Если мне не изменяет память, то Света появилась в нашей группе не сразу. Это была молодая женщина с русыми волосами и мягкой домашней внешностью. Занималась очень старательно, а потому и результативно. После окончания института работала инженером-конструктором в Институте сварочного производства вплоть до ухода на пенсию в 1992 году.

Красный Виталий Федотович (1937). Пышущий изрядным здоровьем доброжелательный молодой человек с цветом лица полностью соответствующим его фамилии. Пусть Виталий меня простит, но мне невольно вспомнился замечательный рассказ Михаила Евдокимова – «Из бани»:

«Иду весь не красный, а морда красная, ага...». Большую часть своей трудовой биографии провёл на заводе «Большевик», где начинал слесарем, а завершил свой трудовой путь в должности начальника бюро технадзора грузоподъёмных механизмов. Последние годы Виталий работал техническим экспертом объектов котлонадзора, подъёмных механизмов и сооружений.

Ниршберг Исаак Моисеевич (1934). С Изей я был знаком ещё до того, как мы оказались в одной группе, поэтому мы довольно быстро подружились. Мне в нём нравилось тяга к хорошей литературе, которую, как я понимаю, ему привила его тётя-библиотекарь и заметная спортивность (чуть ли не первый разряд по боксу). До диплома Изя добрался без особых проблем, хотя и не раз попадались труднопреодолимые преграды в виде экзаменов, зачётов и курсовых работ. Более успешно он трудился на демографическом поприще. Незадолго до защиты диплома у него родилась прелестная дочка – Танечка. Большую часть своей трудовой жизни он отдал заводам «Электроприбор» и «Аналитприбор», где уверенно сменил слесарный верстак на стол инженера – технолога. Последние годы до отъезда в Америку Изя работал на опытном производстве НИИ Полиграфии.

Носуленко Николай Денисович (1939 – 2008). Когда я его увидел в первый раз, то даже обрадовался. Нас рыжих в группе уже стало двое. Это был изящный молодой человек ниже среднего роста с золотистой волнистой шевелюрой. А ещё в Коле поражала какая-то удивительная нежность. Учился он все годы не просто ответственно, но и с явным интересом. Вся

его трудовая стезя проходила по научно-практическому полю Института проблем литья Академии Наук УССР, где он проработал до 2008 года. Николай являлся автором ряда изобретений, а его научные труды неоднократно публиковались в украинском журнале «Наукова думка».

Осецкий Василий Иосифович (1936). Хороший парень – вот, пожалуй, слова, которые наилучшим образом могут охарактеризовать Васю. Это был молодой человек небольшого роста с лицом, покрытым тонкой сетью мельчайших кровеносных сосудов. К занятиям он относился как к докучной повинности. Зато после окончания института стал одним из самых активных участников наших ежегодных встреч 1-го сентября. Занятия Вася совмещал с работой строгальщиком на Киевском механическом заводе игрушек им. Ватутина. После окончания КПИ он работал в КТБ «Стройиндустрия» главным конструктором отдела и на заводе «Сахавтомат» на разных инженерных должностях.

Пешков Валентин Николаевич (1938 – 2010) – блондин плотного телосложения с широким скуластым лицом, периодически озаряемым располагающей улыбкой. Большую часть своего трудового стажа Валентин заработал на Киевском заводе автоматики им. Г. И. Петровского, где уже после защиты диплома работал в должности ведущего инженера-технолога. Но главным увлечением его жизни было пение. Много лет он пел в каком-то серьёзном хоре (к сожалению не знаю в каком). Иногда в перерыве между парами он тихим голосом выдавал на радость нам теноровую руладу.

Полевой Владимир Петрович (1934 – 2012). Скромный

молодой человек ниже среднего роста со светлой волнистой шевелюрой и пастозным лицом, имеющим женские черты. За все годы учёбы ни одного конфликта ни с состудентами, ни уж тем более с преподавателями. Более сорока лет Володя отдал родному предприятию – Киевскому авиационному заводу им. Антонова, где начинал фрезеровщиком, а уходил на пенсию в 1995 году , будучи начальником технологического бюро.

Саввич Александр Васильевич (1934). Написал Сашину фамилию и растерялся. Хорошая внешность, но запомнились только длинные загнутые ресницы. Казалось бы уравновешенный характер, но запомнился лишь противный эпизод, когда он без видимых причин ударил Ваню Юхименко. Годы учёбы прошли без особенностей. Работал Саша на Киевском авиационном заводе им. Антонова инженером-конструктором, а впоследствии и начальником конструкторского бюро.

Тур Александр Олегович (1940 – 1988?) – неунывающий молодой человек приятной внешности, небольшого роста с лёгкой хромотой. Больше всего в жизни Сашу интересовал коммерческий успех. Его голова постоянно была заполненна различными неосуществляемыми прожектами. Одно время он приезжал в институт на мотоцикле с коляской, на котором днём он что-то развозил в надежде славы и добра. Последние годы Саша работал начальником цеха на небольшом заводике местной промышленности. К сожалению, Саша не дожил до крутых 90-х, когда могли бы осуществиться его бизнес-проекты.

Фурс Вадим Алексеевич (1939 – 2009) – обаятельный гигант с открытым лицом и застенчивой улыбкой. Вадим, на мой взгляд, был очень похож на актёра Николая Охлопкова в роли Василия Буслаева – героического персонажа из фильма «Александр Невский». Работал в цехе оптики завода «Арсенал», затем электромонтажником на Киевском заводе автоматики им. Г. И. Петровского, а после получения диплома Вадим начинает всерьёз заниматься экономикой, поначалу в Институте Экономики Госплана УССР, где защищает диссертацию и становится кандидатом экономических наук. С 1992 года Вадим работал в Министерстве экономики Украины.

Хазина Мила Львовна (1939) – милейшее хрупкое болезненное существо с библейскими глазами. Очень скоро выяснилось, что Милочка при всей своей субтильности оказалась для нашей группы довольно мощным цементирующим средством. Она осваивала предлагаемые нам знания старательно и ответственно. После окончания школы и до выхода на пенсию в 1996 году Мила работала на заводе «Радиоприбор им. С. П. Королёва», пройдя путь от копировщицы до инженера-конструктора по технологической оснастке. Мы никогда не теряли из виду друг друга, благодаря нашим периодическим наездам в Киев и телефонным звонкам.

Юхименко Иван Иванович (1939 – 2011) – красивый молодой человек с мощной статью, внешность которого можно было бы легко описать, используя сказочную терминологию – «добрый молодец». В особом усердии по отношении к занятиям замечен не был. Двадцать лет отдал заводу «Большевик», где был и слесарем, и мастером, и начальником бюро кооперации. А уже

с 1976 года и до ухода из жизни занимал ответственный пост директора завода «Сахавтомат».

Вот и можно сказать: «Никто не забыт, ничто не забыто!». Практически исчерпан список моих товарищей по вечерним студенческим бдениям в течение почти шести лет. Воспоминания о них, разумеется в разной степени, но греют мне душу и наполняют сердце необъяснимой теплотой.

Завершить рассказ о моих так называемых политехнических буднях мне бы хотелось, назвав ещё наиболее любимых, нет точнее ценимых, преподавателей. И прежде всего это Валентин Григорьевич Лозовик (1923 – 2006) – кандидат наук, доцент кафедры математики. Тогда это был сорокалетний мужчина приятной внешности с высоким лбом, за которым легко угадывались глубокие знания и сдержанная мудрость. Но самым поразительным были его безупречные конспекты, которые даже сложные интегралы превращали в наших друзей.

Сопромат нам читал доцент соответственно кафедры сопромата Николай Маркович Мухин. Это был крупный человек, сильно прихрамывающий на правую ногу. Такой кинотипаж фронтовика, вернувшегося к мирной жизни в роли справедливого парторга крупного предприятия. Лекции он строил как языковые диктанты в 6-7 классах. Мы успевали не только всё записывать, но даже кое-что понять и частично запомнить. В результате, когда уже дело касалось решения практических задач – построения эпюр, я их щёлкал, благодаря Николаю Марковичу, как орешки. Мне это очень нравилось.

И, наконец, доцент кафедры технологии машиностроения

– Александр Яковлевич Шнайдерман. Отличительными чертами его были пискляво-сиплый голос и отсутствие одного глаза, чем некоторым ловкачам удавалось пользоваться во время экзаменов. Для меня же Александр Яковлевич запомнился ещё и, как очень квалифицированный, хотя и весьма своеобразный руководитель моего дипломного проекта. В значительной мере он оказался для меня выпускающим преподавателем. Однако по гамбургскому счёту профессии меня научила жизнь.

Мои увлечения и влюблённости

Мой интерес к слабому полу, как я уже рассказывал, проявился ещё в детском садике. Потом, это уже в шестом классе, неразделённая любовь к Свете Маркович. А дальше – больше.

В 9-ом классе на школьном вечере я остановил свой взгляд на девчонке, которая как-то слишком резко перемещалась в пространстве, чересчур громко смеялась и вообще всячески привлекала к себе всеобщее внимание. Это была подружка моих соучениц Жанна.

Наши непростые отношения продолжались больше года. Виртуозное кокетство её яркой артистической натуры позволяло очень умело жонглировать моими чувствами. То я взлетал на вершины блаженства, то проваливался в ямы адской ревности. Я знал, что параллельно со мной существует некто Толик, который имел передо мной явное преимущество. Он был похож на Аркадия Райкина. А тут уж, как говорится, ни добавить ни убавить! И всё-таки, несмотря на очевидную теплоту

наших взаимных чувств, отношения между нами со временем как-то (прошу прощения за вульгаризм) постепенно рассосались. А в довершение скажу, что перед нашим отъездом в Германию мы встретились. До этого мы с Жанной не виделись почти 40 лет, но, мне показалось, что эта встреча, кроме некоторой неловкости, ничего сокровеного в душе не вызвала.

После окончания школы я стал часто бывать у Люды Слуцкой, где познакомился, о чём я уже писал, со студенткой Университета Галей, которая снимала у них угол. Это была бойкая девица с весьма пышными формами, что видимо и произвело на меня решающее впечатление. Мы начали встречаться. Мне льстило, что мужики обращали на неё внимание. Но со временем я стал понимать, что она совсем не прочь связать со мной свою будущую жизнь. Это меня насторожило и я начал потихоньку дистанцироваться. Вскоре случилось так, что я заболел тяжёлой формой гриппа. Как-то вечером раздался телефонный звонок. Папа снял трубку и услышал взволнованный голос Люды, которая заикаясь рассказала, что Галя собирается выброситься из окна (5-ый этаж), если я немедленно к ней не приеду. Папа объяснил, что я болен и лежу с очень высокой температурой. Теперь я уже не помню, то ли папа поехал туда, то ли ему удалось успокоить Галю по телефону, но факт остаётся фактом, угроза суицида миновала, а в наших взаимоотношениях наступил штиль. Дальнейшая её судьба мне неизвестна.

В 1957 году я стал посещать вокальную студию при Киевском доме учёных, где на одном из вечеров познакомился с очаровательной девушкой Розой – пианисткой, выпускницей Киевского музыкального училища. У Розы была прекрасная фигура, горделивая осанка и яркая семитская внешность. В разгар наших пламенных отношений я умудрился подхватить достаточно редкое вирусное заболевание – инфекционный мононуклеоз, который передаётся воздушно-капельным путем, чаще всего со слюной (например, при поцелуе), отсюда его народное название «поцелуйная болезнь». Но мы с Розой без страха и сомнения полностью

игнорировали эти предостережения. Я пробыл в больнице около месяца и, вероятно, своим примерным поведением заслужил симпатию профессора Иерусалимского, который даже оставлял мне ключ от своего кабинета, где мы с большой охотой предавались с Розой воздушно-капельным контактам. Сейчас стыдно признаться, но я тогда так и не смог преодолеть необъяснимого чувства брезгливости, возникающего у меня при виде её прекрасных обнажённых грудей. Они при всей своей безупречности формы были увенчаны тёмно-коричневыми сосками. А это почему-то оказалось для меня непереносимым (чёртов эстет).

Завод электроизмерительной аппаратуры

После моего бесславного поступления (вернее непоступления) в строительный институт я пошёл работать. Мой трудовой стаж начался на Киевском заводе электроизмерительной аппаратуры, где до 1947 года папа работал директором. Надо сказать, что мне сразу повезло. Я попал в ученики к удивительному мастеру-механику Александру Александровичу Полунину. Его золотые руки могли сделать всё: от им же придуманного (без чертежей) сложнейшего станка-автомата до «Железной дороги» для цирка Золло (в то время один из самых популярных цирковых аттракционов). В 2007 году в Киеве открылся музей циркового искусства, где можно увидеть паровоз, изготовленный Полуниным.

У него было отменное здоровье, относительно молодая жена и десятеро детей. Это был небольшого роста сутулый человек, одетый в старый промасленный комбинезон синего цвета. Когда он был чем-то доволен, его лицо озарялось светлой детской улыбкой, а в синих глазах появлялись весёлые искорки.

В обеденный перерыв Сан Саныч, наскоро перекусив, выходил во двор и крутил «солнце» на ржавом турнике под наши восторженные аплодисменты. Работалось мне комфортно, многие ещё помнили папу и говорили о нём с благодарностью и теплотой. Это было очень приятно, и я старался не запятнать его светлое имя.

Несмотря на крайне загруженный день (работа плюс вечерняя учёба), ещё оставались силы и время на общественную работу, дружеские посиделки и амурные похождения. Моей пассией в эти полтора года была очень милая и застенчивая девочка Камила Коген, которая чуть было не стала моей женой.

Но, как говорится, чуть – не считается. Кама с неожиданной лёгкостью вписалась в нашу легкомысленную компанию. Мы с ней встречались больше года и даже строили уже планы на будущее. Однако наши пылкие отношения как-то незаметно даже для нас самих сошли на нет. Впоследствии Кама вышла замуж за очень красивого (не чета предшественнику) молодого человека, с которым, насколько мне известно, у неё всё хорошо сложилось.

Этот период оказался вершиной моей «бурной» комсомольской деятельности. Я был избран членом Московского райкома комсомола и принимал активное участие во Всемирном Форуме молодёжи 1957 года. Надо сказать, что Московский всемирный фестиваль приковывал к себе внимание не только передовой молодёжи всего мира, но и криминальной общественности нашей страны и в частности нашего города. Так из Киева в Москву отправилась изрядная бригада воров-карманников, среди которых был один из рабочих нашего завода – некто Изя. По его словам параллельно с ними для предотвращения их искусной деятельности в Москву был откомандирован солидный отряд милиционеров под руководством начальника Шевченков-

ского райотдела милиции подполковника Белова. Но их миссия, судя по всему, оказалась не столь успешной. Изя по возвращению из Москвы так просто с барского плеча подарил мне часы «Фестивальные». Это, если выразиться сегодняшним сленгом, было очень круто. Ведь они стоили тогда 300 рублей. При этом меня почему-то совершенно не смущало их происхождение.

Но, мысленно возвращаясь к Сан Санычу, как мы его называли, могу сказать, что, благодаря ему, я научился работать ответственно и даже дотошно. Он был моим первым учителем по жизни, разумеется, не считая родителей. После сдачи на третий разряд слесаря-инструментальщика, я легко освоил также профессию лекальщика и занимался доводкой измерительного инструмента (штанген-циркули, микрометры, пассаметры) для сдачи их государственному поверителю. Моим рабочим инструментом были различные притиры, шлифовальная паста Гои и плоскопараллельные плитки Иогансона. Работа была сдельная и приносила по тем временам весьма недурные заработки.

В прессо-штамповочном цехе завода работал прессовщиком Борис Гуревич, в то время чемпион Украины и СССР по борьбе вольного стиля. Часто можно было наблюдать, как он с удивительной лёгкостью манипулировал возле прессов тяжелейшими пресс-формами. Впоследствии Боря стал чемпионом мира и Олимпийских игр, но тогда уже ни он, ни я на заводе не работали. У нас как-то сразу сложились добрые приятельские отношения. Главным образом на почве ухаживания за двумя подругами. Виделись мы, правда, вне завода нечасто, поскольку всё свободное время он проводил на тренировках, а я метался между работой и вечерней учёбой. Когда же летом мы приходили на пляж, он вытаскивал из сумки эспандер и резиновые бинты и начинал накачивать мышечную массу. Вокруг собирался народ, чтобы полюбоваться красотой его классической фигуры. В1957 году в Нью-Йорке у здания ООН была установлена бронзовая скульптура Е. Вучетича «Перекуём мечи на орала», которую скульптор ваял с Бориса Гуревича.

Завод «Большевик»

С середины 1958 года я уже работал на другом предприятии. Откровенно говоря, сегодня я даже толком не могу вспомнить причину моего увольнения. Может быть свою негативную роль сыграла значительная удалённость завода от дома, а возможно, простая человеческая слабость. К тому времени окончательно разладились наши отношения с Камой и мне показалось, что легче сбежать, чем идти на непростые объяснения. Хотя, как впоследствии оказалось, объясняться всё равно пришлось.

Итак, последующие полтора года до осени 1959 я работал ремонтником весового хозяйства на крупном машиностроительном заводе «Большевик». Работа требовала не только умения, но точности и терпения. Нас в ремонтной бригаде было всего двое – мой бригадир и я. А ремонтировать приходилось все виды весовых механизмов – от аналитических лабораторных весов до 100-тонных железнодорожных весов-платформ. С ужасом вспоминаю дни, когда приезжали государственные поверители из Палаты мер и весов для приёмки отремонтированных нами агрегатов. В такие дни нам за день приходилось перетаскивать по углам платформы, удерживая в каждой руке по 20-ти килограммовой прямоугольной гире, до 30 тонн общего веса. Однажды во время такого жонглирования у меня пошла горлом кровь, что окончательно переполнило чашу моего терпения, и я распрощался со своей карьерой гегемона.

Наша весоремонтная мастерская была частью ремонтного цеха № 13, в который обычно ссылали на вспомогательные работы провинившихся рабочих из других цехов. Цех наполовину состоял из шулявской шпаны, поскольку завод находился на территории печально знаменитой Шулявки, одного из самых криминальных районов Киева. Эта блатная братва при каждом удобном случае проявляла свою асоциальность и неоправданную агрессию. Во время одного из эпизодов крайним оказался я. В обеденный перерыв, как обычно, играли в настольный теннис. Я находился среди болельщиков, а рядом на верстаке уютно расположился

с початой бутылкой водки и недоеденным бутербродом местная блатная шестёрка по кличке Шитый. За теннисным столом мерялись силами молодой слесарь с лицом Швейка по фамилии Канонёнко (во память!) и молодой фрезеровщик явно не титульной национальности (тут памяти не хватило). Канонёнко явно был сильнее. Вдруг Шитый прохрипел: «Дави жидов!». Совершенно неожиданно у меня в руке оказался большой напильник, которым я, как потом выяснилось, сломал Шитому ключицу. Был суд, приговоривший меня к десяти дням исправительных работ на дерево-обрабатывающем комбинате. После этого случая я распрощался с заводом «Большевик» и довольно долго обходил Шулявку стороной.

Освоение космоса

В конце пятидесятых годов прошлого столетия началась космическая эра. Победы в освоении космоса достигались в острой конкурентной борьбе между США и СССР на фоне развернувшейся холодной войны. Руководство страны требовало от учёных и технарей скорейших результатов (по принципу – «родить богатыря к годовщине Октября»), обеспечивающих приоритет СССР в этой области. Мы должны были стать первыми любой ценой.

Юрий Визбор (1934 – 1984) тогда писал: «Зато мы делаем ракеты, / И перекрыли Енисей, / А также в области балета / Мы впереди планеты всей!».

И действительно, 4 октября 1957 года в СССР был осуществлён успешный запуск первого в мире искусственного спутника земли (Спутник-1). С этого момента люди стали с волнением ловить характерные попискивающие сигналы, пронизывающие пока ещё свободное космическое пространство.

19 августа 1960 года стартовал корабль «Спутник-5», который вывел

на космическую орбиту советских собак-космонавтов – Белку и Стрелку.

Они были первыми животными, совершившими орбитальный космический полёт, продолжавшийся более 25 часов, и невредимыми вернулись на Землю.

Апофеозом начального периода освоения космического пространства стал, разумеется, полёт первого человека. Утром 12 апреля 1961 года старший лейтенант Юрий Гагарин стал первым человеком в мировой истории, совершившим полёт в космическое пространство. Корабль «Восток», на борту которого находился Гагарин, был запущен с космодрома Байконур, и после 108 минут пребывания в космосе уже майор Юрий Гагарин успешно приземлился под Саратовом.

Так хорошо помню этот солнечный день. Я стоял за кульманом, создавая очередной технологический «шедевр». И вдруг по залу разнеслось: «ЧЕЛОВЕК В КОСМОСЕ!». Я думаю это восклицание тогда прокатилось по всему миру. Это вызвало действительно всенародное ликование. Хотя в тот момент вряд ли кто-то адекватно понимал значимость события и так ли уж важна была эта приоритетность. Но все вопросы и сомнения отпали, когда мы увидели героя.

Юрий Алексеевич Гагарин (1934 – 1968) оказался на редкость обаятельным молодым человеком. Его улыбка сразу завоевала сердца людей всего мира. А его произнесенное при старте знаменитое: «Поехали!», навсегда стало символом неиссякаемого оптимизма и веры в успешное завершение порученного дела.

Первые годы всех космонавтов мы знали не только по фамилиям, но и в лицо, а сейчас я заглянул в

интернет и выяснил, что на 1 января 2015 года в космических полётах участвовали 119 космонавтов из СССР и России.

Завод «Электроприбор»

После завода «Большевик» я с большим трудом при помощи Иры, которая тогда работала в банке, был взят на работу всего лишь контролёром ОТК механического цеха завода «Электроприбор». В один из первых своих рабочих дней я сидел за столом посреди цеха и тупо вставлял мерную пробку в отверстия сданных мне на проверку деталей. И вдруг я увидел ангела в голубой косынке, пролетающего в проходе между станками. Это была ОНА.

Татьяниада

Не откладывая в долгий ящик, мы уже с конца зимы 1959 года начали встречаться. Из-за непростых семейных отношений в семье Таня вынуждена была жить в Буче под Киевом. К тому времени её мама – Елена Владимировна со своим молодым мужем Георгием Сергеевичем и тремя сыновьями жили на улице Мечникова в одной комнате у Жориной мамы. Тане там места не нашлось. Поэтому какое-то время после наших свиданий бедная девочка возвращалась домой поздним вечером в Бучу одна (к моему стыду) через лес. А дома её встречали оголодавшие кошка с собакой, которые требовали еды и ласки. С Бучей у нас с Танюшей связаны и приятные воспоминания. В период моего ухаживания за Таней мы частенько и с удовольствием ездили к Татьяне Владимировне (тёте Тане), которая тоже жила в Буче.

Это был гостеприимный и доброжелательный дом. Тётя Таня и Наташа (её дочка) всегда встречали нас с какой-то особой теплотой. А мы всегда перед поездкой заходили в кондитерскую на площади Калинина, где покупали шоколадные любимые конфеты тёти Тани.

В конце концов, мы сняли Танюше угол (раскладушка в углу комнаты) у всё той же Люды Слуцкой. Это очень осложняло жизнь, разумеется, главным образом Тане, и она стала форсировать события, настаивая на оформления наших отношений.

Признаюсь, было ещё одно обстоятельство, которое могло помешать нашему совместному будущему. В этот период я стал увлекаться крепкими напитками. Всё начиналось в обеденный перерыв. Мы запирались в помещении бюро цехового контроля и соображали на троих. Инициатором обычно был наш начальник, но нас не нужно было долго уговаривать. По окончании смены мы уже другим, чисто молодёжным, составом возвращались через Подол домой, не пропуская при этом ни одного винного магазина. В них мы привычно откушивали коктейль «Северное сияние» (2/3 шампанского и 1/3 коньяка), после которого тянуло на всяческие весёлые подвиги. Особым шиком тогда считался бренди «Плиска», который мы уважительно именовали коньяком.

Недалеко от завода на улице Глубочицкой находился продуктовый ларёк, где посменно работали безотказные тётя Маруся и тётя Циля, которые всех нас, потребителей спиртного, знали в лицо. К тому же тётя Циля жила во дворе прямо за ларьком, что давало возможность отовариваться во время второй смены и даже ночью. Достаточно было условным стуком потревожить дверь, как она волшебным образом отворялась на ширину дверной цепочки и тётя Циля, увидев просителя, выясняла – на скольких, а затем

выносила бутылку, солёный огурчик, несколько кружков чайной колбасы и пару кусочков украинского хлеба. Такой был сказочный сервис. Все должники тёти Цили в получку аккуратно и даже с лихвой рассчитывались с ней. В общем, я вёл вполне разгульную жизнь. И тут Танюха ультимативно мне заявила: «Или я, или тётя Циля!».

Как вы понимаете, тётя Циля проиграла в неравном бою, а армия любителей спиртного потеряла, возможно, перспективного бойца. Я решительно завязал с индивидуальным пьянством. С тех пор мы с Танюшей утоляем жажду паритетно, всячески поддерживая друг друга.

Когда я сообщил родителям, что мы собираемся пожениться, они, как мне показалось, растерянно улыбнулись и начали задавать не очень приятные вопросы. Не рано ли? Как будем жить? Где будем жить? На что будем жить и, что будет с нашим образованием? Я не думаю, что мои ответы показались им убедительными, но горячность, с которой я говорил, и их житейская мудрость позволили благословить нас. По сей день благодарю их за это. Они приняли Танюшу со свойственным им тактом, а, узнав её поближе, полюбили всем сердцем.

Божково

Часто в Киев в командировку приезжал папин друг детства Евгений Маркович Лурье. Он всегда останавливался у нас. Многие годы Евгений Маркович был начальником одной из колоний МВД. Всякий раз, приезжая к нам, дядя Женя уговаривал папу и маму отправить меня на лето к ним в Божково, всячески расхваливая прелести их натурального хозяйства. Наконец, я принял его любезное приглашение, решив провести там свой отпуск. Тут следует напомнить, что это было накануне нашей с Танюшей

свадьбы. Таня в это же время поехала в Лозовую навестить тётю Дусю – первую жену Таниного отца. А я, приехав в Божково, убедился, что у дяди Жени всё действительно было отлично. И замечательные дочки, и природа, и свежайшая еда, которую очень вкусно готовила Вера Максимовна. Таких молочных продуктов я не едал больше никогда в жизни. Кроме того, меня очень занимала кажущаяся романтика лагерной жизни. И всё же за 2-3 дня я так истосковался по Тане, что, испросив разрешения у дяди Жени и тёти Веры, поехал в Лозовую за Таней и привёз её в Божково, где мы уже вместе провели прекрасную неделю.

Таня, к моей радости, всем очень понравилась, а дядя Женя в неё просто влюбился и, по сути, стал крёстным отцом нашего брачного союза. Только много лет спустя он мне рассказал, что на самом деле хотел меня посватать за свою младшую дочь – Ларочку. А тут я, как говорится, в Тулу со своим самоваром, да ещё с таким красивым. Дядя Женя водил нас на экскурсию в зону, показывал псарню с лютыми собаками и даже однажды взял с собой на ночную охоту на зайцев в степи при свете автомобильных фар.

После ухода на пенсию в 1967 году семья Лурье переехала в Одессу, где они поселились в большой квартире на улице Островидова. Мы с Таней бывали там у них и были дружны не только с родителями, но и с девочками и их семьями. К сожалению, никого из них уже нет в живых.

Вернулись мы из Божково уже окончательно психологически подготовленными к нашему бракосочетанию. Обстоятельства нашей свадьбы я попросил припомнить Танюшу, что она, спасибо ей, и сделала. Привожу написанные ею строчки практически без изменений.

Наша свадьба

«Начну со свадьбы. Был мокрый день. Именно мокрый, а не дождливый. Моя прическа завилась в мелкий барашек, чего я терпеть не могу. Платье на мне было из голубого жатого нейлона сарафанчиком с шарфом из того же нейлона, предназначенным прикрывать мои костлявые

плечи. Расписывались мы в районном Загсе, была довольно большая компания друзей, сотрудников и родственников. Друзья были со стороны жениха, так как у меня таковых не было. Были две девочки с завода, с которыми я работала в одной комнате. Свадебный обед был рассчитан на два дня. Первый – для молодежи. Второй – для старшего поколения. Поскольку все это происходило дома на улице Свердлова и на средства родителей жениха (у моей мамы кроме долгов за душой никогда ничего не было), количество гостей дозировалось. Из-за чего жених потерял пару друзей, которые не получили приглашения на свадьбу из-за недостатка мест. Я в этих обсуждениях не участвовала по причине своих, в общем-то, никчемных возможностей. Отсутствие денег, комната в Буче, среднее образование и ничего не могущая мама со своим молодым мужем и тремя (без меня) детьми-школьниками.

На свадьбу приехал из Москвы брат мамы жениха – композитор Жарковский с женой Светланой и дочерью Лизой, а также Любочка Горкина, подруга родителей жениха, очень колоритная и эффектная женщина. Всем им было около 50-ти и мне они казались довольно старыми. Особого пиетета к иногородним гостям не испытывала. Все были чужие. Помню, что в подготовке блюд принимали участие соседи – Максимаджи. Приготовленное Ниной Максимаджи баклажанное соте было необыкновенного вкуса, который повторить мне не удалось за всю мою последующую куховарскую практику.

Ещё мне запомнились свадебные кольца, сделанные маминым мужем, поскольку у нас на их покупку денег не было, общая усталость и вздох облегчения после окончания двух туров свадебных дней. Мы имели три отпускных дня на свадьбу (по закону), после чего приступили

к работе и занятиям на подготовительных курсах для поступления в институт. Романтики ноль. Все что-то нам дарили. В памяти осталось большое количество наборов столовых приборов фраже, которые мы потом сдавали по мере необходимости в комиссионный магазин, чтобы поддержать свой тощий бюджет. Ещё мы сдавали кровь, нам платили около 25-ти рублей за 500 гр. Да плюс обед. Длительное время нас поддерживали родители, хотя паразитами нас нельзя было назвать. Мы работали и учились, ни на что не претендуя».

Добавлю к написанному Танюшей, что на следующий день после того как отгремели свадебные штормы, было решено пойти и сфотографироваться всем семейным кагалом (со стороны жениха) у знаменитого тогда в Киеве фотографа Борщевского.

Стоят: папа, мама, дядя Женя, Света, Марат, Ира.
Сидят: дядя Изя, Лиза, я, Дима, Таня.

Так приятно смотреть на всех! Но никого и ничего не вернуть...

Мои родители сняли для нас в центре города проходную комнату в двухкомнатной квартире, принадлежащей их знакомой, весьма высокомерной даме с аристократическими замашками. Однако это ей не мешало после того, как мы укладывались в кровать, ритмично поскрипывающей в определённых ситуациях, выскакивать из своей комнаты и гордо проплывать в туалет. Год мы прожили в такой нервной обстановке.

В марте 1962 года у Иры и Марата появился второй сын – Алёша. И всё это в те же 32 метра. Мама хотя бы утром сбегала от этого бедлама на работу, а бедный папа черпал творящийся в доме кавардак полной пригоршней. Но ни слова упрёка, только помощь и совет. А за советом к папе приходили многие и довольно часто.

Мы с Танюшей по-прежнему, как проклятые, работали и учились. Убегали рано утром, а возвращались поздно вечером. По воскресеньям мы с удовольствием приходили на улицу Свердлова пообедать и пообщаться. Очень не хватало родительских прикосновений, при этом меньше всего я имею в виду физический контакт.

В 1963 году Танина мама со своей семьёй получила трёхкомнатную квартиру в Дарнице на улице Строителей, куда переехали и мы с Таней. Елена Владимировна всегда вставала раньше нас и готовила завтраки. До этого она зачастую успевала ещё сбегать на базар.

Еда в доме была простая, без выкрутасов, зато всегда свежая, а потому особенно вкусная. Утром нас встречал на столе дымящийся завтрак и завёрнутые бутерброды с собой. Для меня это было очень непривычно, и я это очень ценил. С молодым мужем Елены Владимировны – Георгием Сергеевичем Остроградским у меня сложились добрые товарищеские отношения.

У него были золотые руки, которые могли делать очень многое. От ювелирных поделок до технических работ в области стоматологии. Как раз во время нашего совместного проживания Георгий Сергеевич смастерил из хлама, найденного буквально на помойке, нормально действующий холодильник.

В Дарнице у нас была маленькая комната с закрывающейся дверью. В результате 17 января 1964 года появилась Ирочка, наше единственное дитя. Родилась замечательная здоровая девочка весом больше пяти килограмм и ростом 62 см. Очень скоро стали очевидны голубые глазки, светлые волосы и сдобные щёчки. Каждого, кто приближался к Ирочке, она встречала радостной улыбкой.

Конечно был нелегко, особенно Танюше. К сожалению, существенной помощи от мамы получать не удавалось. Может быть сказывалось то обстоятельство, что у Елены Владимировны был молодой муж, от которого относительно недавно (6 лет назад) они произвели на свет сына Сашу. Какое-то время мы продолжали жить у тёщи, а уже к концу года Ира и Марат получили квартиру, кстати, тоже в Дарнице, и мы переехали на Свердлова (Прорезную). Ирочке было чуть больше полугода, когда мы вынуждены были её отдать в ясли на улице Пушкинской.

А сейчас хотелось бы вновь несколько нарушить принятые мной временны**е** рамки повествования. Говорят же, что большое видится на расстоянии. Нашему союзу с Танюшей уже больше 50 лет. Теперь, оглядываясь назад, уже с высоты прожитых лет могу с уверенностью сказать – тогда, в 1959 году наша встреча на заводе «Электропирбор» была для меня воистину божественным даром. Я встретил свою единственную настоящую любовь и верного друга.

С годами я понял, что природой ничего более совершенного, чем женщина, не создано. А в Тане удивительным образом соединились красота оболочки с красотой души. Её светлая душа и неугасимая любознательность удивительным образом сочетались с необоримым ожиданием жизненных неприятностей. Невольно создавалось впечатление, что мир Танюши соткан, если не чёрными, то преимущественно серыми нитками. Но её живой женский ум и душевная тонкость помогали нам преодолевать самые тяжкие жизненные испытания. А они были, да ещё сколько! За эти годы мы научились практически без серьёзных семейных катаклизмов идти навстречу друг другу, находить взаимные компромиссы и по мере необходимости уступать друг другу.

Конечно, неумолимые годы и пришедшая с ними старость притупляют былые чувства и меняют человека, утрируя в нём как доброе, так и злое, но остались верность, признательность и нежность, которые, я считаю, сильнее и ярче былой страсти.

Завод «Электроприбор (продолжение)

Следующим этапом, причём довольно затяжным, моей трудовой деятельности стал завод «Электроприбор». По рассказам старожилов этот завод считался еврейским, поскольку большинство работающих, как уже тогда говорили, были лицами еврейской национальности. К тому же, территориально завод находился на Подоле – исторической части города, где главным образом в прежние времена жил еврейский ремесленно-комерческий люд.

В 1959 году на заводе работало 350 человек, а к моменту моего ухода в 1978 году общая численность уже приближалась к 5000. Так я изменил демографию родного завода. За почти 20 лет моего самоотверженного труда на благо советского приборостроения я прошёл путь (не лучше ли прополз?) от контролёра ОТК до начальника технологического бюро. За эти годы отучился в вечернем техникуме, что было абсолютной бессмыслицей, и окончил вечернее отделение Киевского Политехнического института по специальности «технология машиностроения». В те же годы (очевидно сказывалась нагрузка) я познакомился с загадочным словом «гастроэнтерология».

Моя гастроэнтерология

За свою жизнь я накопил изрядный опыт в делах кишечно-желудочных. А началось всё в 1961 году. Тогда я впервые попал с жалобами на острые боли в животе в гастроэнтерологическое отделение Киевской городской клинической больницы № 18, расположенной в центре города по улице Бульвар Шевченко 17. У меня диагностировали язвенную болезнь двенадцатиперстной кишки. С тех пор, спасаясь от сезонных (весна – осень) обострений язвенной болезни, я стал их ежегодным пациентом,. Заведующей гастроэнтерологического отделения в те годы была Аза

Трофимовна Левченко, грамотный врач и хороший организатор, имевшая к тому же ещё и партизанский опыт. В ней странным образом сочеталась внешняя суровость с душевной отзывчивостью. В отделении соблюдались идеальная чистота (даже в туалете) и давно установленный ею порядок. Будь то ежедневный обход палатных врачей или профессорский обход (Георгий Иосифович Бурчинский), назначенные процедуры, работа столовой или влажная уборка отделения – всё находилось под строгим контролем Азы Трофимовны.

Должен заметить, что больные-желудочники были настолько медикованные, что могли сами контролировать процесс своего лечения. Правда концепция возникновения язвенной болезни с годами существенно менялась. Существовало множество мнений. Одни считали, что это наследственное заболевание, другие были убеждены, что язвы кишечно-желудочного тракта возникают под влиянием стрессов и негативных эмоций, многие же гастроэнтерологи винили во всём повышенную кислотность. Сегодня же главной общепринятой причиной возникновения язвенной болезни считается наличие в организме хеликобактерий, с завидным аппетитом разъедающих слизистую желудка и кишечника.

Позволю себе, как опытный хроник, высказать свою точку зрения. На мой взгляд все концепции имеют место быть. Мой папа и папин папа, т.е. мой дедушка, были хроническими язвенниками. Я имел возможность на собственном опыте убедиться, что у меня открывались язвы после серьёзных, или казавшихся серьёзными, жизненных передряг. Всякий раз, попадая в больницу, я с трудом выдерживал мучительные процедуры обследования – эндоскопию и глотание толстенной кишки для определения уровня кишечной секреции. В результате у меня обнаруживались новые язвочки на фоне повышенной кислотности. Однако схема лечения была почти всегда одинаковой. Помимо диеты, лечебной физкультуры и физиотерапии назначались такие препараты как альмагель, викалин, баралгин, гастроцепин и витамин В в уколах. Многие больные шли под нож. Так однажды со мной в палате лежал очень симпатичный

мужик Володя Пелюшенко. Этот бедолага перенёс шесть резекций желудка или того, что оставалось после предыдущих операций. Его растерзанный живот напоминал небрежно вспаханное поле. Володин горький опыт навсегда отбил у меня охоту решать язвенную проблему с помощью скальпеля.

Моими соседями по палате в разное время были очень любопытные персонажи. Так в один из моих заходов на соседней кровати лежал тогдашний директор Байкового кладбища Николай Гладченко. При нём наша жизнь окрашивалась всеми цветами радуги. Его благодарные клиенты в нарушение установленных правил диеты тащили ему всяческие разносолы и деликатессы. Чёрная и красная икра, сёмга и осетрина, мясная нарезка и даже свежина. Короче закуска была отменная. В 1980 году Николай помог в наших проблемах, связанных с его горькой территорией.

Дважды я оказывался в одной палате с Колей Стражеско, с которым был шапочно знаком ещё по школьным временам. Он был внуком великого терапевта академика Н. Д. Стражеско и сам стал замечательным врачом. Но его загубила водка. Лёжа в больнице даже с желудочным кровотечением он ежедневно выпивал бутылку этого зелья, практически не скрываясь. Руководство отделения,учитывая его фамилию и принадлежность к одному цеху, делало ему всяческие поблажки. В частности вечером ему давали ключ от аудитории, где он принимал больных простатитом. Своими длинными пальцами он умело массировал раздобревшую железу, а за часть полученного им гонорара нянечка утром приносила ему горячительное. Кроме того, Коля был замечательным партнёром в преферансе. Вечера, когда весь персонал разбредался по домам, мы садились за ломберный столик (фанера между кроватями) и расписывали пульку. Такая атмосфера благотворно способствовала быстрому рубцеванию язвы.

Забегая на много лет вперёд, скажу, что последний раз я обращался к гастроэнтерологу с обострением, вызванным начальным эмиграционным стрессовым периодом, уже в Кёльне. Никаких тебе глотаний резиновых кишок. У меня

взяли кровь на наличие хеликобактерий и отправили в соседнюю комнату на гастро-эндоскопию. Уложив на кушетку, укрытую белоснежной простынёй, мне сделали какой-то укол, вставили в рот пластмассовый загубник и я улетел. Через непродолжительное время меня разбудили, я встал, как ни в чём не бывало, выпил предложенную чашечку крепкого ароматного кофе и выслушал приговор. Имеется небольшая язвочка, которую будут лечить антибиотиком. За семь дней при помощи амоксицилина с хеликобактериями было покончено. Навсегда.

Но вернёмся на Бульвар Шевченко 17. Все годы меня спасал замечательный врач Анатолий Владимирович Корнейчук. После его лечения мои язвочки обычно рубцевались за две-три недели. Однажды я попал туда с кровотечением, и он меня решил отправить в хирургию. Я категорически отказался. И тогда он потребовал от меня расписку о том, что я отказываюсь от операции под свою ответственность. Получив эту расписку, он удовлетворённо сказал: «Молодец! Будем оперироваться только по жизненным показаниям, а не по инструкции Минздрава». И добавил: «К пятидесяти годам ты забудешь о своей язвенной болезни». Так и получилось. К сожалению, в последующие годы меня лечили там же, но уже другие доктора, потому что Корнейчука откомандировали в Афганистан личным врачом Бабрака Кармаля, с которым он и оставался до конца его дней (1996), правда,уже в Москве.

Мысленно возвращаясь к годам, связанным с заводом «Электроприбор», понимаю, что то были годы моего становления не только профессионального, но и просто как человека. Это был большой (почти двадцать лет) и важный период моей жизни. В эти годы я встретил мою Танюшу, у нас появилась Ирочка, подарившая нам безоблачных три с половиной года. А затем чёрной тучей пришло лето 1967 года и наша жизнь провалилась в тартарары. Отныне всё было подчинено борьбе с Ирочкиной болезнью...

И всё же мы оба доучились и получили дипломы. Таня в 1967 году ушла с завода, а я продолжал работать вплоть до 1978 года. На заводе мы обзавелись на всю дальнейшую

жизнь друзьями и просто хорошими знакомыми, с которыми и по сей день, несмотря на нашу разбросанность по всему миру, благодаря современным техническим средствам, поддерживаем добрые приятельские отношения. Их так много, что назвать поимённо не позволяют формат повествования. И всё же троих хотелось бы выделить и сказать о них несколько добрых слов. Эти люди меня многому научили, поэтому вспоминаю их всегда с большим теплом и благодарностью. К сожалению двоих уже нет. С них и начну.

Л. С. Абрамович

Л. С. Абрамович (справа)

Лев Самойлович Абрамович – начальник заводского КБ ОГТ, где я проработал более десяти лет. Наш отдел проектировал оснащение (приспособления, штампы и формы), необходимое для изготовления заводской продукции. Лев Самойлович в этой области являлся непререкаемым авторитетом. Это был большой красивый человек с мощным торсом и крупной породистой головой, главным украшением которой являлся высокий сократовский лоб.

Его лёгкое заикание почему-то придавало его словам дополнительную основательность. Лев Самойлович был несомненно выдающимся инженером и человеком широкого интеллектуального кругозора и истинных общечеловеческих достоинств. Ему удалось сколотить замечательную команду ярких инженеров, умеющих не только хорошо работать, но весело и даже изобретательно отдыхать.

Так в нашем отделе отмечались праздники.

В подготовке с удовольствием принимали участие все сотрудники. Выпускались шуточные стенгазеты и тщательно готовились весёлые сюрпризы.

К коллективным развлекательным мероприятиям относилось и принудительное, как ни странно, участие в майских и октябрьских демонстрациях. Запасались не только дурацкими транспорантами, но и горячительным, что обеспечивало на всю эту многочасовую процедуру приподнятое настроение, что хорошо видно на этой фотографии.

Последние годы демонстрация завершалась общим весёлым загулом на территории Центрального ботанического сада. Пили, пели и всячески дружили.

С. В. Холодкевич

Сергей Владимирович Холодкевич – начальник механического цеха № 3, с которым мне 5 лет посчастливилось сотрудничать. Он внешне, да, пожалуй, и по сути, являл собой образ идеального киношного (тех лет) начальника цеха. Высокий, аскетического вида мужчина с густой шевелюрой, переливающейся перламутровой сединой. Его улыбка способна была положить конец любому производственному конфликту.

Сергей Владимирович сумел подобрать замечательный коллектив единомышленников – старших мастеров, каждый из которых полностью владел ситуацией на своём участке. Сергей Владимирович был

достойным, умным и благородным человеком, умеющим по-настоящему дружить даже со своими подчинёнными. Мы были за ним, как за каменной стеной.

Б. И. Айнбиндер

После окончания техникума меня взяли техником-конструктором в конструкторское бюро отдела главного технолога (КБ ОГТ). Я попал в группу приспособлений и инструмента, которую возглавлял Борис Ионович Айнбиндер. Это был весьма дружелюбный и симпатичный молодой человек. Мне казалось, что внешне он чем-то напоминал очень популярного тогда польского киноактёра, кумира всех женщин в СССР, Збигнева Цибульского.

Б. И. Айнбиндер (слева)

Борис Ионович был на редкость организованным человеком. Его педантичности мог бы позавидовать сам Евгений Онегин. Помните, как у Пушкина: «Онегин был, по мненью многих / (Судей решительных и строгих), / Ученый малый, но педант». А если говорить всерьёз, то чертежи его были образцово-показательными, а рукописные тексты, выполненные специфическим рубленным почерком чертёжника, ещё и изобиловали различными подчёркиваниями и цветными строчками. Всё это усиливало смысл написанного. Благодаря Борису Ионовичу, во мне впоследствии пышным цветом расцвели чёткость, переходящая в дотошность, аккуратность и плановость.

Борис Ионович Айнбиндер сегодня живёт в Иерусалиме. И, несмотря на то, что моё повествование ограничено 1964 годом, не могу не сказать, что, будучи в Израиле в 2009 году мы с ним повидались. Борис Ионович прекрасно выглядит, сохраняя не только причёску (мне на зависть), но и отличную память и прежнюю активность.

Завод «Электроприбор» был для меня настоящей школой

жизни. Бесценный опыт работы в цеху, простота и искренность взаимоотношений с людьми, создающими материальные ценности, естественное обретение инженерных навыков как за кульманом в КБ ОГТ, так и за столом технолога – весь этот багаж, скажу без ложной скромности, я впоследствии с лёгкостью пронёс через всю жизнь.

Электроприборовская окрошка

Яичный коктейль

Поздний вечер. Мы ещё не расходимся по домам. Нужно снять якобы накопившийся за день стресс. Созваниваемся по внутренним телефонам и встречаемся в кабинете у Сани Куземко. Нас трое – он, Слава Дорогунцев и я. С выпивкой никаких проблем (спирт в неограниченном количестве), а закуску каждый тащит то, что осталось после обеденного перерыва. У Славы оказался неоприходованный десяток свежих яиц. И купец загулял. Не щадя затрат, Слава предложил научить нас яичному коктейлю. Мы застыли, внимая неожиданному уроку. Итак, наливаем порцию спирта, в него бросаем яичный желток предварительно отделив его от белка. Спирт, ласково обжигая, льётся в нутро, а ему во след, как нежнейшая смазка, протекает раздавленный языком желток. Теоретический курс завершён. Слава демонстрирует сказанное практически. Однако я вижу – что-то пошло явно не по плану. У меня на глазах цвет Славиного лица меняется по законам спектра – от красного до фиолетового. С криком: «Открой рот!» я засовываю ему в горло свой длинный указательный палец и проталкиваю спёкшийся в чистом спирте желток. Оказывается, Слава просто забыл немного разбавить спирт водой. Вот к чему приводит грубое нарушение технологического процесса.

Военная приёмка

Наш завод на протяжении многих лет выпускал системы управления температурой в элеваторных башнях. Изделие

состояло из длинной многожильной подвески с датчиками температуры и сложного электронного устройства – пульта автоматического управления. Эта специализация привела завод в конце концов в судпром. Предприятие стало делать сложнейшие системы управления для судов и подводных лодок. Их качество проверялось не только отделом технического контроля (ОТК), но и военной приёмкой. Военпреды принимали изделие обычно в последние дни месяца, отлично понимая, что от их решения в данный момент зависит выполнение плана, а следовательно получение прогрессивки или премиальных, а значит финансовое благополучие (жалкие гроши, но всё-таки) сотрудников завода и их семей. Представители военной приёмки прекрасно знали, что система во что бы то ни стало будет отправлена на корабль своевременно и только в рабочем состоянии, но их подпись нужна была здесь и сейчас. Вот и пили всячески нашу кровь. Руководство завода как могло ублажало старших военпредов, а мы делали всё от нас зависящее на своём уровне. В приёмке изделия обычно участвовали два офицера, контролёр ОТК, технолог, инженер по автоматике и выпускающая бригада. Моей задачей вместе с бригадой было устранение замечаний по механической части, а огрехи схемы волшебным образом устранял наш электронный чародей, рано ушедший из жизни, Изя Лазебник. Когда же становилось ясно, что всё уже исправлено и отлажено, но придирки продолжаются, тогда в срочном порядке к тёте Циле отправляли гонца (пить спирт с военпредами считалось западло) и объявлялся перерыв на чай. После дружеского чаепития, вплоть до «ты меня уважаешь?», всё благополучно подписывалось и мы быстро разбегались по домам.

Чмен

Тогда я ещё работал контролёром ОТК во 2-ом сборочном цехе. Я проверял качество выпускаемых цехом элеваторных подвесок. Работа была несложная и оставляла достаточно свободного времени, которое мы с увлечением

тратили, играя в азартную лагерную игру «Чмен». Затевая эту эссешку решил обратиться в Интернет за разъяснением. Всезнающая Википедия по этому поводу сообщила следующее: «Чмен или Шмен (шмендэмэ) – игра на деньги по сумме цифровых значений на денежных купюрах». Среди наших рабочих были люди, прошедшие, как говорится, места не столь отдалённые, они и внедрили эту игру в нашу заводскую жизнь.

Кстати, среди этого люда я постигал народный фольклор не самого высокого стиля. Почему-то запомнились туалетные россыпи устного народного творчества. Так однажды, стоя в цеховом туалете, услышал понятный в этих условиях звук, и стоящий рядом извиняющимся голосом произнёс: «Сцыка без пердыки, что свадьба без музыки». И тут же, делая привычное отряхивающее движение, с горечью добавил: «Сколько х-р не тряси, последняя капля в штанах». Народная мудрость даже сумела найти ответ на вопрос – как отличить рабочего от служащего? Ответ оказался прост: «Рабочий моет руки перед подходом к писсуару, а служащий – после». Я мог бы продолжить, но лучше вернуться к чмену.

Обычно провоцировал начало игры Лёха-Косой, розовощёкий малец из Чернечего переулка (чрево Подола) – рассадника местного криминалитета. Каждая денежная купюра имела свой шести- или семизначный идентификационный номер. Один из играющих зажимал в кулаке разыгрываемую деньгу, а другой – называл порядковые номера цифр (от одного до пяти или шести) идентификационного номера. Если сумма названных цифр после отбрасывания десяток оказывалась больше суммы оставшихся цифр (тоже без десяток), то купюра переходила в собственность второго игрока. Если же сумма названных цифр уступала сумме неназванных, то второй игрок отдавал свою купюру, равную по номиналу зажатой в руке противника. Обычно мне везло до неприличия. Правда, немалую роль в этом играла моя зрительная память. Поскольку количество задействованных в игре купюр было ограничено, то мне удавалось запомнить большинство номеров, что, я думаю,

и определяло моё везенье. Однако, как бы то ни было, но лишние денежки карман не оттягивали.

Богатство заводских недр

В годы, когда я появился на заводе, наше предприятие постепенно переходило от сельскохозяйственного приборостроения на военные рельсы. Завод всё больше и больше стал выпускать управляющие системы для судпрома и прецизионные потенциометры для авиапрома и космоса. Сегодя я могу уже об этом говорить, не опасаясь быть обвинённым в разглашении важной государственной тайны. После развала Союза прежней продукцией завода стали интересоваться всё меньше и меньше, а потому очень быстро, разумеется не без помощи руководства завода, его производственные площади растащили на множество арендуемых территорий, с которых снималась жирная пенка. Как я уже говорил, завод был разделён организационно и технологически на две половины. Судпром и потенциометры. Соответственно существовало два механических цеха (№ 3 и № 12) и два сборочных цеха (№ 1 и № 2).

Сборочные цеха были источником спиртовой валюты, которой можно было расплатиться за любую услугу как внутри завода, так и за его пределами. Военизированная охрана на проходной не могла уследить за грелками со спиртом бережно выносимыми на животе под одеждой. По технологии спирт предназначался для всевозможных протирок, промывок и чисток. Но голь на выдумки хитра, а потому эти технологические операции осуществлялись, скажем, бережливо – с явной экономией установленных норм.

Одно время стали замечать у работников, имеющих отношение к выпуску потенциометров, на пальцах красивые перстни из жёлтого металла. Оказалось, что контактные группы в потенциометрах содержат детали из золота высокой пробы. Под лозунгом «Экономика должна быть экономной!» было открыто небольшое подпольное производства перстней из удивительным образом сэкономленного сырья. Но, к сожалению, однажды украшения на руках сотрудни-

ков завода заметили не только мы, но и приглашённые представители компетентных органов. С тех пор вышеназванные пальцы избавились от ювелирных излишеств.

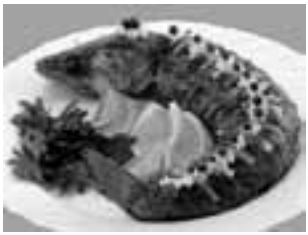
Фаршированная рыба

Известно, что молодость не терпит одиночества. Где бы ни оказывался я в те годы, мне очень быстро удавалось обзавестись друзьями и приятелями, добрые отношения с которыми чаще всего оставались надолго и даже на всю жизнь. Так, благодаря «Электроприбору», в моей жизни появились Света и Володя Смирновы, Изя Ниршберг, Слава Дорогунцев, Миша Шустерман и Миша Грановский. Смирновым и Изе я посвящу отдельные эссешки.

Со Славиком мы были коллегами по ОТК, вместе активно участвовали в заводской художественной самодеятельности, совместно отмечали праздники. Славик работал в лаборатории ОТК, где начальником был бывший директор завода чудаковатый Евгений Степанович Полчевский. В общественном транспорте он ездил, одев на руки перчатки, чтобы не браться за поручни голыми руками. Он утверждал, что люди от безделья дома ковыряются в носу или того хуже, а потом беруться немытыми руками за эти поручни. Любимым его развлечением были шалости с автоматом для газированной воды. Он просверливал небольшое отверстие в дне стакана, ставил его в автомат и с детской радостью наблюдал за пьющими, которым тонкой струйкой вода лилась на живот. Но это был многознающий человек, у которого было чему поучиться. Вскоре мы со Славиком поступили на вечернее обучение в КПИ и, отучившись положенные шесть лет в одной группе, одновременно получили долгожданные дипломы.

Со мной во 2-ом сборочном цехе работал работал тоже контролёром ОТК Миша Шустерман. Нас объединяла ещё и принадлежность к союзу рыжих. Лицо Миши было украшено густым покрывалом тёмно-коричневых веснушек. Такой конопатости я больше не встречал никогда. При этом меня он называл «рыжий та поганый». Он постоянно

корчил какие-то рожи и был горазд на всевозможные придумки и розыграши. Я думаю цирковое искусство потеряло в нём талантливого ковёрного. Однажды он пригласил нас на своё двадцатипятилетие, которое справляла ему мама, хотя он уже был женат на девочке Люсе – сборщице 2-ого сборочного цеха.

Там мы впервые попробовали настоящую фаршированную рыбу. На стол были поданы два блюда с этим чудом еврейской кухни. Несмотря на порционную разделку, рыбины производили вполне цельное впечатление. Жирные бока отливали манящей золотой корочкой, сквозь художественным образом разложенными кружками моркови и бурячка игриво пробивался тугой рыбий хвост, а из жадно раскртытого рта несоразмерно большой головы вызывающе торчал пучок свежей ароматной зелени. Со мной случился кулинарный шок. Я без всяческого зазрения совести поглощал один кусок за другим под недружественные взгляды окружающих.

Там я обратил внимание на красивого худощавого тёмноволосого молодого человека, который смотрел на меня с неподдельным интересом и одновременно с осуждением. Это был Миша Грановский. Несмотря на то, что он был на 8 лет младше меня, наши дружеские отношения не ослабевали вплоть до его преждевременной кончины в 2012 году. Нас объединяли взаимная симпатия, болельщицкие страсти (футбол, шахматы, теннис) и преферанс. Поскольку в этой эссешке уже шёл разговор о фаршированной рыбе, не могу не вспомнить Мишины проводы в армию в 1966 году, где мы вновь встретились с этим божественным блюдом.

Мишина мама создала воистину кулинарный шедевр! В связи большим стечением гостей я довольствоваться на сей

раз лишь одним кусочком. Но осталось незабываемое послевкусие. В те годы для меня пристрастие к гефилте фиш было единственным, что позволяло почувствовать себя причастным к еврейству.

Изя Ниршберг

С Изей мы познакомились в механическом цехе, где он успешно трудился на слесарном поприще. Он был старше меня на пять лет, которые ничуть не отражались на наших отношениях. Даже в некоторых ситуациях я исполнял ведущую роль. Поступив в КПИ, мы оказались в одной группе. Изя был очень лёгким в общении человеком, но (не могу в эту бочку мёда не влить ложку дёгтя) и «в мыслях лёгкость была необыкновенная». При этом он много читал и многим интересовался. В своё время он довольно серьёзно занимался боксом и достиг 1-ого разряда. И возможно из-за этого у него развилась чудовищная близорукость.

Зато его аппетиту мог бы позавидовать даже Гаргантюа. Когда во времена нашего студенчества удавалось собраться за праздничным столом, мы старались стащить с Изи очки, чтобы и нам что-то досталось. Изя жил на Большой Житомирской в небольшой комнате коммунальной квартиры с мамой и тётей, которые не чаяли в нём души. Вскоре Изя женился на очень симпатичной женщине Люде Тарасевич. Мы бывали друг у друга дома или, как говорится, дружили домами. Сейчас Изя и Люда живут в Америке. В 2007 году мы с Танюшей, будучи в США, с радостью встретились с ними. А теперь мы их ждём в Европе с ответным визитом.

Света и Володя Смирновы

Моя вовлечённость в молодёжную общественную заводскую жизнь привела к знакомству с молоденькой комсомолкой Светой Смирновой. Это чёрненькое миниатюрное существо, подвижное, как ртуть, сразу вызвало у меня нескрываемую симпатию.

Очевидно и моя личность нашла какой-то отзвук в её душе, потому как семейные аналы сохранили Светину незабываемую фразу, обращённую ко мне: «Ты такой многогранный!». Света, как и я, тоже работала в ОТК. Наши интересы и пристрастия во многом совпадали. Это книги, и прежде всего поэзия, живопись и «охота к перемене мест». Знакомство же с её мужем Володей, скромным, умным и образованным человеком сделало их нашими ближайшими друзьями на всю жизнь.

Их дружеские участие и помощь мы ощущали всегда, когда в этом была необходимость. Володя при всей своей деликатности всегда отличался изощрённой язвительностью, унаследованной, по моим наблюдениям, от мамы Софьи Захаровны. Постоянным объектом её достаточно ехидных замечаний, правда чаще всего справедливых, была, конечно, Света. В их непростых отношениях буферной системой был, разумеется, Володя. В последующие годы наши дружеские отношения не

только крепли, но становились даже по-родственному сердечными, хотя не все родственники могут этим похвастать.

Я мог бы продолжить свой рассказ о людях, встречи с которыми подарила мне судьба, но, к сожалению, основная ткань повествования по моему же замыслу должна быть ограничена лишь первой четвертью века моей жизни.

И напоследок

Как это не печально, но моё легковесное повествование, я вынужден (одолевают тяжкие раздумья) завершать возвратом к бередящим душу историческим событиям середины двадцатого века, поскольку, перечитав написанное, я к своему изумлению обнаружил, что совершенно не затрагивал систему государственного управления, действующую эти годы в стране. Мне показалось, что без этого портрет времени был бы во многом не завершённым. Разумеется наивно предполагать, что мне будет по силам серьёзный исторический анализ политической анатомии страны. И всё же хотелось бы, пусть отдельными робкими мазками, обозначить политический фон, сложившийся на разных этапах пережитого времени.

Страшная Война. Тут, пожалуй, всё понятно... Чудовищные лишения народа и неисчислимые людские жертвы. Но не даёт покоя вопрос – почему так называемые безвозвратные потери победившей страны – СССР превосходили потери проигравшей стороны – Германии более чем в шесть раз? Страшно называть реальные цифры! Общие безвозвратные потери СССР во Второй мировой войне составили около 43,5 мллионов человек. При этом большинство экспертов считают, что главными причинами таких потерь было следующее:

Репрессии конца 30-х годов, практически обезглавившие Красную Армию незадолго до начала Войны.

Глобальные просчёты (результат преступной самонадеянности отца народов) генералиссимуса Сталина в оценке стратегических планов ефрейтора Гитлера.

Бездарное тактическое и стратегическое мышление

Верховного. Стремление заставить подчиненных выполнять все его директивы любой ценой, что часто приводило к провалу операций и огромным людским потерям.

По сути каждый приказ Сталина заканчивался указанием: «не считаться с жертвами». Победа в этой страшной Войне была достигнута благодаря героизму людей на фронте и в тылу, вопреки убогому руководству и оперативному невежеству вампира «всех времён и народов». Он главный виновник миллионов погибших во время этой чудовищной Войны.

Послевоенные годы. Страна зализывает раны. Голод, убожество быта и крайне унизительные условия жалкого существования людей. Несмотря на неисчислимые жертвы, всё это происходит на фоне естественной всенародной эйфории после победы в Войне. Вынужден снова обратиться к незабываемым строчкам Юрия Визбора: «Зато мы делаем ракеты,..». Ещё были слышны отзвуки отгремевших сражений, а в воспалённом параноидальном мозгу тирана уже выстраивались новые страшные планы. Для него восстановление народного хозяйства было в лучшем случае делом второстепенным, если только не принимать во внимание лживые заявления руководителей партии и правительства и аналогичные выступления партийной прессы.

Все силы послевоенной науки и техники были брошены на создание оружия массового поражения (атомная и водородная бомбы) и средств их доставки на территорию придуманного врага. Государственная машина по-прежнему была сориентирована ещё и на испытанные формы устрашения народа.

За год до окончания Войны по решению Государственного комитета обороны была проведена преступная акция – депортация крымских татар в отдалённые районы Урала, Сибири и Средней Азии. Лишь спустя двадцать лет все обвинения с крымских татар были сняты.

Такая же участь постигла и жителей Чечено-Игушской АССР. В феврале 1944 года проводилась насильственная депортация (операция «Чечевица») чеченцев и ингушей в Среднюю Азию и Казахстан. Представьте себе, весь народ был обвинён в пособничестве оккупантам.

Вскоре партия и правительство якобы вплотную занялись вопросами, способствующими решению первоочередных задач, связанных с восстановлением народного хозяйства. Правда, начать почему-то решили с культуры. В августе 1946 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах «Звезда» и «Ленинград», которым в самых хамских партийных формулировках были практически уничтожены выдающийся писатель Михаил Зощенко и великая поэтесса Анна Ахматова.

Затем главные «эксперты» в области классической музыки – Сталин и Жданов взялись за оперу Вано Мурадели «Великая дружба». Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» от 10 февраля 1948 года осудило композитора, обвинив его творчество в «формалистическом направлении в советской музыке, как антинародном и ведущем на деле вообще к ликвидации музыки».

Столь же энергично и, как показало будущее, также бездарно руководство страны вмешивалось в наиболее перспективные направления науки. Так на печально знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 года, проведенной по согласованию со Сталиным академиком-шарлатаном Трофимом Лысенко (1898 – 1976), был вынесен жёсткий приговор. Передовые идеи генетики, признанные во всём мире, были растоптаны и даже признаны вредными, что на долгие годы затормозило в нашей стране важные направления в медицине, сельском хозяйстве и микробиологии.

В эти же годы на Западе были сформулированы главные положения новой науки – кибернетики, которую сталинские сатрапы и мракобесы сразу же объявили буржуазной лженаукой, что привело к катастрофическим последствиям и к гигантскому отставанию СССР в области вычислительной техники и информационных технологий. В 1948 году в США вышла книга Норберта Винера «Кибернетика, или

управление и связь в животном и машине». У нас же эта книга была издана лишь через 10 лет.

В 1947 году в СССР прокатилась новая волна политических репрессий. Всё началось, пожалуй, с решения Бюро Совета Министров СССР о немедленном роспуске «Еврейского антифашистского комитета». Его члены были обвинены в антисоветской пропаганде и связи с представителями иностранной разведки. Особенно раздражала Сталина всё возрастающая популярность великого еврейского актёра Соломона Михоэлса. Но Сталин всегда шёл по пути окончательного решения вопроса. Нет человека – нет проблемы.12 января 1948 года Соломон Михоэлс был убит в Минске по личному приказу Сталина.

В рамках этой кампании огромное количество людей были уволены с работы, получили различные сроки заключения и даже лишены жизни. Постепенно волна антисемитизма захлестнула все области культуры, науки, медицины и техники. Это вылилось в конце концов в более общую кампанию по «борьбе с безродным космополитизмом», проходившей в стране в 1947 – 1953 годах.

Кульминацией этих акций стало так называемое «дело врачей-отравителей», сфабрикованное по доносу врача Кремлёвки и по совместительству внештатного сотрудника органов госбезопасности Лидии Тимашук. Группу видных врачей обвинили в заговоре и убийстве ряда советских лидеров. Вскоре после смерти Сталина арестованные по «делу врачей» были освобождены, реабилитированы и восстановлены на работе. Не взирая на столь горькие обстоятельства, народ сразу же откликнулся юморной частушкой:

Дорогой профессор Вовси, за тебя я рад.
Оказалось, что ты вовсе и не виноват.
Долго мучался-томился ты в тюрьме сырой.
Хоть свергать и не стремился наш советский строй.
И не порть себе ты нервы, кандидат наук,
Из-за этой, из-за стервы, Лидки Тимашук.

20 января 1953 года Тимашук была награждена орденом Ленина «за помощь, оказанную Правительству в деле разоблачения врачей-убийц». Но «не долго музыка играла...».

Уже 3 апреля 1953 года её лишили ордена «в связи с выявившимися действительными обстоятельствами».

В начале 1949 года по прямому указанию Сталина, параноидальные страхи которого к тому времени уже достигли апогея, было развёрнуто так называемое «ленинградское дело». Выполнять волю маньяка с обычным рвением взялись Маленков и Абакумов. В рамках этого дела были уволены с высоких занимаемых должностных постов множество советских и партийных деятелей, а уже летом 1949 года начались аресты. Главными фигурантами «ленинградского дела» стали:

Кузнецов, Алексей Александрович – секретарь ЦК ВКП(б); Попков, Пётр Сергеевич – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома; Вознесенский, Николай Алексеевич – председатель Госплана СССР; Капустин, Яков Фёдорович – второй секретарь Ленинградского горкома; Лазутин, Пётр Георгиевич – председатель Ленгорисполкома; Родионов, Михаил Иванович – председатель Совета министров РСФСР. Более года арестованных подвергали допросам и пыткам. А 1 октября 1950 года, спустя час после оглашения приговора, все они были расстреляны.

Справедливости ради следует заметить, что сеть продолжающихся репрессий и отсутствие видимого улучшения уровня жизни населения умело компенсировалось ежегодными снижениями цен, которые вызывали всеобщее ликование населения. Каждое 1 марта, начиная с 1948 года, пять лет подряд люди с надеждой открывали газету «Правда», где публиковались постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) о снижении государственных розничных цен на товары массового потребления.

По официальной версии 5 марта 1953 года смерть, наконец, прибрала кровавого тирана – И. В. Сталина. Страна погрузилась в глубокий, а порой истеричный траур. Прощание с вождём превратило Москву в Ходынку XX века. Очень символично, что даже его смерть принесла новые человеческие жертвы. Здесь мне хотелось бы, возможно и не совсем к месту, привести строчки Андрея Вознесенского из стихотворения «Я в Шушенском...»:

«Как он страдал в часы тоски, / когда по траурным трибунам / По сердцу Ленина! – тяжки, / Самодержавно и чугунно, / Стуча, взбирались сапоги! / В них струйкой липкой и опасной / Стекали красные лампасы...».

На мой взгляд только великая поэзия способна дать такой страшный образ кровавого вождя.

После непродолжительной подковёрной борьбы власть в стране была поделена между Г. М. Маленковым, Л. П. Берией и Н. С. Хрущёвым. Председателем Совета Министров стал Маленков, а Первым секретарём ЦК КПСС – Хрущёв (1894 – 1971). С Берией они совместными усилиями расправились уже в середине 1953 года. А в феврале 1955 года сталинскому придворному шуту – Хрущёву (чего только стоили ночные развлечения на даче у вождя) удаётся сместить Маленкова и стать по сути единоличным правителем СССР. Годы правления Хрущёвым страной отличались рядом непродуманных решений и даже авантюризмом.

В 1954 году состоялся пленум ЦК КПСС, который принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Советской пропаганде удалось отправить десятки тысяч молодых людей распахивать огромные пустовавшие пространства Казахстана, Сибири, Поволжья и Урала. Люди работали и жили в нечеловеческих условиях. Неудивительно, что всё это называлось «битва за урожай». Правда результаты этих невероятных усилий и лишений были далеки от ожидаемых и в конце концов привели в начале шестидесятых к существенному повышению цен на основные продукты сельскохозяйственного производства. Повышения цен явились толчком к восстанию жителей Новочеркасска, длившимся всего четыре дня. В Новочеркасск была направлена комиссия Президиума ЦК КПСС во главе с А. И. Микояном (1895 – 1978), считавшимся в руководстве страны наиболее гибким переговорщиком.

В последствии, в 1962 году, он сыграл важную роль в урегулировании «Карибского кризиса», когда мир стоял буквально на пороге ядерной войны. Вообще, биография Микояна является ярким доказательством его уме-

ния приспосабливаться к любому правителю. В народе о нём говорили: «От Ильича до Ильича без инфаркта и паралича».

Но в Новочеркасске его талант переговорщика дал сбой. По решению верховной власти мирный протест жителей города был подавлен (дабы другим не повадно было) самым беспощадным образом. Этот локальный народный бунт и количество жертв при его подавлении по сей день остаются в России одной из самых закрытых тем. Известно, что вскоре состоялся суд над наиболее активными участниками этих событий. 14 человек были приговорены к расстрелу, а 84 – получили от 7 до 15 лет лагерей.

В эти же годы Хрущёв начал компанию по насильственному расширению посевных площадей кукурузы везде, где только можно и даже – нельзя, в том числе и в северных районах. Главным политическим лозунгом стал – «догнать и перегнать Америку по производству мяса, молока и масла на душу населения».

Врать власти умели всегда. Газеты пестрели статьями, рисующими райские картины о пользе применения кукурузы как для еды, так и в виде силоса для откормки скота. На всех экранах страны показывали очень симпатичный агитационный мультик «Чудесница», где главным действующим лицом выступала кукуруза – царица полей. Народ радостно распевал частушки, где были строчки: «Больше нужно поглощать / Кукурузу – вашу мать». А ещё мне очень нравились стишки: «Повсеместно в народе упорно носилось – / «Сеять нам кукурузу теперь без конца! / Кукурузу на силос! Кукурузу на силос!», – / Повторяли за партией наши сердца».

В 1958 году в стране были проведены поспешные народнохозяйственные реформы – ликвидированы почти все министерства. Управление промышленностью,

строительством и сельским хозяйством было поручено вновь созданным совнархозам. Совнархозы продержались до 1965 года. Лишь после снятия Хрущёва со всех постов территориальное управление народным хозяйством вернули на отраслевые рельсы.

Война оставила миллионы людей без крыши над головой. Во многих городах страны стали возводиться жилые массивы пятиэтажных домов с крохотными квартирами с совмещёнными туалетами, прозванными в народе «гаваннами». А за этими жилыми районами прочно закрепилось значащее название «хрущёбы».

В последние годы правления Хрущёва короткая оттепель стала замещаться заметным похолоданием, что проявилось уже в традиционном для руководителей СССР вмешательстве в дела культуры и искусства. Так 1 декабря 1962 года во время посещения Хрущёвым выставки авангардистов в Манеже он устроил ставшим в последствии всемирно известными художниками отвратительный разнос. Там впервые из уст руководителя государства в лицо творцам было брошено безобразное – «пидарасы».

А в марте 1963 года на очередной встрече с творческой интеллигенцией Хрущёв, подстрекаемый своими приживалами, уже распоясался совсем, называя на его взгляд провинившихся «идеологическими диверсантами», «формалистами», «абстракционистами» и любимым словом «педерастами». Андрею Вознесенскому он кричал: «Уже не оттепель, а морозы. Уезжайте к чёртовой матери!».

На мой взгляд важнейшим позитивным фактором почти десятилетнего правления Хрущёва был его доклад «О культе личности и его последствиях», сделанный 25 февраля 1956 года на XX съезде КПСС. После этого была

развёрнута компания по реабилитации огромного множества жертв сталинских репрессий, как отбывающих различные сроки в страшных лагерях ГУЛАГа, так и – посмертно, что было крайне важно для семей репрессированных. И всё же не могу отделаться от мысли, что главным побудительным мотивом осуждения культа личности И. В. Сталина для Хрущёва была попытка дистанцироваться от учинённых в стране зверств. Хотя стало доподлинно известно о расстрельных списках, подписанных лично Хрущёвым. После XX съезда в стране наступил период, получивший позднее название «оттепель», которое не столько отражало сиюминутную ситуацию, сколько несло большую долю надежды на будущее.

Состоявшийся в октябре 1964 года пленум ЦК обвинил Хрущёва в «субъективизме и волюнтаризме» и освободил от всех занимаемых должностей с официальной формулировкой – «по состоянию здоровья».

Такими мне запомнились основные вехи управления страной и её политический фон в годы, затронутые этими заметками.

PS. Я заканчиваю эту книгу, когда в Украине идёт страшная война, спровоцированная Россией и при её непосредственном преступном участии. Её национальный лидер, усвоивший все худшие чекистские черты из своего прошлого, осуществляет беспрецедентную агрессию против дружественного (в прошлом) украинского народа в нарушение всех существующих международных норм и правил. Мстительность, жадность, трусость и бессовестная лживость – вот главные движущие факторы его поступков. Крутой пацан с рейтингом свыше 80% от зомбированного населения России.

На политический Олимп Путин выскочил, как чёрт из табакерки. С середины 1988 года по 1 декабря 2000 года эта серая мышь чудесным образом прошла путь от Директора ФСБ до Президента России. История таких примеров до сих пор не знала. Это было похоже на сверхудачную операцию КГБ, начавшуюся ещё со времён службы Путина под началом Собчака. Большинство коллег Путина по

Ленинградской мэрии, по службе в КГБ и даже по кооперативу «Озеро» заняли ответственные властные посты и стали владельцами неисчислимых состояний. Эта паутина (паутина) опутала всю страну, которая с каждым годом всё больше теряла свои несметные богатства в её липких объятиях. Прислужливые политологи-пропагандисты объявили, что едва ли не главным достижением путинского правления является устойчивая стабильность в стране. Вот основные вехи этой стабильности.

Разгар боевых действий в Чечне с июня 1999 по 2001 год. Потери огромные.

Взрывы жилых домов в сентябре 1999 года в российских городах Буйнакске, Москве и Волгодонске. В результате этих терактов погибли 307 человек.

Владимир Александрович Гусинский – бывший российский медиа-магнат. В 2000 году был вынужден уехать из России, отдав принадлежавший ему телеканал НТВ путинским прихлебателям.

Борис Абрамович Березовский – российский предприниматель, политический деятель, в 2000 года бежал в Лондон от прямого преследования. Путину важно было забрать у него контроль над телекомпанией ОРТ (Первый канал) и газетами: «Коммерсантъ», «Московский комсомолец» и «Независимая газета».

Теракт на Дубровке («Норд-Ост) в октябре 2002 года, . По официальным данным погибли 130 человек из числа заложников.

В 2003 году последовали взрывы в Москве на 1-й Тверской-Ямской улице и во время рок-фестиваля «Крылья» в Тушино.

17 апреля 2003 года убит Сергей Николаевич Юшенков депутат Государственной Думы, стоящий в оппозиции к власти.

3 июля 2003 года после странной скоротечной болезни умер Юрий Петрович Щекочихин – российский журналист и писатель, превратившийся за две недели в глубокого старика. Он входил в группу активной оппозиции Путину.

Взрыв в московском метро 6 февраля 2004 года. Погибли

43 человека.

Захват заложников в школе Беслана (Северная Осетия), совершённый террористами утром 1 сентября 2004 года. При освобождении заложников были убиты 334 человека, из них 186 детей.

Михаил Борисович Ходорковский – российский предприниматель и общественный деятель. В 1997 – 2004 годы – глава нефтяной компании «ЮКОС». Его состояние оценивалось в 15 млрд долларов. Должен был бы поделиться, но не захотел, а главное – в февраля 2003 года на совещании в Кремле наехал на пахана. А за базар нужно отвечать. Арестован по обвинению в хищениях и неуплате налогов 25 октября 2003 года. Был демонстративно помилован в декабре 2013 года.

7 октября 2006 года в лифте своего дома застрелена Анна Политковская – российская журналистка, правозащитница. Писала правду о событиях в Чечне.

В 2006 году в результате отравления полонием-210 умер Александр Литвиненко – подполковник госбезопасности. Критик российских властей и персонально Путина.

Вооружённый конфликт в Южной Осетии и Абхазии, произошедший в августе 2008 года между Грузией и Россией. Погибшими считаются тысячи людей, но официальных данных, которым можно было бы верить, нет.

В сентябре 2010 года смертницы подорвали себя на станциях метро «Лубянка» и «Парк культуры», в результате чего погибли 41 человек. Теракт в Домодедово 24 января 2011 года, жертвами которого стали 37 человек.

Алексей Анатольевич Навальный – российский политический и общественный деятель. Объявил во всеуслышание власть Путина «властью воров и жуликов». 18 июля 2013 года районный суд города Кирова признал его виновным в хищении государственного имущества и приговорил к пяти годам колонии общего режима.

В 2013 году в России в ДТП погибло более 27 тыс. человек, что в 3-4 раза выше, чем в ведущих государствах Европы и Азии.

В марте 2014 года при ловко организованном всенародном ликовании после тщательной подготовки и при активной военной поддержке России Крым стал субъектом Российской Федерации в нарушение всех норм международного права.

Этот перечень можно было бы продолжать и продолжать. Но мне кажется, что и приведенных выше фактов вполне достаточно, чтобы можно было представить, как на самом деле выглядела пресловутая путинская стабильность.

Россия задыхается в тисках непредставимой по своим масштабам коррупции, всё разворовано, страна держится только на нефте-долларах, более или менее терпимый уровень жизни поддерживается только в нескольких крупных городах. Ложь, изрыгаемая прикормленными СМИ, ежечасно обрушивается на и без того зомбированные головы электората, обеспечивающего национальному лидеру необходимый рейтинг. А в Украине ежедневно льётся кровь и гибнут люди. Матери оплакивают ушедших из жизни сыновей, многие дети больше никогда не увидят своих отцов, жёны провожают мужей в безвозвратные командировки. А в России гробовым, в полном смысле этого слова, молчанием встречают непрерывный поток «груза 200».

Выдающийся русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826 – 1889) как-то признался: «Если я усну и проснусь через сто лет и меня спросят, что сейчас происходит в России, я отвечу: пьют, воруют и лгут…».

Очень тревожно...

Содержание

Начнём, пожалуй!. 3
Мама и папа. 6
Мой двор. 7
Игры моего детства 13
Общесемейные мероприятия 20
Детский сад 22
Пионерлагерь 25
Школа (1946) 27
Корсунь-Шевченковский. 28
Москва, 1949 год 30
Мамина кухня. 32
Примус и коробейники 33
Радио. 35
Голубой огонёк 36
Едовые искушения 37
Мамина кухня (продолжение). 39
Хлеб наш насущный 40
Соблазны улицы 41
Людские «достопримечательности» города 44
Школа (1946 – 1951) 46
Фильмы моей юности. 51
Музыка. 57
Первые книжки 59
Подписные издания 61
Москва, 1953 год 62
300-летие воссоединения Украины с Россией 66
Музыка запада 68
Наша музыка 73
Школа (1951 – 1956) 74
Фарца 89
Ира и Марат. 90
Мой футбол 92
Школа (1951 – 1956 продолжение) 95

Дядя Нёма 97
Преферанс 98
Ещё раз о кино 100
Абитуриент 105
Техникум 107
Киевский политехнический институт. 109
Мои увлечения и влюблённости 120
Завод электроизмерительной аппаратуры 122
Завод «Большевик» 125
Освоение космоса 126
Завод «Электроприбор» 128
Татьяниада 128
Божково 130
Наша свадьба 131
Завод «Электроприбор (продолжение) 137
Моя гастроэнтерология 137
Л. С. Абрамович. 141
С. В. Холодкевич 142
Б. И. Айнбиндер. 143
Электроприборовская окрошка 144
Яичный коктейль 144
Военная приёмка 144
Чмен 145
Богатство заводских недр 147
Фаршированная рыба 148
Изя Ниршберг. 150
Света и Володя Смирновы 151
И напоследок 152

Валерий Золотаревский

Пазл в четверть века
Пока при памяти

Безответственный редактор – В. Золотаревский
Компьютерная вёрстка и макет – Г. Пакман
Рисунки А.Андриенко

Подписано в печать – немедленно
Печать цифровая
Тираж – ограниченный
Отпечатано в Кёльне

Кёльн 2015

Прошло 65 лет. Так с нескрываемой тихой радостью смотрит основательно постаревший автор этой книжицы на своё восторженное юное альтер эго. Перед этим молодым человеком ещё откроется всеми своими гранями достаточно сложная и длинная жизнь. Судя по снимку, он явно не ждёт от неё подвохов, беспечно оглашая мир весёлым ржанием. Обе ипостаси принадлежат Золотаревскому Валерию Исааковичу, родившемуся в 1939 году в городе Новочеркасске.

Биография без особенностей, как у многих представителей этого поколения. Младенчество, Война, эвакуация с семьёй в Среднюю Азию. После возвращения в ноябре 1943 года в разрушенный Киев стандартно последовали – детский сад, средняя школа, вечернее высшее образование, диплом инженера-механика и работа с 1956 по1994 годы. Путь от слесаря-инструментальщика до Генерального директора НПО «Электроника» был отягощён нетитульной национальностью и хронической беспартийностью. Женат с 1961 года. Однолюб. Жена, Татьяна Золотаревская, как показали совместно прожитые годы, оказалась верным другом и надёжным тылом.

С 1994 года Валерий Золотаревский живёт в Кёльне. Невостребованность, избыточное свободное время и неистраченная в прошлой жизни энергия подвигли к бурной общественной деятельности.

Неожиданно Валерий Золотаревский решает сменить разговорный жанр на написание простых текстов. В 2010 году выходит его первая книжка – «365» (дневниковые заметки), год спустя – вторая – «Щемящая радость воспоминаний» (о родителях и их ближайшем окружении), а в 2012 году – третья – «Хроника моей иммиграции» (о годах жизни в Германии). В 2013 году на сайте В. Золотаревского (www.valzol.ru) появилась его четвёртая книжка «Золотые россыпи Кёльна», в которой он, по сути, признаётся в любви к городу. Теперь у Вас в руках его пятое творение, свидетельствующее о том, что заполнение текстом чистого листа бумаги стало его неизличимой страстью.